

М.А.Бакунин

ПОЛЕМИКА
ПРОТИВ
ЕВРЕЕВ

МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ БАКУНИН

Полемика против евреев

Краткая биография автора

Михаил Александрович Бакунин русский мыслитель, революционер, панславист, анархист, один из идеологов народничества. Родился 18 (30) мая 1814 в селе Прямухино, Новоторжского уезда Тверской губернии, в дворянской семье тверского помещика Александра Михайловича Бакунина и Елизаветы Александровны Бакуниной (урождённой Муравьёвой). Бакунин отклонял статичные и иерархические системы власти в любой форме. Он также не признавал любую форму иерархической власти, исходящую от воли государя или даже от государства с всеобщим избирательным правом. В своей книге «Бог и государство», Михаил Александрович напрочь отвергал идею любого привилегированного положения или класса, так как социальное и экономическое неравенство, следующее из классовой системы (а также системы национального и гендерного угнетения), несовместимо с принципами индивидуальной свободы. В то время как последователи идей либерализма настаивали, что свободные рынки и конституционные правительства подразумевают индивидуальную свободу, утверждал, что капитализм и государство в любой форме несовместимы с индивидуальной свободой рабочего класса и крестьянства.

Самое значительное из сочинений Бакунина было издано в 1874 году отдельной книгой, которая называлась «Государственность и анархия». Борьба двух партий в интернациональном обществе рабочих». В этой книге Бакунин утверждал, что в современном мире есть два главных, борющихся между собою течения: государственное и социал-революционное. Бакунин утверждал в своей работе, что самая способная к развитию государственности нация — немцы. Он пытался доказать, что борьба с пангерманизмом является главной задачей для всех народностей славянского и романского племени, но успешно бороться с пангерманизмом невозможно путём создания политических противовесов ему в виде какого-нибудь великого всеславянского государства и т. п., так как на этом пути немцы, благодаря их государственным талантам и их природной способности к политической дисциплине, всегда возьмут верх.

Скончался 19 июня (1 июля) 1876 в Швейцарском городе Берн.

М.А.Бакунин – «Полемика против евреев»; 150 стр;
Электронная библиотека «СКИТ ОТШЕЛЬНИКА»;
Интернет; 2017 год.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современному читателю наш соотечественник Михаил Александрович Бакунин (1814-1876) известен в основном как теоретик анархизма. Изучавшие в своё время марксистско-ленинскую науку ещё помнят о полемике Бакунина с Марксом, результатом которой явился раскол в рядах Первого Интернационала. И уж совсем немногим довелось слышать о высказываниях этого своеобразного и яркого человека по «еврейскому вопросу».

Антисемитизм в XIX веке не был ничем-то необычным, ничем-то предосудительным. Чтобы в этом убедиться, достаточно почитать «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского. Но если Полное собрание сочинений Фёдора Михайловича доступно в любой библиотеке, то большинство трудов Михаила Александровича ещё недавно достать было практически невозможно. Так, в дискуссии Бакунина с Марксом советский читатель имел возможность ознакомиться только с одной, марксистской точкой зрения. И не в последнюю очередь это объяснялось тем фактом, что именно в ходе того спора Михаил Бакунин более чем неподобающе высказался по «еврейскому вопросу».

Тексты, о которых идёт речь, известны под названием «Полемика против евреев».¹ Однако читателя, который попытался бы найти работу Бакунина с таким названием, ожидала бы неудача! Всё дело в том, что «Полемики против евреев» не существует как самостоятельного труда. Фактически эта «полемика» разбросана по четырём отдельным произведениям, каждое из которых имеет собственную ценность. Ни одно из них ранее не публиковалось на русском языке.

Однако уникальность представляемых читателю работ состоит именно в том, что они вовсе не исчерпываются «еврейской» темой. В конце концов, то или иное отношение к евреям - это личное дело каждого. Бакунин ставит вопрос шире, о евреях он пишет лишь постольку-поскольку - в контексте свойственного ему видения сложной системы классовых и национальных противоречий в мире. И хотя слово «геополитика» появится только через несколько десятков лет, Бакунин рассматривает современный ему мир именно с геополитической точки зрения.

Камень преткновения между Бакуниным и Марксом вовсе не сводится к борьбе «анархизма» и «централизма»²:

«Господин Маркс также совершенно недооценивает очень важный элемент в историческом развитии человечества: темперамент и исключительность каждой расы и каждого народа, темперамент и характер, которые сами по себе являются, естественно, продуктами множества этнографических, климатологических, экономических, равно как и исторических причин, но которые, будучи однажды данными, оказывают даже помимо и независимо от экономических условий каждой страны значительное влияние на её судьбы, и даже на развитие её экономических сил.»

Как революционер, Бакунин никоим образом не отрицает важности классовой борьбы и классовых противоречий. Но, в отличие от Маркса, он призывает не забывать и о противоречиях национальных. И такая постановка вопроса - совершенно неожиданная для одного из отцов-основателей Международного товарищества рабочих - заставляет Бакунина резко протестовать, когда Маркс и окружающая его «толпа еврейчиков» демонстрируют самую откровенную русофобию.

¹ Их упоминает, например, Дуглас Рид в книге «Спор о Сионе».

² Хотя, и она играла известное значение.

Наблюдения Бакунина представляют в совершенно неожиданном свете историю генезиса концепции «Дранг нах Остен» и роль еврейских кругов Германии в этом процессе. Казалось бы, дело прошлое... Но ведь слишком многое из того, о чём пишет Бакунин, остаётся актуальным и по сей день. Как и в XIX веке, для Запада по-прежнему характерно использование двойных стандартов в политике. Страх Запада перед чуждой ему культурой по-прежнему вызывает к жизни концепции «цивилизаторской» миссии по отношению к «русским варварам» - разве что в роли «носителя» этой миссии сегодня в большей степени выступают США, а не Германия, как было при Бакунине.

Предвидя грядущее столкновение между Россией и Западом, революционер Бакунин отнюдь не становится «оборонцем» в смысле безоговорочной поддержки царской власти. Но при этом он и не перестаёт быть русским человеком, уважающим свой народ и свою страну. Чему невредно поучиться прошлым и будущим оппозиционерам всех мастей.

Настоящая публикация стала возможной, во-первых, благодаря амстердамскому Международному институту социальной истории, чьи сотрудники оказали содействие в идентификации соответствующих текстов М. А. Бакунина. Во-вторых, благодаря Валерию Марковичу Смирнову, взявшему на себя труд литературного перевода с французского на русский язык.

В.М. СМИРНОВ РУССКИЙ И ЕВРЕЙСКИЙ КОММУНИЗМ¹

Противник диктатуры Маркса

Михаил Александрович Бакунин (1814-1876 гг.) – личность одновременно и известная, и неизвестная даже современному искушенному читателю. Разумеется, имя основателя отличной от марксовой версии коммунистического учения, называемой анархизмом, давно стало классическим. Его идеи до сих пор имеют своих последователей, что лишь доказывает, что они прошли проверку полутора веками революционной борьбы и до сих пор не утратили своей привлекательности.

Однако целый пласт бакунинского наследия остается практически неизвестным русскому читателю, поскольку, во-первых, Бакунин, живя в последние годы жизни в Швейцарии, писал, в основном, по-французски. Во-вторых, в силу известной «анархичности» характера, многие его работы остались незаконченными и даже не вышли из стадии черновиков. Ну и, наконец, наиболее острые, полемические и задевающие марксистов работы Бакунина переводить на русский в СССР, видимо, не очень-то хотели, а для идеологических противников Советского Союза он тоже не мог стать антисоветским подспорьем: слишком уж очевидна коммунистическая направленность его идеологии.

Так возникли необъяснимые пробелы в бакунинском учении. Например, Малая советская энциклопедия², посвятив М.А.Бакунину обширную статью, как бы мимоходом называет его ярым антисемитом. Трудно представить себе сей парадокс: как один из активнейших деятелей Интернационала, организации, поставившей себе целью объединение трудящихся всех национальностей, может проявлять национальную нетерпимость к кому-либо? Что-то здесь не так, да и объяснений этому в жизнеописаниях М.А. Бакунина и его богатой событиями деятельности не видно.

¹ Предисловие переводчика.

² М., 1937.

Публикуемые переводы нескольких писем М.А. Бакунина дают ответ на этот вопрос. Все они взяты из полного собрания сочинений Бакунина на французском языке, опубликованного на компакт-диске в сентябре 2000 года Международным институтом социальной истории¹ в Амстердаме (Голландия).

Письма относятся к периоду непосредственно после разгрома Парижской коммуны 1871-1872 гг. – то есть последним годам жизни Бакунина. Его авторитет в революционном движении в то время был настолько высок, что практически сделал его фигурой равновеликой Марксу. А если учесть, что Маркс изъяснялся преимущественно письменно, причем порой весьма тяжелым стилем², Бакунин же был ярким оратором, то неизбежно следует вывод, что бакунинские идеи оказывались для современников зачастую гораздо доходчивее.

В письме в редакцию газеты «Свобода» от 1-8 октября 1872 года Бакунин прямо пишет о том, что Маркс считает его своим главным противником: «Ему³ надо было любой ценой опорочить в общественном мнении противников своей диктатуры, и он оказал мне честь, предоставив мне первое место в их числе».

Впрочем, и так понятно, что для Маркса мировоззрение Бакунина и, особенно, его популярность в революционных массах были главной проблемой в Интернационале. Во всяком случае, по собранию сочинений Маркса видно, как внимательно он изучал и делал конспекты бакунинских работ.

Причина конца Первого Интернационала

Именно с Бакуниным связана главная интрига, фактически предопределившая судьбу и скорый конец первого Интернационала⁴. Дело в том, что, несмотря на его довольно демократический устав, Маркс совершенно не собирался делить с кем-либо влияние в своем детище, особенно когда оно становилось все более значимым.

Ради изгнания из Интернационала родоначальника анархизма Маркс пошел на союз с бланкистами – сторонниками французского социалиста Л.О. Бланки, которых он, как и всех, кто не был предан ему безусловно, весьма недолюбливал. В обмен на поддержку в борьбе с Бакуниным на Гаагском конгрессе Интернационала⁵, им были обещаны места в руководстве Международного товарищества рабочих, и, следовательно, главенствующая роль в среде французских социалистов.

Однако, когда дело было сделано, марксисты, дабы не вводить в руководство бланкистов, приняли решение о переводе Генерального совета – фактически правления Интернационала - из Европы в США. Разумеется, переезд за океан был для бланкистов совершенно невозможен – они теряли тогда реальную связь со своей базой, находившейся во Франции. Поняв, что их надули, они вышли из Интернационала, но и для организации К. Маркса путешествие в Новый Свет оказалось неудачным: оказавшись вне революционных событий Европы, в захолустье Запада, которым были тогда Соединенные Штаты, Интернационал через 4 года тихо само распустился на конференции в Филадельфии, лишь на месяц пережив М.А. Бакунина, скончавшегося 19 июня 1876 года. Невольно возникает мысль, не был ли связан формальный распуск Интернационала именно с этим событием, так как уже за три года до того стало ясно, что он в Америке – не жилец.

¹ IISG.

² Каждый может в этом убедиться, перелистив, скажем, «Капитал».

³ Марксу – В.С.

⁴ См. письмо Бакунина от октября 1872 года.

⁵ 1872 г.

«Принимая во внимание положение дел в Европе, я считаю безусловно полезным временно отодвинуть на задний план формальную организацию Интернационала... События и неизбежное развитие и усложнение обстановки сами позаботятся о восстановлении Интернационала в улучшенной форме», - писал Маркс Ф. А. Зорге – руководителю Североамериканской федерации – еще 27 сентября 1873 года¹.

Иначе говоря, создатели Интернационала предпочли фактически похоронить его за океаном, лишь бы в Европе он не достался бакинцам. Видимо не веря в успех открытой идейной борьбы, они предпочли ей аппаратно-подковерную, что и предопределило конец маркса ИНтернационала.

Подробный анализ этой ситуации как раз содержится в публикуемых ныне письмах М.А. Бакунина.

Два подхода к коммунизму

Но дело не только в восстановлении исторической картины полуторавековой давности.

В действительности речь идет о двух национальных подходах к коммунистической теории: русском и еврейском. И в том, и в другом случае она остается интернациональной, но вот в путях осуществления коммунистической идеи Бакунин резко критикует еврейский подход, вытекающий из национальных корней этого народа.

«Цивилизация, в том виде как она существует сегодня везде, означает научную эксплуатацию труда народных масс в пользу привилегированных меньшинств, и евреи - безудержные сторонники цивилизации. И так как великие бюрократические и централизованные государства являются одновременно следствием, условием и как бы достойным венцом этой чудовищной эксплуатации, они, конечно, сторонники государства».²

«...евреи восточной Европы - заклятые враги любой подлинно народной революции, и я думаю, что без какой-либо предвзятости и за очень малым исключением это применимо и к евреям Западной Европы. Еврей - буржуа, то есть эксплуататор по определению».³

Вот как он характеризует вытекающий из этого идеал еврейского коммунизма:

«Рассуждение господина Маркса приводит к совершенно противоположным результатам. Принимая во внимание единственно только экономический вопрос, он говорит себе, что наиболее передовые страны и, следовательно, наиболее способные совершить социальную революцию - те, в ком современное капиталистическое производство достигло наивысшей степени своего развития. Именно они, за исключением всех других, - цивилизованные страны, единственные, призванные начать и руководить этой революцией. Эта революция будет состоять в экспроприации, либо постепенной, либо насилиственной нынешних собственников и капиталистов и в присвоении всех земель и всего капитала государством, которое для выполнения своей великой экономической, а также политической миссии должно быть по необходимости очень обширным, очень мощным и очень сильно сконцентрированным. Государство будет управлять и направлять земле обработку посредством оплаченных им инженеров, командуя армиями сель-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 33, с. 508—509.

² Письмо февраля-марта 1872 г.

³ Там же.

ских трудящихся, организованных и дисциплинированных для этой обработки. Одновременно, на руинах всех существующих банков, оно учредит единый банк, финансирующий всю работу и всю национальную торговлю.

С первого взгляда понятно, что столь простой, по всей видимости, организационный план может покорить воображение рабочих, более жаждущих справедливости и равенства, чем свободы. Они безумно полагают, что и то, и другое может существовать без свободы, как если бы, для завоевания и закрепления справедливости и равенства, можно было оставить в покое все остальное и, главным образом, правителей, какими бы избранными и подконтрольными они называли себя народу во имя справедливости и равенства! В действительности, это был бы для пролетариата режим казарм, где унифицированная масса работников и работниц просыпалась бы, засыпала, работала и жила под бой барабана; для ловких и ученых - привилегия правления; а для евреев, привлеченных безграничностью международных спекуляций национальных банков, - обширное поле доходных махинаций».¹

Легко убедиться, что нарисованная Бакуниным картина во многом совпадает с тем, как марксисты пытались реализовать коммунистическую идею в России.

Свое видение принципиальной разницы между русским и еврейским подходом к коммунизму М.А. Бакунин резюмирует так: «именно здесь мы кардинально расходимся с социал-демократами Германии. Будучи прежде всего социал-патриотами и политическими деятелями, они хотят руками немецкого народа создать новое великое германское республиканское и, так сказать, народное государство, что означает, по нашему мнению, намерение воздвигнуть новую тюрьму для немецкого народа и крепость, угрожающую свободе всех соседних народов. А мы хотим уничтожения всех этих тюрем-крепостей, исчезновения всех политических родин в братском союзе, свободной федерации народов, скинувших ярмо государств»².

В том, что идеалом Бакунина было именно коммунистическое общество убеждаться нетрудно: взять хотя бы, к примеру, международный коммунистический гимн «Интернационал». Его знаменитые строфы:

«Весь мир насилия мы разрушим до основанья, а затем мы наш, мы новый мир построим: Кто был ничем, тот станет всем!»

- или, например:

«Лишь мы, работники всемирной Великой армии труда, владеть землей имеем право, но паразиты -никогда!»

- в равной, если не в большей степени, чем у марксистов, отражают мировоззрение бакунинцев. Кстати, по бакунинским письмам видно, что он во время их написания без особого энтузиазма относился к термину «анархисты», используемому сторонниками Маркса с тем, чтобы обозначить бакунинцев как неких идеологических изменников внутри Интернационала. Сам же Бакунин изначально предпочитал называть себя, в отличие от марксовых коммунистов, коммуналистом, ставя во главу угла, как и они, свою конечную цель, а не средства ее достижения, из чего как минимум следует, что всемирная коммуна является и его идеалом.

Вопрос в том, каким путем этот идеал достижим: через построение государства-освободителя трудового народа, на чем настаивали марксисты, или же путем полного упразднения государственной машины как аппарата, способного лишь угнетать этот

¹ Письмо октября 1872 г.

² Письмо февраля-марта 1872 г.

народ при любом, даже самом прогрессивном правлении, в чем были уверены бакуницы. Ни одна из этих идей в чистом виде не доказала своей жизнеспособности, хотя у каждой из них был свой шанс проявить себя: будь то за годы так называемого «военного коммунизма» в России или существования анархистского «вольного советского строя» вокруг Гуляйполя под руководством Махно.

Реальный механизм Советской власти в конечном итоге, как известно, оказался довольно далек от марковой модели, хотя и попытки приближения к ней делались неоднократно. Не вдаваясь в детальный анализ, можно лишь констатировать, что сам развал советской системы произошел в результате предательства государственной верхушки и возглавлявших ее вождей КПСС, превратившейся в госструктуру, то есть в соответствии с теми присущими еврейскому подходу к коммунизму пороками, против которых столь яростно и страстно боролся М.А. Бакунин.

С другой стороны, коммунистическая власть в России впитала в себя целый ряд анархистских идей; например, в федеративных принципах объединения коммун легко угадывается идея власти советов. Не в последнюю очередь именно по этой причине в рядах активных борцов за советскую власть оказалось много анархистов; из тех имен, что на слуху, достаточно вспомнить Котовского, Фурманова, знаменитого матроса Железняка.

Победоносные Советы и пораженчество

Весьма примечательным для этого идеологического спора между русским и еврейским коммунизмом стало то, что более чем 70-летний опыт построения в России нового общества вошел в память поколений не как коммунистическая или марксистская, а именно как советская власть. Иначе говоря, именно идея Советов, власти иного, негосударственного типа оказалась для широких масс трудящихся, как в России, так и вовне ее, гораздо ближе и привлекательней, чем райские кущи коммунистического будущего. И в этой идее гораздо больше анархистского, чем марксистского начала, ибо советы – это по идее органы самоорганизации масс, а отнюдь не вид госструктуры.

Кстати, в современной послесоветской российской историографии активно пропагандируется мысль, что, мол, Россия из-за революции и выхода большевиков из войны потеряла массу преимуществ, которые достались бы ей, если бы она продолжила ее на стороне победоносной Антанты. Любопытно, что ни один из развивающих эту идею политологов не задается вопросом, стала ли бы Антанта вообще победоносной, не случись революции в России?

Ведь к моменту Компьеньского перемирия 11 ноября 1918 года германская армия абсолютно на всех фронтах воевала на территории противника, а сам Компьенский лес находится в 70 км к северу от Парижа! Да, в военное время в рейхе жилось несладко, но и в других воюющих странах, от России до Франции – не лучше. И, кроме того, война шла на их территориях, а не на немецкой. Короче, если посмотреть на карту фронтов Первой мировой войны на момент перемирия, понять причин поражения Германии совершенно невозможно – военных оснований к нему нет.

Единственная же реальная причина – советская власть, зародившаяся в России, идея которой оказалась столь заразительной для трудящихся Германии, что привела к ноябрьской революции 1918 года и кручу кайзеровской власти изнутри. Недаром одним из ключевых тезисов Гитлера в «Майн кампф» было то, что у побеждавшей в Первой мировой войне немецкой армии украли победу, нанеся ей удар в спину.

Отсюда следует, что не случись Октябрьской революции и продолжай Россия вместе с Временным правительством «войну до победного конца», в 1918 году она вряд ли бы закончилась, да и вообще неизвестно, в чью пользу. Поэтому если кому и стоит по справедливости отдать лавры за победу Антанты в Первой мировой войне, так это моши идеи советской власти, зародившейся на родине не Карла Маркса, а Михаила Бакунина, и впитавшей в себя разрушительный для империалистических государств заряд русского коммунизма.

Остается лишь добавить, что союзники по достоинству оценили силу этого заряда и то, чем угрожает пример Советской России их собственным режимам. Отсюда их ожесточенная борьба с Советами, по накалу сравнимая с только что закончившейся Первой мировой войной, на лаврах которой они, казалось бы, могли спокойно почивать, не обращая внимания на далекую Россию со своими коммунистическими причудами.

Другое неожиданное открытие, ожидающее читателя по прочтении бакунинских писем, - это пресловутая идея поражения собственного отечества в войне ради торжества революции. Современная российская историческая пропаганда охотно приписывает ее авторство В.И. Ленину, попутно проклиная большевиков за отсутствие патриотизма и подводя ее как идеологический базис под расхожее утверждение о русской революции, совершенной на деньги немецкого Генштаба.

Письмо Бакунина от февраля-марта 1872 года доказывает, что отец русского анархизма сформулировал эту идею уже в 1868 году, то есть когда Ильича еще не было и в проекте:

«...я полагаю в общем, что народу¹ не может выпасть более крупного счастья, чем поражение русских императорских армий от какого бы то ни было внешнего или внутреннего врага»;

«...чтобы подвести итог, я повторю энергично: да, мы хотим решительного роспуска всероссийской империи, полного уничтожения ее моши и ее существования. Мы хотим этого как в силу человеческой справедливости, так и патриотизма».

Поэтому Ленин вовсе не изобрел лозунг поражения собственного отечества в империалистической войне, а скорее поддержал известный тезис анархистов, распространенный в среде русских социалистов, чем, безусловно, способствовал консолидации сторонников коммунистической идеи в грядущей русской революции. Попутно замечу, что если немецкий Генштаб, купившись на этот лозунг, действительно снабдил средствами Ленина и его сторонников, то он сделал самое неудачное капиталовложение за всю войну, ибо в итоге профинансировал крах Германской империи.

Немецкий социализм и «поход на восток»

Но особенно поразительными для нашего читателя будут размышления Бакунина о завоевательных инстинктах германской нации и связи с ними немецких социалистов, и, конкретно, самого Карла Маркса.

Дело в том, что в современной историографии господствует теория о том, как в цивилизованной и демократической Веймарской Германии ни с того, ни с сего завелся некий Адольф Гитлер, который от нечего делать в баварской тюрьме надиктовал свой «Майн кампф», а в нем, в свою очередь объявил, что будущее Германии зависит от ее завоеваний на востоке Европы. От этой идеи вся Германия сошла с ума, поддержала его на всеобщих выборах, и пошла за ним в бой за эти самые земли, отчего и приключилась Вторая мировая война. Откуда следует незатейливый вывод, что не будь этого самого

¹ России – В.С.

Гитлера, или не приди ему в голову поиски счастья Германии на востоке, ничего такого не случилось бы. Конечно, остается неясным, с чего это вдруг вся Германия с ее огромным интеллектуальным потенциалом и культурными традициями так увлеклась идеями бывшего ефрейтора, лишь за 6 лет до написания «Майн кампф» покинувшего кайзеровскую армию, но это принято списывать на демагогический талант будущего фюрера германской нации. В котором особенно легко убеждать тех, кто его речей никогда не слышал, а самой книги не читал.

Свидетельства М.А.Бакунина не оставляют от этой иллюзии камня на камне. Вот, например, выдержка из его письма Федерации секций интернационала Юры от февраля-марта 1872 года:

«Что мне казалась вначале непонятным, так это то, что немецкие патриоты Интернационала, не удовлетворяясь желанием остановить угрожающее расширение русской державы на запад, хотят также помешать ей распространяться на восток. В самом деле, не примечательно ли, что даже прежде, чем говорить о Польше, только что цитированный мной параграф манифеста¹ горько упрекает Россию в том, что она «завладевает горными крепостями Кавказа». Адресуя ей этот упрек, гражданин К. Маркс, кажется, упускает из виду, что в этом состоит неизбежная тенденция, присущая каждому великому государству: округлять, расширять и укреплять свои границы, поглощая окружающие его мелкие страны. Мы видели, как Германия, чтобы достичь Балтийского моря, делала абсолютно то же самое в ущерб полякам и славянам, которые, с точки зрения цивилизации, уж точно не стояли ниже черкесов; да и последняя война с Данией разве имела иную цель? Как же так получается, что то, что, кажется, разрешено немцам, запрещено русским?

Вот еще один образец немецкой справедливости. Я бы ничего не сказал, если бы немцы, раз и навсегда, без каких-либо недомолвок, искренне хотели бы осудить принцип завоевания во всех его возможных проявлениях, какими бы ни были нации-завоеватели и завоеванные народы. Тогда я подписал бы обеими руками все проклятия и осуждения, которые они произносят против завоеваний Российской империи. Мне бы не составило никакого труда это сделать, поскольку завоевание - это обязательное проявление принципа государства, и поскольку я вместе с вами, дорогие товарищи и друзья, враг государства, как русского, так и нерусского. Но немцы-патриоты Интернационала вовсе не разделяют с нами ту ненависть, которую нам внушает принцип государства; и как сторонники государства, они не отвергают завоевания абсолютно, они лишь хотят предоставить эксклюзивное право на них нациям, представляющим современную, то есть буржуазную цивилизацию, поскольку никакой другой просто нет ни в Европе, ни вне Европы.

Завоевание цивилизованными нациями варварских народов - вот их принцип. Это применение закона Дарвина в международной политике. Вследствие этого естественного закона цивилизованные нации, будучи, как правило, сильнее, должны или истребить варварские народы, или подчинить их, чтобы эксплуатировать, то есть цивилизовать. Таким образом, североамериканцам позволено мало-помалу истреблять индейцев; англичанам эксплуатировать Ост-Индию; французам завоевывать Алжир; и, наконец, немцам цивилизовать, волей-неволей, славян, способом, который нам известен. Но русским должно быть твердо запрещено «завладевать горными крепостями Кавказа».

Господин Боркхейм, ученик, доверенное лицо и друг гражданина Карла Маркса, изложил ту же мысль в своей знаменитой «блестящей» речи, и даже развил ее далее.

¹ Речь идет об Учредительном манифесте Интернационала, написанном К.Марксом в октябре 1864 года – В.С.

Его уже возмущает и беспокоит не только завоевание Кавказа, но еще и триумфы русского оружия в Персии и на Центрально-азиатском плоскогорье, покорение бухарских и хивинских татар. «В скором времени, может даже стать необходимым, - говорит он, - чтобы мы запретили России продвигаться дальше в Азию, заставив принять ее европейско-американскую волю». «Отбросить русских в свои границы, сжать их, заставить заниматься самими собой, работать честно... - вот то, что будет благом для России, вот дело человечества, вот настоящеe дело мира».

Не правда ли - речь сумасшедшего? Отбросить, обвести, сдавить со всех сторон, как прессом, народ, который, считая только русских, представляет компактную массу в 50 миллионов человек, и это при помощи европейско-американской воли, которая существует в состоянии утопии только в пораженном патриотизмом мозгу некоторых социал-демократов Германии».

Стоить отметить, что даже пропагандистские штампы, которые цитирует Бакунин, типа «завоевания цивилизованными нациями варварских народов» шестьдесят лет спустя нашли свое применение в нацистской пропаганде. Все это приводит к следующим выводам.

Во-первых, идею «похода на восток» придумал не Гитлер, ее активно обсуждали в германском обществе уже во второй половине 19 века. Впрочем, он себя ее автором и не называет.

Во-вторых, эта идея была вполне социалистической, ибо немецкие социалисты в той или иной форме ее разделяли. И потому самоопределение гитлеровцев как национал-социалистов даже с этой точки зрения вполне оправдано, тем более что Гитлер сам признает, что изучал марксизм и поддерживал связи с немецкими социалистами.

Его призывы легли на вполне подготовленное предшествующими десятилетиями общественное мнение Германии. Немецкие политические деятели самой разной ориентации под всякими благородными цивилизаторскими предлогами, о чем и пишет Бакунин, настойчиво призывали к экспансии на восток; Германии же в XIX веке приходилось воевать на западе. Гитлер ничего нового в этот подход не внес, он лишь заявил о нем определенно и стал выполнять как принятую программу. Именно поэтому она была так легко и активно воспринята широкими слоями немцев – они уже были к ней готовы, и потому пошли за Гитлером, как за вождем, который не ограничился словами, а взялся за дело.

Ну и, наконец, одними из главных сторонников экспансии Германии на восток и вообще тотального германского господства были именно еврейские марксисты, причем эта приверженность тоталитарному государственному строю коренится в вековой еврейской идеологии. То, что германская социал-демократия в течение многих десятилетий вела самую гнусную травлю России, отмечал ещё Гитлер в «Майн кампф». Таким образом, парадокс истории состоит в том, что режим, создавший наибольшую угрозу еврейскому благополучию в Европе, получил поддержку населения Германии именно благодаря многолетней и целенаправленной обработке немецкого общественного мнения еврейскими идеологами, о чем ярко и конкретно повествует Бакунин в своих письмах.

Понятно, что за полвека до «Майн кампф» М.А.Бакунин не мог предполагать о последствиях такой деятельности сторонников Маркса, и именно потому ценные его рассуждения для нас, ибо мы знаем ее итог. Вряд ли вожди еврейского коммунизма на него рассчитывали, но их вклад в то, как легко овладел Гитлер массами, - неоспорим.

Неизвестный Маркс

Весьма любопытным дополнением к бакунинским письмам является приводимая в этой книге работа зарубежного русского историка Н.И.Ульянова «Замолчанный Маркс».

В отличие от Маркса и Бакунина он не являлся сторонником всемирной коммуны и потому его взгляд на антиславянские и антирусские корни марксова коммунизма лишен пристрастности к одному из противников в пику другому. Однако и он констатирует, что конфликт между Марксом и Бакуниным, положивший конец I Интернационалу, имел национальный характер.

Особенно интересно сходство в изложении позиции Маркса у М.А.Бакунина и Н.И.Ульянова, доказывающее, что в изложении фактической стороны дела ни один из них не перегнул палку и не исказил марксово мировоззрение на государственное устройство и славянский мир вообще, и на Россию в частности.

Стоит подчеркнуть, что Маркс не был славяно- или русофобом в том анекдотично-карикатурном смысле, каком нынешняя жидовская пропаганда рисует, например, так называемых антисемитов. Мол, есть у некого конкретного человека моральный дефект – ксенофобия: ну не терпит он какую-то нацию, а объективных причин к тому нет, и не может быть.

Русофobia Маркса носит отчетливо идеологический характер и связана прежде всего с логикой еврейского коммунизма, блестяще раскрытоей М.А. Бакуниным. В России видели организующее начало сопротивления тотальному германскому государству, которое социал-демократы Маркса хотели использовать для достижения своих идейных целей точно так же, как национал-социалисты Гитлера полвека спустя – для своих.

Таким образом, первопричиной этой русофобии является сам подобный идеологический подход в рамках любой социальной теории: создание всемирного тоталитарного государства, которое силой будет удерживать население в рамках «правильной» идеологии, творить которую будут, разумеется, представители избранного народа, не забывая при этом и себя. Ну, примерно так, как это сейчас происходит в России.

Именно это прекрасно понял и раскрыл Бакунин в своих письмах. И именно поэтому основы еврейского коммунизма и вытекающей из него марковской русофобии более столетия остаются в тени, чему искренне удивлялся Н.И. Ульянов.

Русский идеал – народная воля – антагонистична государственному тоталитаризму, на котором основана жидовская идеология. Поэтому Россия до сих пор непримлема в их проектах любого мироустройства, под какой бы идеологической личиной он не осуществлялся: марксова¹ коммунизма или общечеловеческих ценностей. Меняется лишь идеологическая оболочка и страна-носитель: там – Германия, здесь – США, там коммунизм, здесь – постиндустриальное общество, борьба с терроризмом или какой-нибудь иной бред. Подлинная идея остается неизменной - тотальная государственная система принуждения, призванная обеспечить благополучие посвященных.

Вот этот принцип до сих пор пытаются укрыть от всеобщего обозрения самыми заманчивыми мировоззренческими конструкциями, и потому, казалось бы, убийственные разоблачения ксенофобского характера этой идеологии остаются малоизвестными.

¹ Еврейского.

* * *

Видимо по всем этим причинам публикуемые ныне письма Бакунина не то, чтобы замалчивались совсем, но, скажем так, не популяризовались. Оставаясь напечатанными на языке оригинала – французском, они, по сути, представляли собой черновики с многочисленными исправлениями, которые не только не подвергались политическому анализу, но даже и не были приведены в удобочитаемую и связную «беловую» форму.

Все эти задачи пришлось решать уже в процессе перевода. К его трудностям добавился характерный «толстовский стиль» письма Бакунина, состоящий в нанизывании придаточных предложений во фразе. Надо сказать, что в середине 19-го века такой стиль письма считался своего рода литературным шиком¹, и Бакунин в полной мере предается ему. Возможно, в глазах его современников подобный способ выражения мыслей выглядел более весомым и свидетельствовал об образованности, а, следовательно, авторитетности автора, но в наше время «Макдональдсов» и рекламных слоганов, простых как мычание, такой язык встречает определенные трудности в понимании. Поэтому там, где это было возможно без ущерба для мысли автора, более сложные предложения разбивались на части. В остальных же случаях они сохранили «аромат стиля эпохи», поскольку переписывать бакунинскую фразу доходчивым образом вряд ли было бы целесообразно, да и могло бы послужить поводом к упрекам в неадекватном переводе. Все выделения в тексте сделаны самим М.А. Бакуниным. Комментарии, поясняющие роль малоизвестных большинству современных читателей личностей и некоторых географических мест, взяты, в основном, из Большой советской энциклопедии и Малого энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона.

Разумеется, письма Бакунина не исчерпываются лишь затронутыми выше положениями, в них можно найти не менее интересные сведения и оценки иных исторических событий, например, подлинной роли России в так называемом «Священном союзе» и тому, следовало ли ее считать «жандармом Европы». К сожалению, все они либо остались незаконченными, либо их окончаний разыскать не удалось. Однако в совокупности письма посвящены теме, вынесенной в их общий заголовок, и потому, взаимно дополняя друг друга, достаточно полно раскрывают природу столкновения русского и еврейского коммунизма. Наверное, только Бакунину было под силу столь глубоко проанализировать его причины и следствия², и потому эти письма являются весьма авторитетным источником, проливающим новый свет на зарождение, развитие и реализацию коммунистической идеи, а также последующий ход всех мировых событий.

Надеюсь, читатели писем М.А. Бакунина смогут по достоинству это оценить.

М.А. БАКУНИН ПОЛЕМИКА ПРОТИВ ЕВРЕЕВ

Письмо интернационалам Болоньи

Локарно, Швейцария Декабрь 1871 года

На Генеральном Совете только что была объявлена война. Но не пугайтесь, дорогие друзья, существование, мощь и реальное единство Интернационала от нее не пострадают; поскольку его единство не в верхах, не в некой единообразной теоретической догме, навязанной массе пролетариата, не в более или менее диктаторском правлении, вроде установленного только что в Риме Конгрессом рабочих под влиянием Мадзини -

¹ Вспомните, хотя бы, «Войну и мир» Льва Толстого.

² Вряд ли это было в интересах марксистов.

ено внизу: в сходстве материального положения, страданий, потребностей и реальных стремлений пролетариата всех стран; власть Интернационала вовсе не в Лондоне, она в свободной федерации автономных рабочих секций всех стран и в организации снизу доверху практической солидарности между ними. Вот принципы, которые мы защищаем сегодня против узурпаторских и диктаторских пополновений Лондона, которые, если бы восторжествовали, убили бы Интернационал навсегда.

Генеральный Совет Интернационала, находясь он в Лондоне или ином месте, допустим и возможен лишь тогда, когда он облечён только скромными атрибутами Центрального бюро корреспонденции. Это также в общем-то единственная роль, которую ему отводят наши общие уставы. Но как только он хочет стать реальным правительством, он немедленно становится абсолютно невозможным чудовищем. Представьте себе нечто вроде всемирного коллективного монарха, навязывающего свой закон, свою мысль, свое движение, свою жизнь пролетариев всех стран, сведенным к состоянию машин! Это была бы забавная пародия на честолюбивую мечту Цезарей, Карлов Пятнадцатых, Наполеонов в виде социалистической и республиканской всемирной диктатуры. Она бы прикончила самостоятельную жизнь всех остальных секций, что означало бы смерть Интернационала.

Такие доктринеры и властолюбцы, как Мадзини, так и Маркс, всегда смешивают единство с единством; формальное, догматическое и руководимое сверху единство с единством живым и реальным, которое может следовать только из самого свободного развития всех индивидуальностей и всех коллективов и из федеративного и абсолютно свободного союза, на базе их собственных интересов и их собственных потребностей, рабочих ассоциаций внутри и вне коммун; коммун в регионах, регионов в нациях, и наций в большом и братском, человеческом, интернациональном Союзе, организованном на федеративных началах одной лишь свободой на базе совместной работы всех и наиболее полного экономического и общественного равенства.

Вот программа, настоящая программа Интернационала, которую мы противопоставляем новой диктаторской программе Лондона. Мы, то есть - Конфедерация секций Юры, к которой я принадлежу. Мы не одиноки: огромное большинство, можно сказать почти все французские, испанские, бельгийские, а также, я надеюсь, итальянские интернационалы. К нам уже присоединились некоторые итальянские секции, и мы не сомневаемся, что среди них будет и ваша - одним словом, весь латинский мир с нами. У английских и американских рабочих чрезвычайно развито чувство собственной независимости и привычка к самостоятельной жизни и действию, чтобы забивать себе голову или хотя бы принимать во внимание бисмарковские претензии Генерального Совета, которые тот даже не осмелился им сообщить. Только чисто тевтонский мир подчиняется им с той страстью к дисциплине или добровольному рабству, отличающей его сегодня. Мысль, которая только что к несчастью возобладала внутри Генерального Совета, - исключительно немецкая мысль. Представленная главным образом Марксом - немецким евреем, очень умным и весьма знающим человеком, убежденным социалистом, который оказал огромные услуги Интернационалу, но в то же время очень тщеславным, очень честолюбивым, интригующим как настоящий еврей, каковым он, собственно, и является - эта мысль, как я сказал, представленная Марксом, главой авторитарных коммунистов Германии, а также его другом Энгельсом, также очень умным человеком, секретарем Генерального Совета по Италии и Испании, и другими немецкими членами Генерального Совета, менее умными, но не менее интригующими и не менее фанатично преданными их диктатору-messии Марксу, - эта мысль им灌输ена расовым чувством.

Именно пангерманизм, пользующийся недавним триумфом военного абсолютизма Пруссии, эта всепожирающая и всепоглощающая мысль Бисмарка, идея пангерманского государства, подчиняющего более или менее всю Европу господству немецкой расы, которую они считают призванной возродить мир, - это мысль, губительная для свободы и смертельная для латинской и славянской расы, старается сегодня полностью подчинить себе руководство Интернационала. Этой чудовищной претензии пангерманизма, мы должны противопоставить союз латинской и славянской расы, - не с этой чудовищной Всероссийской империей, которая является ни чем иным как разновидностью Германской империи, навязываемой славянским народам татарским кнутом, не с этим чудовищем, которое называется панславизмом и которое не будет чем-то иным, нежели триумфом и господством этого кнута в Европе - нет, союз латинской экономической и общественной революции с экономической и общественной революцией славян; революции, которая, будучи основана на экономическом освобождении народных масс, и которая, беря в основу своей организации самостоятельность свободно объединенных рабочих ассоциаций, коммун, регионов и наций, выплавит новый интернациональный мир на развалинах всех государств - мир, имеющий в качестве материальной базы равенство, души - свободу, предметом действия - работу, а разумом - только науку, и который станет триумфом человечества.

Этому латино-славянскому союзу незачем идти войной на пролетариат Германии, сегодня, к несчастью, сбитому с пути своими руководителями. Общее правило: народные массы никогда не проповедуют тщеславия и национальных амбиций; их всегда эксплуатируют руководители, которые, естественно, испытывают большой интерес к расширению границ мира, подвергаемого их алчной эксплуатации. Таким образом, вместо того, чтобы искать с ним войны, латино-славянский союз будет пытаться, напротив, усиливать и умножать связи самой тесной солидарности с пролетариатом Германии, стараясь пронести в его ряды горячей и неутомимой пропагандой этот принцип, эту страсть свободы, разрушающую все искусственные нагромождения нового деспотизма, который его нынешние руководители хотели бы построить на его плечах, чересчур привыкших к рабству. Только она одна сможет дать и обеспечить ему то, что он ищет и чего желает также страстно, как пролетариат всех других стран, - человеческого существования.

Я возвращаюсь к Генеральному Совету в Лондоне. Его претензии тем смешнее и абсурднее, что его совершенно беспорядочный и только временный состав и принципы деятельности должны были бы обязать его к гораздо более скромным чувствам. Было бы еще понятно, если бы он присвоил себе право - по моему мнению в любом случае несправедливое и губительное для свободы, за исключением случаев войны - право навязывать свои законы всем национальным группам Интернационала, если бы он был действительно представителем этих групп. Но для этого нужно, что он был составлен из делегатов, названных и обновляемых на выборной основе ежегодно, либо раз в два года этими группами. Было бы нужно, чтобы каждая страна была там представлена по крайней мере двумя делегатами, специально избранными национальным Конгрессом всех ее секций. Тогда было бы нужно, чтобы каждая национальная группа могла расходовать ежегодно от 4 до 6 тысяч франков, оплачивая каждому из своих делегатов, с учётом расходов на корреспонденцию, от 2 до 3 тысяч франков в год, так как жизнь в Лондоне дороже чем в другом месте. Эта оценка неполна, но по большей части также мало значима, поскольку с самого начала ему придавалась весьма скромная роль и назначение, предписанные Общими Уставами, в результате чего, начиная с первого

Конгресса Интернационала в Женеве¹, Конгресса в Лозанне², Брюссельского³ и последнего Конгресса в Базеле⁴, наконец, оказалось удобнее продлевать на временной основе существование всё того же Генерального Совета, давая ему право кооптировать новых членов, нежели обновлять его каждый год. Таким образом, за очень малым исключением, с тех пор как Интернационал существует, это всё тот же Генеральный Совет; тот самый, который ещё до Женевского Конгресса назывался Генеральным Советом или времененным Центральным Комитетом, и который принял окончательное название Генерального Совета только вследствие голосования этого Конгресса. Он в подавляющем большинстве составлен из немцев и англичан. Все другие нации только представлены там очень бедно, иногда их национальными представителями, которые, находясь в Лондоне, имели счастье понравиться Марксу и компании, а иногда, за их отсутствием, представителями другой нации, в большинстве случаев немцами. Таким образом, сегодня даже Италия и Испания представлены там немцем Энгельсом, Америка - немцем Эккариусом, Россия - немецким евреем Марксом, что просто смешно. Чтобы представлять Францию, пренебрегая, например, Бержере, который редактирует «Кто идёт!»⁵ в Лондоне, равно как и другими энергичными, преданными и умными представителями Коммуны и давними членами французского Интернационала, они взяли Серрайе, ничтожество, который до того никогда даже не состоял в Интернационале; и это по той простой причине, что все серьезные французы, блюдущие свое достоинство и независимость, не хотели и не могли подчиниться Марксу, в то время как Серрайе, желающий стать или скорее казаться чем-то значимым под носом у своих более серьезных соотечественников, охотно подчинился диктатуре немецкого еврея.

В действительности именно немецкая группировка властвует и правит всем в Генеральном Совете. Его английские члены, как настоящие островитяне, которыми они являются, игнорируют континент, и занимаются исключительно лишь организацией рабочих масс в своей собственной стране. Таким образом все, что делалось в Генеральном Совете, было сделано только немцами под исключительным руководством Маркса.

В остальном до сентября 1871 года действие Генерального Совета с чисто международной точки зрения, было совершенно ничтожно, настолько ничтожно, что он никогда не выполнял даже обязанностей, которые ему последовательно поручали Конгрессы. Так, например, сводки об общем положении Интернационала, которые он должен был публиковать каждый месяц, не публиковались никогда. - Для этого имелось много причин. Прежде всего, Генеральный Совет всегда был очень беден. Мы все, хорошо знающие состояние финансов Интернационала, много смеялись и продолжаем смеяться, когда читаем в различных официальных и официозных газетах разных стран басни об огромных суммах, которые Лондон рассыпает повсюду, чтобы возбуждать революцию. Реальность состоит в том, что Генеральный Совет всегда находился в чрезмерно стесненном финансовом положении. Он не должен был бы в нем находиться, если бы все секции во всех странах, основанные под знаменем Интернационала, посыпали бы ему регулярно по 10 сантимов на члена, как предписано уставами. Большинство секций не сделало этого до сих пор.

Вторая причина бездеятельности Генерального Совета такова: до 1871 года не было никакой возможности установления в нем немецкого господства. Французские и

¹ 1866 г.

² 1867 г.

³ 1868 г.

⁴ 1869 г.

⁵ «Qui Vive».

бельгийские секции и частично секции французской Швейцарии, которые доминировали на Конгрессах, были слишком горды, слишком блюли свою независимость, чтобы подчиняться диктатуре немецкой секты. Делегаты рабочих обществ Германии и немецкой Швейцарии начали принимать участие в дискуссиях на Конгрессах Интернационала только с 1869 года. Они появились впервые в значительном числе на последнем Конгрессе в Базеле¹, предварительно образовав социал-демократическую пангерманскую партию, по прямому вдохновению и под косвенным руководством Маркса, который, сам находясь в Лондоне, представлял и представляет себя в рядах как пролетариата самой Германии, так и Австрии главным образом через своего приверженца, такого же еврея, как и он сам, Либкнехта, и через многих других фанатичных сторонников, в большинстве случаев также евреев.

Евреи составляют сегодня в Германии настоящую власть. Будучи сам евреем, Маркс имеет вокруг себя как в Лондоне, так и во Франции и многих других странах, но, главным образом, в Германии, толпу еврейчиков, более или менее умных и образованных, живущих главным образом его умом и перепродающих в розницу его идеи. Оставляя себе монополию на большую политику - я бы сказал на большое интриганство - он охотно оставляет им эту маленькую, грязную, ничтожную часть, и надо сказать, что в этом отношении, всегда послушные его импульсам, его высокому руководству, они оказывают ему большие услуги: беспокойные, раздражительные, любопытные, нескромные, болтливые, суевидящиеся, интригующие, эксплуатирующие, какими являются евреи повсюду, коммерческие агенты, беллетристы, политики, журналисты, брокеры от литературы одним словом, и одновременно финансовые брокеры, они овладели всей прессой Германии, начиная с самых абсолютистски-монархических до непримиримо радикальных и социалистических газет. Уже давно они царят в мире денег и больших финансовых и коммерческих спекуляций: стоя одной ногой в банке, они за эти последние годы поставили другую ногу в социализм, умостив, таким образом, свой зад в повседневную литературу Германии... Можете себе представить, сколь тошнотворной должна быть подобная литература.

Итак - весь этот еврейский мир, образующий единую эксплуатирующую секту, нечто вроде народа-пиявки, прожорливого коллективного паразита, организованного внутри себя не только через границы государств, но даже через все различия политических взглядов - этот мир в настоящее время, по большей части, по крайней мере, находится в распоряжении Маркса с одной стороны и Ротшильда с другой. - Я знаю, что Ротшильды, какими бы реакционерами они ни были, высоко ценят достоинства коммуниста Маркса; и что, в свою очередь, коммунист Маркс чувствует себя неодолимо увлеченным инстинктивной привлекательностью и почтительным восхищением к финансово му таланту Ротшильдов. Их соединяет еврейская солидарность - та столь мощная солидарность, которая поддерживалась в течение всей истории.

Это должно казаться странным. Что может быть общего между социализмом и высокими банковскими сферами? Ах! Дело в том, что авторитарный социализм, коммунизм Маркса желает мощной централизации государства, а там, где есть такая централизация, должен обязательно быть Центральный банк государства. А там, где существует такой банк, евреи могут быть уверены в том, что они не умрут ни с холоду, ни с голоду.

¹ Сентябрь 1869 года.

Основная мысль немецкой социал-демократической партии - это создание огромного так называемого народного, республиканского и социалистического пангерманского государства. Государства, которое должно объединить всю Австрию, славян в том числе, Голландию, часть Бельгии, по крайней мере часть Швейцарии и всю Скандинанию. Как только все это было бы объединено, с естественной необходимостью дело бы дошло до объединения всего остального. Деморализующее влияние этой партии ощущалось год назад в Австрии и ощущается теперь в Швейцарии.

В 1868 году, у пролетариата Австрии было великолепное самодеятельное движение. В своих народных ассамблеях рабочие Вены и многих других больших городов Австрии громко заявили, что, будучи составленными из представителей различных рас, немцев, славян, венгров, итальянцев, они не хотят и не могут сообща поднять какой-либо национальный флаг, оставляя за каждой страной абсолютно свободное развитие ее собственной национальности, такой же священной, как естественное право, каковым является личная индивидуальность каждого человека. Совместно они хотели поднять только знамя освобождения трудящихся, знамя социальной революции, знамя братства народов, которое должно было реять над развалинами всех политических отечеств, составленных в качестве так называемых национальных государств, отделенных друг от друга тщеславно, завистливо, амбициозно, враждебно, говоря одним словом, буржуазно.¹ Политическая родина никогда не является отечеством народных масс - она всегда родина эксплуатирующих и привилегированных классов. Отечество народа естественно, а не искусственно, и его главное, реальное основание - в Коммуне. Вот почему Мадзини, теолог и буржуа, атаковал с такой яростью программу Парижской коммуны, и вот почему генерал Гарибальди, великое сердце которого бьется в унисон с сердцем народа, который интуитивно чувствует главные инстинкты и действия народа, объявил себя сторонником Парижской коммуны и Интернационала против Мадзини.

Вследствие этого, в огромной Народной ассамблее рабочие Вены торжественно и единогласно отвергли все пангерманские и патриотические предложения буржуазных демократов Германии и проголосовали за послание тесного союзнического братства всем социалистическим революционным трудящимся Европы и мира. Они инстинктивно предугадали всю программу Интернационала.

Но с осени 1868 года, руководители, пропагандисты и агитаторы, главным образом евреи из только что образованной на севере Германии, как всегда под влиянием Маркса, социал-демократической партии, начали склонять к своей точке зрения австрийских евреев, и совместно они принялись гипнотизировать, поучать, сбивать с толку немецких рабочих Австрии. Они работали не напрасно. Месяц или два назад, те же немецкие рабочие Вены, собранные снова в большую народную ассамблею и уже организованные согласно программе и под управлением руководителей социал-демократической партии, под их исключительно тевтонским влиянием отныне истолковывают космополитизм в смысле пангерманизма. Они объявили себя сторонниками большой немецкой родины, то есть так называемого народного пангерманского государства, от которого они глупо ожидают освобождение пролетариата, как будто большое государство может иметь иную миссию, нежели поработить пролетариат.

Мы рассмотрим этот вопрос в другой раз, дорогие друзья. А пока, как вы понимаете, это новое решение имело естественным следствием вывод за рамки движения пролетариата всех ненемецких рабочих Австрии.

¹ Любое государство является лишь эксплуатацией пролетариата, организованной в пользу буржуазии.

В Швейцарии, как мы видим сегодня, снова под прямым влиянием и во имя принципов все той же программы тевтонской социал-демократии, все рабочие немецких кантонов, в особенности в Цюрихе и Базеле, но также и в Арговии и Берне, требуют чего? Отмены федеральной системы и превращения Швейцарской конфедерации - гаранта свободы Швейцарии, в единое централизованное государство. Знаете ли вы, что это означает? Это - начало поглощения, завоевания по крайней мере немецкой Швейцарии Германией; но не только немецкой Швейцарии, всей Швейцарии, так как реформы, которые готовятся и сейчас обсуждаются, если они пройдут, будут иметь прежде всего неизбежным следствием полное подчинение италоязычных и франкоязычных швейцарцев руководству, правительству и администрации исключительно немецких швейцарцев, а затем, через их посредство, - пруссакам. И все это для вящего удовольствия всех немецких и швейцарских евреев, которые будут жиреть на этих махинациях...

Таков дух программы, которую делегаты социал-демократической партии Германии, Австрии и немецкой Швейцарии, прибывшие в большом количестве на Базельский Конгресс в сентябре 1869 года, пытались навязать там, при единодушной поддержке всех делегатов Генерального Совета из Лондона, немецких и английских, заботливо отобранных самим Марксом и, естественно, всех как один - его фанатичных сторонников.

Разумеется, этот ход был подготовлен заранее. Однако он потерпел неудачу благодаря единодушной оппозиции французских, бельгийских, франкоязычных швейцарских, итальянских и испанских делегатов. Это было полное фиаско. Все предложения, пытавшиеся пристроить социалистическое и революционное движение пролетариата Европы в хвост буржуазного радикализма и иудейско-пангерманского коммунизма немцев, были отвергнуты. Отсюда гнев.

С тех пор на общих Конгрессах, эти настоящих форумах пролетариата цивилизованного мира, был поставлен крест в умах вожаков, то есть немцев из Генерального Совета в Лондоне - в умах Маркса и его последователей.

До 1869 года роль Генерального Совета в Интернационале, так, как она была определена нашими общими уставами и решениями Конгрессов в Женеве, Лозанне и Брюсселе, была очень ограничена; у него была лишь весьма скромная миссия быть ничем иным, как центральным бюро корреспонденций и коммуникаций между национальными группами различных стран - в особенности между тремя региональными группами: англо-американской, немецкой и латинской, которые, естественно, мало общались между собой. - В остальном у него не было никакой законодательной миссии, ни даже управляющей, что бы об этом ни говорил Мадзини. Законодательной властью, если таковая была, обладали исключительно конгрессы. Но даже резолюции конгрессов, хотя и уважаемые, как выражение воли и мысли большинства, вовсе не считались обязательными. Реальная база Международного Товарищества, его мысль, его жизнь полностью состояла в автономии, стихийном действии и свободной федерации, снизу доверху, его секций.

Это было, и это еще остается привычным во всех секциях Интернационала, за исключением Германии, где, похоже, сейчас возобладала бисмарковская дисциплина, согласно которой после каждого Конгресса, делегаты, возвратившиеся в свои секции, должны дать им детальный отчет обо всех дискуссиях, которые имели место на Конгрессе, объяснить причины своих голосований и предоставить на утверждение или отклонение секций резолюции, проголосованные большинством Конгресса. Отсюда следует, что сами Конгрессы, ценные в том отношении, что они сопоставляли чаяния,

стремления, различные тенденции различных групп, стремились их согласовать и объединить, не авторитарно, а вследствие самой этой встречи, этого возобновляемого ежегодно братского соприкосновения, для этого они вовсе не имели и не должны были иметь суверенную власть, так как результат этой власти состоял бы в том, чтобы подчинить какое-либо меньшинство закону большинства, и чаще всего даже не большинства секций, а искусственно созданному большинству, созданному неожиданностью или интригой меньшинства внутри Конгресса; одним словом превратить Интернационал в политическое Государство, с фиктивной свободой и реальным рабством для массы пролетариата.

Мы хотим единства, но единства реального, живого, которое происходит из свободного союза потребностей, интересов, стремлений, идей индивидов, равно как и местных ассоциаций, и которые, следовательно, являются выражением и результатом, всегда реальным и искренним, наибольшего развития их свободы, существования и стихийного действия, но не единства, навязанного либо насилием, либо парламентскими уловками. - Одним словом мы искренние коммуналисты и федералисты, то есть мы строго придерживаемся духа и буквы наших общих уставов - учредительного закона Интернационала.

Это - единственно обязательный закон для всех секций, и на едином основании этого закона все секции автономны, суверенны, и в то же время реально связаны между собой международной солидарностью, не догматической, не руководящей, но практической.

Эта практическая международная солидарность - высший и абсолютно обязательный закон Интернационала, может кратко быть изложена в следующих терминах:

Каждый член Интернационала: индивиды, профессиональные или иные секции, группы или федерации секций, местные, региональные, национальные федерации, равно обязаны поддерживать и взаимно помогать друг другу до последней возможности, в борьбе каждого и всех против экономической эксплуатации и политического угнетения буржуазного мира. Рабочие всех профессий, всех коммун, всех регионов и всех наций составляют большое и единое международное братство, организованное для этой борьбы против буржуазного мира; а тот, кто увиливает от этой практической солидарности в борьбе, будь то индивид, секция, или группа секций, тот - предатель.

Вот наш действительно единственно обязательный закон. Кроме того, имеется положение первоначального устава, которое возлагает на каждую секцию обязанность платить ежегодно Генеральному Совету 10 центов за каждого из своих членов, посыпать ему каждые три месяца детальное сообщение о своем внутреннем положении и удовлетворять все его требования, когда они соответствуют Общим Уставам, вот и все. Что касается остального, то есть всего того, что составляет собственную жизнь, собственное развитие, программу и собственные регламенты секций, их теоретические идеи, а также пропаганду этих идей, их организации и их взаимную федерацию, в случае если ничего из этого не противоречит принципам и обязательствам, ясно выраженным в общих уставах, все это остается в полном ведении секций.

Это абсолютное отсутствие единой доктрины и центрального управления в нашем большом Международном Товариществе, эта почти абсолютная свобода секций, возбуждают доктринерство и авторитаризм пророка государственной власти - Мадзини. И, однако именно эту свободу он называет анархией, ту которая основана на подлинном источнике и творческой базе нашего реального единства, на действительном тождестве

положения и стремлений пролетариата всех стран. Именно эта свобода создала настоящее соответствие идей и всю мощь Интернационала.

Так как до 1871 года, как я это уже сказал, действие Генерального Совета было совершенно ничтожно. - Он стал интриговать и образовал эту партию социал-демократии в Германии, то есть он развратил движение немецкого пролетариата. Это было положительное зло. Он занялся также организацией Интернационала в Англии и в Америке. Это было хорошо. Но в остальной части Европы, в Бельгии, во Франции, во всей французской Швейцарии, в Италии, в Испании, он не сделал абсолютно ничего. И, однако, именно в течение этого периода его вынужденной бездеятельности Интернационал замечательным образом расширился в большинстве этих стран - Брюссель, Париж, Лион и тогда, но не теперь, Женева, образовали столько пропагандистских центров, секции всех стран установили братские отношения и самостоятельно объединялись в федерации, вдохновленные одной идеей.... Именно так члены секций Союза Социалистической Демократии, основанного в конце 1868 года в Женеве, основали первые секции Интернационала в Неаполе, Мадриде и Барселоне. Сегодня Интернационал в Испании, первые ростки которого были принесены туда итальянцем, стал там настоящей силой. И Генеральный Совет не только не принял никакого участия в этой пропаганде и в создании секций, он их игнорировал до тех пор, пока новые секции, как испанские и итальянские, так и французские, не уведомили его о своем образовании.

Кое-кто мог бы спросить, какая польза могла быть от существования Генерального Совета, влияние которого на ход и развитие большей части, а именно, всех латинских и славянских стран Европы, было полностью ничтожным. О, полезность этого существования была огромна. Генеральный Совет был видимым знаком интернационализма для всех национальных и местных секций. Учтите, что секции Интернационала - это рабочие секции; что они состоят из малообразованных людей, мало приученных к мировоззренческим концепциям и, кроме того, раздавленных изматывающей работой и еще более изматывающими заботами о ежедневном нищенском существовании. Представленные сами себе, эти секции вряд ли распространили бы свои идеи и свою практическую солидарность за границы своей собственной коммуны и своей собственной профессии. Могут сказать, что были общие уставы, программа и регламент Интернационала. Но этого было недостаточно. Рабочие в большей своей массе читают мало и легко забывают то, что читают. Таким образом, простого существования на бумаге этой программы и этого регламента, их простого теоретического знания было недостаточно. Мы знаем по опыту, что рабочие начинают реально их понимать только тогда, когда они реализуют их на практике, и одно из первых условий этой практики, это как раз это единодушное сведение секций всех стран к общему международному центру. Все секции, рабочие-интернационалисты всех стран, встречались, обнимались, братились там, так сказать, мысленно, идейно.

Реальные взаимоотношения с Генеральным Советом, по правде говоря, были никакими. Но десять сантимов, которые каждый рабочий, какой бы страны и секции он ни был, посыпал через свой секционный комитет и свой федеральный комитет в Генеральный Совет в Лондоне, были для него явным и видимым признаком его членства в широких и человеческих началах интернационализма. Это было для него реальным отрицанием тесных рамок национальности и буржуазного патриотизма.

Сама отдаленность Генерального Совета, реальная неспособность, в которой он оказался, и еще находится сегодня, вмешиваться эффективным образом в дела секций,

региональных федераций и национальных групп, являлись даже благом. Не имея возможности вмешиваться в повседневные дебаты секций, он пользовался там только большим уважением, и в то же время не мешал секциям жить и развиваться совершенно свободно. Правдой является то, что он был уважаем примерно так, как уважают богов, скорее умозрительно. Однако он не был настолько удален, чтобы вовсе не мог ничего сказать при необходимости. Но за ним признавали это право говорить, только когда речь шла о том, чтобы напомнить какой-либо секции или группе забытую ими статью Общих Уставов, стражем и, при необходимости, толкователем которых его считали, за исключением созыва Конгресса, в присутствии которого он прекращал существовать. - И поскольку по крайней мере до 1869 года он никогда не выходил из своей роли и тщательно соблюдал все национальные и местные свободы, то, когда он говорил, его голос выслушивался всеми уважительно. Так как он был и еще остается по большей части составленным из людей, принимавших активное участие в создании самого Интернационала, он обладал тем большим моральным весом, чем реже им пользовался и до тех пор, пока никогда не злоупотреблял им. При всех затруднениях, которые проявлялись либо в секции, либо в региональной или национальной федерации, к нему охотно обращались, не как к опекуну или начальнику, а как к испытанному другу. - И если о чем-то жалели, то лишь о его лени и небрежности. Так как он почти никогда не отвечал, и всегда слишком поздно.

Наконец, у него были еще две больших практических проблемы, с которыми надо было справиться, и об этом нужно сказать, а именно: нехватка времени - его члены, не получая никакого вознаграждения должны были работать чтобы жить, и нехватка средств - он всегда расплачивался по счетам с большим трудом. -

Первая из его задач состояла в том, чтобы ознакомить каждую национальную группу с тем, что происходит во всех других группах. Эту задачу ему напоминал каждый конгресс. Он никогда ее не исполнял;

Другой задачей, в случае забастовки рабочих-интернационалистов в какой-либо стране, был призыв им на помочь рабочих-интернационалистов всех других стран. Однако, в этих случаях призыв Генерального Совета приходил всегда слишком поздно.

Но эти более или менее вынужденные недостатки Генерального Совета, в достаточной мере компенсировались собственной деятельностью секций и отношениями реального братства, которые стихийно сложились между различными национальными группами. Именно через эту стихийную федерацию секций и групп, через их постоянную переписку, а не благодаря действиям Генерального Совета, мало-помалу сложилось реальное единство мысли, действия и практической солидарности рабочих различных стран в Интернационале.

Таким образом, между 1866 годом, эпохой первого Конгресса в Женеве, и 1869 годом, эпохой последнего Конгресса в Базеле, внутри Интернационала образовались три большие группы: латинская, включающая франкоязычную Швейцарию, Бельгию, Францию, Италию и Испанию; германо-австрийская и англо-американская. Славянская группа еще только в процессе образования. Ее в полном смысле еще не существует. Реальный союз, происходящий из собственного роста действий и стихийных отношений секций между собой, в конечном счете существует только в каждой из этих отдельных групп, объединенных внутренне чем-то вроде особого единства, более однородного в смысле расы, положения, мыслей и устремлений. - Союз этих больших групп между собой гораздо менее реален; в его основании только общие уставы, для необходимой

гарантии - беспристрастное, но реальное действие Генерального Совета, и, наконец, и главным образом - Конгрессы.

Таким было положение Интернационала до 1869 года.

В 1869 году мы увидели, как Генеральный Совет, который уже давно вынашивал в столь умной голове Маркса проекты всемирной монархии, бросил в атаку немецких делегатов Социал-демократической рабочей партии, чтобы предпринять на Конгрессе в Базеле первую попытку ее осуществления. Немцы и англичане, отобранные Марксом, сторонники так называемого народного государства, потерпели полное поражение. Наша партия, включающая бельгийских, французских, франкоязычных швейцарских, итальянских и испанских делегатов, противопоставив этому флагу авторитарного коммунизма и освобождения пролетариата государством, знамя абсолютной свободы, или как они говорят анархии, знамя сокрушения государств и организаций человеческого общества на их руинах, одержала яркую победу. Маркс тогда понял, что на конгрессах логика и сам инстинкт трудящихся будет за нас, и ему никогда не победить. И с тех пор, он и его партия начали готовить государственный переворот.

Но будучи ловкими политическими деятелями, они понимали, что прежде чем пытаться его осуществить, его надо вначале подготовить. Но как его подготовить? Средствами, всегда используемыми всеми честолюбивыми политиками и научно констатированным третьим политическим позитивистом после Аристотеля и Тацита - Макиавелли, теми самыми средствами, которыми сегодня столь искусно пользуется партия Мадзини: клеветой и интригой. Никто не мог бы воспользоваться этим лучше, чем Маркс, поскольку прежде всего у него к этому талант, а кроме того в его распоряжении целая армия евреев, которые в такого рода войнах - настоящие герои.

После Базельского конгресса, вся немецкая печать, и, частично, в статьях, написанных немецкими евреями, также французская печать, но, главным образом, первая, набросились на меня с неслыханным ожесточением. Маркс и компания оказали мне честь, сделав из меня, не имевшего в действительности никакого иного намерения, кроме как быть другом своих друзей, братом своих братьев, и всегда верным слугой нашей идеи, нашей общей страсти, лидера партии. Они сдуру вообразили - это действительно значило оказать слишком много чести моему предполагаемому могуществу - что я один смог взбунтовать и организовать против них французов, бельгийцев, швейцарцев, итальянцев и испанцев в одно компактное и подавляющее большинство. И они поклялись меня погубить. Атака началась с одной очень респектабельной парижской газеты «Пробуждение». Оный социалист, но, прежде всего, поклонник золотого тельца, вначале хозяин Маркса, затем его соперник, а сейчас покорный и хорошо дисциплинированный последователь, написал против меня гнусную статью, которая изображала меня явными намеками с выражениями симпатии и даже уважения, чем-то вроде агента то ли Наполеона III, то ли Бисмарка, то ли российского императора, то ли всех трех одновременно. При первой же моей претензии, Делеклюз от имени редакции отрекся от этой статьи. Господин Гесс был там к своему стыду. Меня не пытались больше атаковать во французских газетах. - Но зато этому полностью предались немецкие газеты - Ах, мои дорогие друзья, вы не знаете, что такое эта полемика в газетах: это глупо, презренно и, главным образом, грязно. - Социалистическая газета, официальная газета Социал-демократической партии, редактируемая другим другом и учеником Маркса, евреем, как и он, Либкнехтом, газета, впрочем, во многих отношениях респектабельная и весьма поучительная, опубликовала серию статей третьего еврея, Боркхайма, другого слуги Маркса, в которых просто говорилось, что Герцен и я были русскими шпионами,

оплаченными русским правительством. Я уже опускаю все прочее. Впрочем, я не был единственным оклеветанным и оболганным. Со мной в этом положении оказалось много моих друзей. Вначале мы переживали это и требовали справедливости. Наконец, мы закалились и даже не читаем более того, что продолжают писать против нас.

Параллельно клевете продолжалась интрига. Она потерпела неудачу во всех других странах. Но она удалась в Женеве. Маленький русский еврей, глупый, но богатый, перед моим отъездом и проживанием в Локарно, они столько интриговали, спекулировали, объединяясь с самыми презренными людьми, что добились полной деморализации и разрушения Интернационала в Женеве. Именно вследствие этого в 1870 году произошел раскол между Федерацией секций Юры и Федеральным советом Женевы. Это очень грязная история, то есть гнусности против справедливости и самих принципов Интернационала.

Вот результаты вмешательства Центра - его бездеятельность нас объединяла, его вмешательство нас разделяет.

Исход войны, триумф немцев, провал Франции и поражение Парижской коммуны породили в сердце Маркса новые надежды. Частично разрушенные, частично рассеянные интернационалы Франции не могли больше противиться, как он думал, осуществлению его честолюбивых планов.

В нынешних условиях, среди международных преследований, объектом которых стал Интернационал, невозможно собрать конгресс; и к тому же Маркс, совершенно никакой оратор и потому боявшийся за свои планы, отданные на суд общественности, вовсе не хотел конгресса. Он ухватился за реальный или мнимый предлог невозможности его созыва, чтобы собрать в Лондоне тайную конференцию, на которую позвали только самых доверенных, тех, в ком были уверены. Даже открытая конференция не имела бы абсолютно никакой силы, поскольку согласно нашим общим уставам признаются только права конгрессов. Просмотрите эти уставы, и вы увидите, что на конгрессах каждая профессиональная ассоциация, не только группа или федерация секций, но каждая секция имеет право быть представленной одним или двумя делегатами; кроме того, все вопросы, которые должны там решаться, должны быть сообщены всем секциям за два или даже три месяца заранее, чтобы они могли их изучить, обсудить и дать инструкции своим делегатам с полным знанием дела. На последней конференции¹ никакое из этих условий не было соблюдено. Туда направили только по одному делегату на группу. Италия не прислала никого. Федерацию Юры не соизволили даже предупредить. Несколько членов Парижской коммуны, скрывавшиеся в Лондоне, были приглашены на заседания. Но после ссор с Марксом, большая их часть оттуда удалилась. Большинство там составляли английские приверженцы Маркса, немцы и немецкие евреи - испанский и бельгийский делегаты, а также делегаты французских беженцев протестовали против решений этой конференции.

Эти решения жалки. Они наделяют Генеральный Совет диктаторскими правами; ему предоставляется право отлучать новые секции, право цензуры газет Интернационала. Как и догма Мадзини в Риме, догма Маркса в Лондоне объявлена единственно верной. Впрочем, вы еще прочитаете или уже прочли эти решения - «указы» или декреты Генерального совета - Это триумф государственного переворота. Это была бы смерть Интернационала, если мы не восстановим порядок всемирным протестом; если во имя самих наших принципов и наших фундаментальных уставов мы не аннулируем

¹ Собранный в Лондоне в прошлом сентябре.

и Лондонскую конференцию, и все ее решения, и, если мы не вынудим Генеральный совет вернуться в границы, предписанные ему этими уставами.

Все те, кто желает свободы, все те, кто хотят стихийного и коллективного действия пролетариата, а не интриг и правления честолюбивых индивидов, будут с нами.¹

Личные отношения с Марксом

Локарно, Швейцария Декабрь 1871 года

Но пусть вас это не пугает. Вместо того, чтобы вредить существованию, развитию и расширению Интернационала, этот конфликт, напротив, будет способствовать тому, чтобы еще больше укрепить его, еще лучше определяя его принципы и цель. Этот конфликт был так же неизбежен, как он был неизбежен внутри итальянской демократии, как конфликт, который отделяет вас теперь от сторонников Мадзини. Вы убеждены, не так ли, что ваш разрыв, разрыв огромного большинства итальянской демократической партии с меньшинством секты Мадзини, вместо того, чтобы нанести ущерб этой партии, будет иметь следствием только стимулирование в ней все более народного, свободного и обязательно социалистического развития, увеличит мощь ее идей, ее действенность и с их помощью число ее преданных и серьезных членов.

Точно так же мы убеждены, что огромный протест, который поднимается сегодня в Интернационале против наших собственных мадзиницев, будет благоприятен для его большего и подлинного развития, так как у нас тоже есть мадзиниство, которое тормозит наш прогресс. Мадзиниство не по отношению к религии, оно - атеистично, как и мы, но в отношении своих авторитарных тенденций.

Это старая история: власть портит даже наиболее умных, наиболее преданных людей. Разумеется, такие люди как Маркс, Энгельс и несколько других немцев, доминирующих сегодня в Генеральном Совете в Лондоне, - умные и преданные люди. Они оказали огромные услуги Интернационалу, не как члены Генерального Совета, - роль Генерального Совета, как это и должно было быть во имя самой свободы развития Интернационала, весьма ограничена нашими общими уставами, а его денежные средства, довольно значительные на бумаге, но ничтожные в действительности, не позволяли ему до сих пор выполнять даже задачи, возложенные на него этими уставами, равно как и резолюциями конгрессов. Так что если Интернационал столь внушительно развился и увеличился за несколько лет, то это надо приписывать не действию Генерального Совета, ничтожному по определению, а справедливости и добротности его принципа, который является ничем иным, как наиболее верным и продуманным выражением самых искренних, самых глубоких, самых страстных чаяний пролетариата всех стран. Таким образом, люди, которых я только что назвал, оказали огромные услуги Интернационалу не как члены Генерального Совета, бессильного по праву и по факту, а своей пропагандой и своим индивидуальным действием. Маркс - человек очень большого ума и, кроме того, ученый в самом широком и серьезном смысле этого слова. Это глубокий экономист, по сравнению с которым Мадзини, экономические знания которого чрезвычайно поверхностны, может быть с трудом назван школьником. Кроме того, Маркс страстно предан делу пролетариата. Никто не имеет право в этом сомневаться; так как вот уже скоро 30 лет, как он служит ему с настойчивостью и верностью, в которых никогда нельзя было усомниться. Он отдал всю свою жизнь этому делу. - Мадзини, чье сегодняшнее бессилие изыскивает себе слабое утешение в яде несправедливой ругани, вымысленных баснях и клевете, Мадзини утверждает, что Маркс вдохновляется только

¹ Здесь рукопись обрывается.

ненавистью, а не любовью. Давайте договоримся: глубокая, серьезная, страстная человеческая любовь всегда удваивается ненавистью. Нельзя любить справедливость, не отвергая несправедливость, ни свободу, не отвергая властолюбие, ни человечество, не отвергая интеллектуальный и духовный источник всех деспотизмов, безнравственный вымысел небесного деспота - Боженьки. Нельзя любить угнетаемых, не отвергая угнетателей, ни, следовательно, любить пролетариат без ненависти к буржуазии. Маркс любит пролетариат, то есть он ненавидит буржуа. Нельзя страстно служить в течение тридцати лет подряд делу, его не любя, и надо иметь мерзкую предрасположенность к клевете, чтобы осмелиться отрицать любовь Маркса к делу пролетариата.

Добавим, наконец, ко всем этим великим и несомненным достоинствам, то, что он был инициатором и главным вдохновителем основания Интернационала.

Вот его заслуги. - Теперь, у любой медали есть оборотная сторона, любой свет дает тени, и у любого человеческого индивида есть свои недостатки. Поэтому никогда нельзя доверять власть ни одному человеку, каким бы гениальным и увенчанным добродетелями он ни был, ни меньшинству, каким бы умным и благонамеренным оно ни являлось, над большой общностью народа; поскольку, следуя закону, присущему самой власти, любая власть непременно несет в себе злоупотребление властью, и любое правительство, будь оно даже избрано на всеобщих выборах, неодолимо стремится к деспотизму.

У Маркса стало быть есть свои недостатки. Они таковы:

1) Прежде всего, у него общий недостаток всех профессиональных ученых: он доктринер. Он всецело верит в свои теории и с высоты своих теорий пренебрежительно относится ко всем. Знающий и умный, он, конечно, имеет свою партию, ядро слепо преданных друзей, которые клянутся его словами, думают только его мыслями, желают только того, что хочет он, одним словом, которые его боготворят и обожают, и которые этим поклонением его портят и уже значительно испортили. - Ему пришлось в ней вполне серьезно считать себя Папой социализма или скорее коммунизма, так как он всей своей теорией - авторитарный коммунист, желающий, как Мадзини, хотя с другими идеями и намного более реальным, более приземленным образом, нежели Мадзини, освобождения пролетариата централизованной мощью государства.

2) К этому поклонению самому себе в своих абсолютных и абсолютистских теориях Марксу добавилась, как естественное следствие, ненависть не только к буржуа, но и ко всем тем, даже социалистам-революционерам, кто осмеливается ему противоречить и отстаивать идеи, отличные от его теорий.

Маркс - странная вещь для столь умного и самоотверженного человека, которая может быть объяснена только его воспитанием ученого и немецкого беллетриста и, в особенности, его раздражительной природой еврея - Маркс чрезмерно тщеславен и тщеславен до непристойности и до сумасшествия. Если кто-либо имел несчастье задеть его самым невинным в мире образом в этом болезненном тщеславии, всегда обидчивом и всегда раздраженном, он становится его непримиримым врагом; и тогда он считает допустимыми любые средства и на самом деле использует самые постыдные, самые недопустимые из них, чтобы унизить его в глазах общественного мнения. Он лжет, изображает и старается распространить наиболее грязную клевету против него - в этом смысле Мадзини все-таки был прав, говоря о его отвратительном характере; но прошу вас заметить, дорогие друзья, что Мадзини сам, несмотря на естественную величину своей души, резко увеличившуюся от его растущего бессилия, в этой последней полемике со своими противниками, прибегнул примерно к тем же методам.

Дело в том, что Мадзини и Маркс, столь разные во всех других отношениях, - и эта разница далека от того, чтобы быть всегда не в пользу Маркса - движимы одной и той же страстью: политические и религиозные амбиции у одного, научные и доктринерские у другого; потребность править, воспитывать и организовывать массы согласно своей идеи. У Мадзини, высшая степень личного бескорыстия, чистота и возвышенность души которого известны, это потребность видеть торжество своих идей, своей партии, своих апостолов. У Маркса, инстинкты которого гораздо менее бескорыстны, чем у Мадзини, это страстное желание видеть торжество своих идей, пролетариата, а с пролетариатом и своей собственной персоны. Намерение, таким образом, выше и, главным образом, бескорыстнее у одного, более эгоистично у другого; но и в том, и в другом случае оно приводит к одним и тем же махинациям.

Зло - в стремлении к власти, в любви к правлению, в жажде авторитета. И Маркс глубоко поражен этим злом.

3) Этому во многом способствует его теория. Глава и вдохновитель, если не главный организатор партии немецких коммунистов, в целом он слабый организатор, имеющий скорее талант к разделению интригой, чем к организации. Он - авторитарный коммунист, и сторонник освобождения и новой организации пролетариата государством, то есть сверху вниз, через разум и научный подход просвещенного меньшинства, исповедующего, естественно, социалистические взгляды, и осуществляющего законную власть над невежественными и глупыми массами для блага их же самих. - Это примерно тот же политический строй, что и у Мадзини, только с различными программами. Это частично объясняет их большую взаимную ненависть и их равную неспособность быть справедливыми друг к другу. Они разделены не только своими идеями, своими программами, они одновременно конкуренты в борьбе за одну и ту же власть. Так как оба, один для своих идей и их апостолов, другой для своих идей и себя самого, не удовлетворяясь надеждой управлять однажды своей собственной страной, мечтают о всемирной власти, о всемирном государстве: Мадзини посредством Италии, вначале организованной согласно его идеям и становящейся затем правительницей мира, Маркс посредством Германии, немецкой расы, которая согласно ему, должна возродить мир. - Мадзини - итальянин, а Маркс - пангерманист до мозга костей.

Между ними есть разница, которая говорит в пользу Мадзини. Мадзини любит своих верных друзей, своих апостолов больше, чем себя самого; он очень снисходителен, иногда даже слишком снисходителен к ним, и он довольно щедр, чтобы прощать от всего сердца несправедливость, оскорблений, ошибки своих друзей против него самого как личности. То, чего он не прощает, - это изменения своей религии, своим божественным идеям...

Маркс любит свою собственную персону гораздо больше, чем своих друзей и своих апостолов, и любая дружба не выдержит самой легкой раны, нанесенной его тщеславию. Он гораздо охотнее простит неверность своей философской и социалистической системе; он будет считать это доказательством глупости, или по крайней мере интеллектуальной неполноты своего друга, и это доставит ему удовольствие. Не видя в нем более соперника, способного быть ему равным, возможно он будет любить его больше. Но он никогда не простит никому личного неуважения: надо его обожать, боготворить его, чтобы быть любимым им; по крайней мере бояться его чтобы терпеть от него; он любит окружать себя раболепствующими, прислужниками, льстцами. Тем не менее, в его близком окружении есть несколько выдающихся людей.

Но в общем надо сказать, что в ближнем окружении Маркса очень мало братской искренности, зато много задних мыслей и дипломатии. Это что-то вроде глухой борьбы и неожиданных компромиссов между различными самолюбиями. И там, где тщеславие идет в ход, братству совершенно нет места. Каждый держится настороже, поскольку опасается быть принесенным в жертву, раздавленным в свою очередь. Весь круг Маркса, это что-то вроде взаимного контракта между составляющими его тщеславиями. Маркс там главный распределитель почестей, но также постоянно вероломный и притворяющийся, никогда не откровенный и открытый подстрекатель травли против индивидов, которые бросили на него тень, или которые имели несчастье не оказать ему той почтительности, которую он ожидал от них.

Как только он организует травлю, она не останавливается ни перед какой низостью, ни перед какой подлостью. Сам еврей, он имеет вокруг себя, как в Лондоне, так и во Франции, но, главным образом, в Германии, толпу еврейчиков, более или менее умных, интригующих, суевящихся, спекулирующих, как евреи повсюду. Банковские или коммерческие агенты, писаки, политики, корреспонденты газет всех мнений и цветов, брокеры от литературы, одним словом, и одновременно финансовые брокеры, одной ногой в банке, другой - в социалистическом движении, и задом усевшиеся на повседневной литературе Германии. Они захватили все газеты, и вы можете вообразить, сколько тешнотворной должна быть эта литература.

Итак, весь этот еврейский мир, образующий эксплуатирующую секту, народ-пиявку, единого прожорливого паразита, тесно и глубоко организованного не только сквозь границы государств, но и через все разнообразие политических мнений, этот еврейский мир сегодня по большей части находится в распоряжении Маркса с одной стороны, и Ротшильдов с другой. Я уверен, что Ротшильды, со своей стороны, ценят заслуги Маркса, и что Маркс, с другой, чувствует инстинктивную привлекательность и большое уважение к Ротшильдам.

Это может показаться странным. Что он может быть общего между коммунизмом и высокими банковскими сферами? Но дело в том, что коммунизм Маркса желает мощной централизации государства, а там, где есть централизация государства, сегодня обязательно должен иметься Центральный банк государства, а там, где подобный банк существует, паразитирующая нация евреев, спекулирующая на работе народа, всегда найдет средства к существованию...

Как бы там ни было, является фактом, что наибольшая часть этого еврейского мира, сейчас в распоряжении Маркса, в особенности, в Германии. Достаточно, чтобы он указал на кого-либо, как объект гонений, чтобы поток оскорблений, наиболее грязной ругани, нелепой и гнусной клеветы, поднялся против того во всех социалистических и несоциалистических, республиканских и монархических газетах. В Италии, где чувство взаимной деликатности и уважения человека, по крайней мере формально, столь строго соблюдается, не могут себе представить грязный тон и действительно гнусный характер газетной полемики немецкой прессы. Евреи-писаки отличаются, главным образом, в искусстве инсинуаций, трусливых, грязных и вероломных. Редко они обвиняют открытым образом, но намекают, что «они слышали, как утверждают, это могло бы показаться неверным, но, однако ...», и затем вам швыряют в лицо самую нелепую клевету.

Я об этом знаю кое-что на собственном опыте. Маркс и я, мы - старые знакомые. Я его впервые встретил в Париже в 1844 году. Я уже был эмигрантом. Мы были на довольно дружеской ноге. Он был тогда намного более продвинут, чем я. Он и сегодня

остается не столь продвинутым, сколь несравненно более ученым, чем я. Я не знал тогда ничего о политэкономии, не отдался еще от метафизических абстракций, и мой социализм был только инстинктом. Он, хотя и моложе меня, был уже атеистом, ученым-материалистом и вдумчивым социалистом. Именно в эту эпоху он выработал первые основания своей нынешней системы. Мы виделись довольно часто, так как я весьма уважал его за науку и страстную и серьезную приверженность делу пролетариата, хотя и постоянно смешанную с личным тщеславием. Я с жадностью искал разговоров с ним, всегда поучительных и возвышенных, когда они не вдохновлялись мелочной злобой, то, что случалось, увы, слишком часто. Однако никогда между нами не было полной откровенности. Наши темпераменты не выносили друг друга. Он называл меня сентиментальным идеалистом, и он был прав; я называл его вероломным и скрытным тщеславцем; и я был тоже прав.

В 1848 году наши мнения разделились. И я должен сказать, что правда была гораздо более на его стороне, чем на моей. Он только что основал секцию немецких коммунистов как в Париже, так и в Брюсселе, и в союзе с французскими и несколькими английскими коммунистами, образовал, при поддержке своего друга и неразлучного спутника Энгельса, первое международное товарищество коммунистов различных стран в Лондоне. Там он написал вместе с Энгельсом от имени этого товарищества чрезвычайно значимую работу, известную под названием Коммунистический Манифест.

Я, опьяненный революционным движением в Европе, был гораздо более взволнован отрицательной, чем положительной стороной этой революции, то есть в большей степени свержением того, что было, чем строительством и организацией того, что должно было быть.

Однако, здесь был пункт, где был прав я, а не он. Как славянин, я хотел освобождения революцией славянской расы из-под немецкого ярма, то есть разрушения русской, австрийской, прусской и турецкой империй, и реорганизации народов, снизу доверху, их собственной свободой, на базе полного экономического и общественного равенства, а не силой власти, какой бы революционной она себя ни называла, и какой бы разумной она ни была в действительности.

Уже тогда разница систем, которая нас разделяет сегодня, вырисовалась теперь уже совершенно осмысленным с моей стороны образом. Мои идеи и мои устремления должны были очень не нравиться Марксу, прежде всего потому, что они не были его; затем потому, что они были противоположны его убеждениям авторитарного коммуниста; наконец, потому, что как немецкий патриот, он не допускал тогда, как не допускает и сейчас, права славян освободиться от ярма немцев, думая, сегодня, как и тогда, что немцы призваны их цивилизовать, то есть волей-неволей германизировать.

Чтобы наказать меня за смелость продолжать осуществление идеи, отличной и даже противоположной его собственной, Маркс отомстил тогда в своем духе. Он был редактором «Рейнской газеты», которая публиковалась в Кельне. В одном из ее номеров я прочитал сообщение из Парижа, где говорилось, что госпожа Жорж Санд (с которой я был связан в свое время) будто бы сказала кому-то, что надо остерегаться Бакунина, поскольку возможно он действительно нечто вроде русского агента.

Это обвинение свалилось на меня внезапно, как булыжник на голову, в тот самый момент, когда я был в самом разгаре революционного процесса, и в течение нескольких недель полностью парализовало мои действия. Все мои немецкие и славянские друзья отдалились от меня. Я был тогда первым русским, который активным образом вмешался в революцию. И мне не нужно вам объяснять, какие обычные, традиционные чувства

недоверия испытывает на первых порах любой западный ум, когда он слышит о русском революционере. - Тогда я написал вначале госпоже Санд. Она поспешила ответить мне, направив копию письма, которое послала в редакцию «Рейнской газеты», в котором она категорично и сурово уличала ее во лжи. Я находился в Бреслау, и послал одного друга, поляка, в Кельн, чтобы потребовать полного опровержения по всей форме. Маркс отрекся, переложив ошибку на парижского корреспондента, и заявил, что газета опубликовала это сообщение в его отсутствие; что он меня слишком долго знает, чтобы он мог когда-либо и т.д., и т.д., силой комплиментов и заверений в дружбе иуважении - все осталось на своих местах.

Я встретил его несколькими месяцами позже в Берлине. Общие друзья вынудили нас обняться. И тогда, посреди наполовину шутливого, наполовину серьезного разговора, Маркс мне говорит: «Знаешь ли ты, что я нахожусь теперь во главе столь хорошо дисциплинированного тайного коммунистического общества, что, если бы я сказал одному из его членов: «Иди, убей Бакунина, он бы тебя убил». - Я ему ответил, что, если у тайного общества нет других дел, чем убивать людей, которые ему не нравятся, то оно может быть только обществом прислужников или нелепых хвастунов...»

После этого разговора мы больше не виделись до 1864 года.

В 1849 году я был арестован. - Осужденный и приговоренный к смертной казни в Саксонии, я был выдан в Австрию в 1850 году, поскольку, несмотря на то, что мои два товарища¹ и я, мы втроем отказались просить о пощаде, король Саксонии не захотел казнить никого. Осужденный и приговоренный к смертной казни в Австрии, я был выдан в 1851 году в Россию. Австрия дала обещание королю Саксонии меня не казнить, обещание, которое Россия должна была подтвердить все тому же королю Саксонии, который был страстным ботаником, и который, как видите, вовсе не был злым человеком. В России, я провел 6 лет в крепости. В 1857 году я был выслан в Сибирь, а в 1861 году убежал из Сибири через Японию, Тихий океан, Сан-Франциско, Панамский перешеек, Нью-Йорк. В конце декабря 1861 года я прибыл в Лондон.

Там я встретил моих соотечественников Герцен и Огарева и через них познакомился с Мадзини. И вот что Герцен, Огарев и Мадзини мне рассказали.

В то время как я был далек от развлечений в немецких и русских крепостях и в Сибири, Маркс и компания распространяли сплетни, писали, публиковали против меня как в английских, так и немецких газетах самые гнусные слухи, говоря, что это полная ложь, будто я заключен в какую-то крепость; что напротив, император Николай принял меня с распростертыми объятьями, предлагая мне все удобства, все радости жизни, что я провожу время с женщинами легкого поведения и шампанским и т.д., и т.д.

Это было гнусно, но это было также и глупо..., впрочем, они были достаточно наказаны, и я должен быть вечно признателен Мадзини и его благородному другу поляку Ворцелю², главе польской демократии, энергично выступивших на моей стороне в то время, как я отсутствовал и не мог защищаться сам. - Едва я прибыл в Лондон, как английская газета, редактируемая неким Уркартом³, полубезумным туркофилом, написала, что русское правительство, очевидно, послало меня, чтобы заниматься шпионажем. Я ответил в газете, требуя от клеветника-анонима назвать себя и обещая ответить ему не с пером в руке, но рукой без пера. - Он принял всерьез сказанное, и меня оставили в покое.

¹ Рокель и Хаубнер.

² Worcell.

³ Urquhart.

Я оставался весь 1862 год в Лондоне, естественно, не пытаясь встретиться с Марксом. В начале 1863 года я уехал в Швецию для того, чтобы там работать для русской революции, которая должна была прийти на помощь польской революции; я даже принял участие в экспедиции морем, которая должна была перенести нас на берега Польши. Преданные английским капитаном парохода, который должен был нас туда отвезти, мы едва смогли ускользнуть от русского военного корабля, который нас преследовал. В конце 1863 года я возвратился из Швеции в Лондон, и оттуда уехал через Бельгию, Францию и Швейцарию в Италию, снабженный рекомендательными письмами Мадзини и моего предшествующего друга Аурельо Саффи ко всем друзьям. - Был в Капрера, где имел честь познакомиться с генералом Гарибальди. - Я провел зиму и часть лета в Тоскане, и в августе 1864 года возвратился через те же страны в Швецию. В октябре я снова возвратился в Лондон. - Именно тогда я получил от Маркса записку, которая еще хранится у меня, и в которой он спрашивает, могу ли я принять его у себя на следующий день. Я ему ответил, что да, и он пришел. У нас тогда случилось объяснение; он мне поклялся, что никогда ничего не говорил и не делал против меня, что, напротив, он всегда сохранял ко мне большое уважение и искреннюю дружбу. - Я знал, что сказанное было неправдой, но я действительно не таил к нему никакой злобы. Впрочем, возобновление знакомства больше интересовало меня в другом отношении. Я знал, что он мощно способствовал основанию Интернационала. Я прочитал манифест, который он написал от имени временного Генерального Совета, значительный, серьезный и глубокий манифест, как все то, что выходит из-под его пера, когда он не занимается личной полемикой. Наконец, мы расстались внешне очень хорошими друзьями, однако, без того, чтобы я нанес ему ответный визит.

Я возвратился во Флоренцию, где провел целую зиму; оттуда весной 1865 года я уехал в Неаполь и остался там до сентября 1867 года - эпохи первого Конгресса Лиги Мира и Свободы, в Женеве.

Мы обменялись несколькими письмами с Марксом. Затем мы снова потеряли друг друга из виду.

Как раз во время этого Конгресса Мира в Женеве, старый коммунист Филипп Беккер, как и он, один из основателей Интернационала, и его друг, хотя на немецкий фасон, то есть не желающий лучшего, чем сказать худшее, и готовый повесить, если он может это сделать, не компрометируя себя, вручил мне от имени Маркса первый том, единственный, появившийся до настоящего времени, труда чрезвычайно важного, ученого, глубокого, хотя и очень абстрактного, озаглавленного «Капитал»

В этом случае я совершил огромную ошибку: я забыл написать Марксу, чтобы его поблагодарить. Несколькими месяцами позже...¹

Товарищам Федерации секций интернационала Юры

Локарно, Швейцария февраль-март 1872

Братья и друзья!

Как вам небезызвестно, уже более двух лет, начиная с последнего конгресса Интернационала, состоявшегося в Базеле в сентябре 1869 года, я стал объектом самой глупой и си серьезным представителем серьезного социализма, кончила тем, что попала в руки русского еврейчика, наглого лгунна и бесстыдного интригана, если только стыд у него вообще есть.

¹ Здесь рукопись обрывается.

Это нечто вроде оголтелого заговора и, если называть вещи своими именами, грязный заговор немецких и русских евреев против меня.

Что я сделал, чтобы заслужить эту честь? Я до сих пор спрашиваю себя об этом, и признаю, что был бы сильно затруднен ответом на этот вопрос. Вам, кто меня знает, известно, что я никогда не занимался чем-либо иным, и без какого-то умысла, амбиций, интереса или личного тщеславия полностью отдавал себя, все мои возможности и силы триумфу идей и делу, которое мы считаем святым. Это было мое право и одновременно мой долг.

Я никогда не атаковал людей. Но я энергично боролся с идеями, которые мне кажутся вредными и ложными; и среди этих идей, та, которую я отвергаю и сегодня со всей страстью, инстинктивной и в то же время продуманной, на которую я способен, - эта злополучная идея авторитета и политической власти, которую наши противники, несомненно, искренне убежденные, но, на мой взгляд, весьма дурно намеренные, стараются переселить в программу и организацию Интернационала.

Таково мое преступление, преступление, инициатором которого, как об этом говорят, я вовсе не являюсь, но выступаю как сообщник вместе с вами. Таким образом, таково преступление нас всех. И если бы наши противники довольствовались тем, что обрушились бы на нас за наши анархические идеи, мы, безусловно, не могли бы ни в чем их упрекнуть. Это было бы их право, как и наше - защищать и распространять наши идеи.

К несчастью для Интернационала и для них самих, они не захотели, не смогли удовлетвориться той умеренностью, которая была им предписана как интересами их собственного достоинства и справедливости, так и высшими интересами нашего великого Товарищества, от которого они ожидают, так же, как и мы сами, окончательного освобождения пролетариата. Сфера идей показалась им слишком безличной, слишком чистой; и как говорит пословица: гони природу в дверь, она влетит в окно. Им нужна была грязь. Грязь, кто этого не знает, - главная составляющая жида-тевтонской полемики.

Евреи составляют сегодня в Германии настоящую силу. Уже давно они царят как суверенные хозяева в банковском деле. Но за последние тридцать лет они также сумели образовать нечто вроде монополии в литературе. В Германии почти не осталось газет, у которых редактор не был бы евреем, а журналистика с банковским делом поддерживают друг друга, оказывая взаимно ценные услуги.

Очень интересная раса, эта раса евреев! Она одновременно и узконациональна, и в высшей степени интернациональна, но в смысле эксплуатации. Именно она создала международную торговлю и столь мощный экономический инструмент, называемый кредитом. Вот, безусловно, ее неоспоримые права на признание человечества.

Как и все другие нации земли, со всеми достоинствами и недостатками, которые ее отличают, она - неизбежный продукт истории. Потому было бы несправедливым упрекать ее в преступлениях; но так как она составляет сегодня несомненную силу, разумно и необходимо хорошенько изучить ее новую роль, чтобы отдавать себе отчет в том, что она может нам принести либо вредного, либо полезного, и чтобы знать, как мы должны защититься от одного и воспользоваться другим.

Евреи всегда были очень умной и очень несчастной расой, бесчеловечной, жестокой и жертвенной одновременно, гонителями и гонимыми. Они поклонялись с самого детства Богу-убийце, самому варварскому и одновременно самому тщеславно эгоистичному из всех Богов, известных на земле, жестокому и мстительному Иегове, который

сделал из них избранный народ. Их первый законодатель, Моисей, приказал им истребить все народы, чтобы создать свою собственную державу. Таким было их начало в истории.

К большому счастью для других наций, сила еврейского народа не сравнялась с его жестокостью. Всегда побеждаемый, задолго до окончательного триумфа римлян переселенный насильно своими завоевателями-ассирийцами, вавилонянами, египтянами и персами в самые дальние части Азии, он провел века в вынужденной эмиграции. И именно во время этой эмиграции в сердце евреев образовался и углубился культ Иерусалима, символ национального единства. Ничто не объединяет так сильно, как несчастья.

Размытые и рассеянные по всей Азии, презираемые, угнетаемые, но всегда умные рабы, они стали еще более чем прежде нацией: интернациональной нацией Азии и части Африки. Оторванные от земли, данной им Иеговой, и не имея возможности более посвящать себя сельскому хозяйству, они должны были отыскать другой выход для своей страстной и беспокойной активности. Этот выход не мог быть иным, чем торговля; и, таким образом, евреи стали в высшей степени торговым народом. Во всех странах они обнаружили своих соотечественников, как и они, жертвы иностранного угнетения, презираемых, преследуемых, как и они, и, как и они, движимых естественной и глубокой ненавистью ко всем нациям-завоевателям. Это объясняет, как с течением времени между всеми еврейскими племенами, рассеянными по Азии и Африке, между евреями всех государств образовалось обширное коммерческое товарищество взаимовыручки и взаимопомощи, а также совместной эксплуатации всех иностранных наций; народ паразитов, живущих потом и кровью своих завоевателей.

Завоевания Александра Великого и окончательное разрушение Иерусалима Титусом, в царствие своего отца, императора Веспасиана, и перевозка более чем миллиона еврейских рабов в Италию, привело к распространению их по Европе, и окончательно сформировало у них тот интернационально-эксплуататорский и узконациональный характер, который их отличает по сегодняшний день. Жестокая травля, которой они подвергались в течение всего средневековья во всех странах, во имя Бога справедливости и любви, единственного и вполне достойного сына их Иеговы, в итоге определили их в высшей степени враждебные наклонности к христианским народам Европы. И как всегда, и даже более чем прежде, они ответили на глупое, жестокое и несправедливое угнетение ожесточенной эксплуатацией.

С католической церковью и папами они разделили честь первыми разгадать всесилие денег, и они стократно увеличили его, создав кредит. Первые векселя на предъявителя и первые банковские билеты были, как известно, выпущены евреями Италии, и, благодаря своим отношениям с евреями всех других стран, они вскоре распространились по всей Европе. Созданием кредита евреи влили душу в международную торговлю, которая начала развиваться, уже начиная с XII века, и с самого начала они сделались почти исключительными хозяевами этой души.

С кредитом родился или скорее развился в устрашающей пропорции ростовнический процент, эта вечно кровоточащая рана вначале благородных владельцев, а позже и сельскохозяйственного населения. На западе Европы есть еще много стран, где владеющие или не владеющие землей крестьяне просто сожраны евреями; но, главным образом, в восточной Европе, в славянских и венгерских землях Австрии, в великом герцогстве познаньском в Пруссии, по всей Польше, в Литве и Белоруссии в том числе, в Молдавии и Валахии, еврейская эксплуатация промышляет самыми безжалостными и

непомерными грабежами. Поэтому во всех этих странах народ ненавидит евреев. Он их ненавидит до такой степени, что любая народная революция там сопровождается массовым убийством евреев: естественное следствие, которое вовсе не способствует их превращению в сторонников социальной и народной революции.

Поэтому нужно заметить, что евреи во всех наших восточных странах главным образом консервативны. Цивилизация, в том виде как она существует сегодня везде, означает научную эксплуатацию труда народных масс в пользу привилегированных меньшинств, и евреи - безудержные сторонники цивилизации. И так как великие бюрократические и централизованные государства являются одновременно следствием, условием и как бы достойным венцом этой чудовищной эксплуатации, они, конечно, сторонники государства. Они, естественно, испытывают отвращение к неистовству народных масс, и совершенно не являются анархистами.

Также необходимо отметить, что во всех странах Восточной Европы евреи восприняли немецкий язык как свой национальный; вследствие чего наши казаки вполне серьезно считают, что сами немцы не что иное, как окрещенные евреи. Евреи стали, таким образом, чем-то вроде представителей и носителей немецкой цивилизации, немецких порядка, дисциплины и государства в этих более или менее варварских странах Восточной Европы: ценным и мощным инструментом, которым господин Бисмарк, конечно же, не будет пренебрегать. Когда в 1848 году крестьяне великого герцогства познаньского взбунтовались во имя польской национальности, среди евреев этого герцогства, предки которых, надо сказать, были гостеприимно принятые польским населением, в то время как они безжалостно преследовались во всех других странах, случилось ужасное волнение. Они прибежали толпой в Кенигсберг, в Бреслау, в Берлин, испуская крики отчаяния, и клянясь своим Иеговой, что они немцы, что хотят жить и умереть как немцы, и что, следовательно, все эти польские провинции должны быть как можно скорее объявлены неотъемлемыми частями Германии. На этот патриотический крик все евреи Германии ответили братским криком, и с помощью всякого пангерманского аппетита чисто тевтонской буржуазии, они докричались до того, что Франкфуртское национальное собрание, составленное из самых ученых голов Германии, в конце концов, действительно декретировало насильственное онемечивание всех этих древних польских провинций, без сомнения к вящей славе гуманизма цивилизации и международной справедливости.

Я сказал, что евреи восточной Европы - заклятые враги любой подлинно народной революции, и я думаю, что без какой-либо предвзятости и за очень малым исключением это применимо и к евреям Западной Европы. Ерей - буржуа, то есть эксплуататор по определению. Как мы только что видели, вся история сделала его таким - эксплуататором, в каких бы условиях и формах это ни выражалось. В варварских странах, где местной буржуазии не существует, и где имеются только две крайности: владетельный дворянин с одной стороны и работающий крестьянин с другой, евреи становятся обязательными посредниками, эксплуатирующими, без сомнения, различным образом и тех, и других; а в более цивилизованных странах они образуют отдельный слой, который сегодня стремится более или менее смешаться с местной буржуазией, но никогда с народом.

Даже эта смесь с буржуазией страны их рождения скорее кажущаяся, чем реальная. В сущности, евреи каждой страны действительно дружны лишь с евреями всех стран, независимо от всех различий, которые могут существовать в их социальном по-

ложении, уровне образования, политических взглядах и их религиозных культурах. Теперь уже не суеверный культ Иеговы формирует еврея; окрещенный еврей остается, тем не менее, евреем. Имеются католические, протестантские, пантеистические и неверующие евреи, реакционные, либеральные евреи, даже евреи-демократы и евреи-социалисты. Прежде всего, они евреи, и это устанавливает между всеми личностями этой своеобразной расы, через все религиозные, политические и социальные противоречия, которые их разделяют, нерасторжимый союз и взаимную солидарность. - Это мощная цепь, одновременно широко космополитичная и узконациональная в смысле расы, которая связывает между собой банковских королей, Ротшильдов, или наиболее высокоразвитые научные умы с невежественными суеверными евреями Литвы, Венгрии, Румынии, Африки и Азии. Я не думаю, что сегодня в мире существует хотя бы один еврей, который не трепещет от надежды и от гордости, услышав священное имя Ротшильдов.

Известный немецкий статистик, господин Кольб, считает, что сегодня в мире имеется примерно семь миллионов евреев, исповедующих еврейскую религию. Давайте добавим к ним два или три миллиона более или менее окрещенных евреев, и у нас получится десятимиллионная нация, которая хотя и разбросана по всем уголкам земли, остается тесно соединенной даже более чем самые политически централизованные нации. Это ли не огромная сила? И эта сила была создана более чем двадцатью пятью веками травли. Только самая широкая свобода сможет ее рассеять; но, чтобы достичь этой цели потребуется еще много веков.

Говорят, о неизгладимом характере католического священника. Но еще более неизгладимым является тип еврея, не только по внешности, которая поражает с первого взгляда, но также, и возможно даже более, с точки зрения интеллектуальных и духовных способностей и наклонностей.

Широко космополитичный и узконациональный одновременно, это первая черта. Буржуа и эксплуататор с головы до ног, инстинктивно враждебный любому реальному народному освобождению, это второе. Естественное следствие: он все же сторонник буржуазной цивилизации, буржуазного порядка, господства банков и мощной централизации государств. Он им является не только из корысти, но и по искреннему убеждению. Любой еврей, каким бы просвещенным он ни был, сохраняет традиционный культ власти: это наследство его расы, очевидный признак его восточного происхождения.

Очень реалистичный в своих повседневных интересах, еврей в высшей степени идеалистичен в своем внутреннем мире. Будь то грозный Иегова или золотой телец, абстрактное научное знание или угнетающая сила государства, ему надо обожать какую-то абстракцию, тем более что эта абстракция тотчас же превращается в повод или предлог для эксплуатации масс, этой живой плоти извечно приносимой в жертву во имя триумфа всех религий, всех абстракций и всех государств.

Еврей, таким образом, авторитарен по положению, по традиции и по своей природе. Таков общий закон, который допускает лишь очень мало исключений, да и сами эти исключения при ближайшем рассмотрении только подтверждают правило. Бунт, источник любой свободы, чужд таланту этого народа; он его заклеймил и проклял навечно в образе Сатаны. Он иногда восставал против Иеговы, но, чтобы поклоняться золотому тельцу, своему второму я, необходимому дополнению Иеговы.

В этом культе власти и уставной дисциплины, равной евреям в Европе оказалась только немецкая буржуазия. Страстные и убежденные рабы, буржуа, как и немецкие дворяне, охотно сгибают голову перед своим правителем и перед каждым чиновником, военным или гражданским, явным представителем силы правителя. Евреи, оказывая

полное и обязательное почтение ко всем властям страны, где они живут, ищут предпочтительно собственные власти и собственных руководителей среди наиболее умных и влиятельных людей своей расы. Они их боготворят, обожают их, что создает для этих руководителей настоящую силу.

Великие умы никогда не были в недостатке у еврейского народа, одной из самых умных рас земли. Не говоря уже о великих анонимах, некоторые следы которых дошли до нас под именами Иисуса Христа и апостола Павла, давших новую религию Европе, если рассматривать только современную эпоху, в XVII-ом веке встречаем прекрасный образ Спинозы, последнего еврея, преследуемого своей расой, а в XVIII-ом веке образ Мендельсона, благородного друга Лессинга. Наш век богат знаменитыми евреями. В первом ряду стоят без сомнения Ротшильды, короли королей, арбитры мира и войны в Европе. Рядом с ними в музыкальном мире блистают имена Мейербейера и Мендельсона; в политической литературе и поэзии имена Бёрна и Гейне. Наконец, в наши дни - респектабельный глава немецкого радикализма Якоби и выдающийся социалистический писатель, главный инициатор создания Международного Товарищества Рабочих Карл Маркс. Немногие нации произвели столько же замечательных людей в столь короткий промежуток времени.

То, что отличает положение этих современных знаменитостей, делающих честь нашему веку, так это то, что вместо того, чтобы быть преследуемыми и распятыми своей расой, как ранее их великие предшественники: Спиноза, Иисус Христос, апостол Павел, они, напротив, глубоко уважаемы, обожаемы и превозносимы. И вполне справедливо, поскольку это мощные умы, делающие честь своей расе.

Но рядом с этими великими умами имеется мелкая сошка - бесчисленная толпа еврейчиков: банкиров, ростовщиков, промышленников, коммерсантов, литераторов, журналистов, политиков, социалистов, то есть, в любом случае, спекулянтов. Они переходят в розницу то, что другие производят оптом, и живут, как бедный Лазарь, объедками роскошного стола их хозяев, крайне скромными и льстивыми служителями которых они всегда являются: суетливая и беспокойная порода, движимая нуждой с одной стороны, и с другой этой вечно неуёмной деятельностью, страстью к сделкам и спекулятивным инстинктам, равно как мелочными и тщеславными амбициями, которые образуют отличительные черты этой расы. Именно они захватили сегодня немецкую журналистику и наводнили в качестве второстепенных вожаков Социал-демократическую рабочую партию, к великому вреду для пролетариата Германии. Они называются Морисами Гессами, Боркхаймами, Либкнехтами и массой других более или менее неизвестных имён.

Они превратили немецкую журналистику в арену грязи. Они не знают никакого другого оружия, кроме грязи. Трусливые и в то же время коварные намеки, гнусная и глупая ложь, грязная клевета - вот то, что составляет их повседневную полемику. Можно сказать, что они питаются только помоями, как некоторые насекомые, которые заполоняют улицы летом! Не требуйте от них ни справедливости, ни чести, ни логики в идеях. Всего этого для них вовсе не существует, они знают только лесть для одних и оскорблении для всех остальных.

Можно было бы подумать, что столь мало интеллектуальная и весьма подлая полемика не может иметь никакого влияния на общественное мнение. Но человеческая природа такова, что каким бы глупым ни было злословие, сказанное о человеке, большинство людей верит ему охотнее, чем добром слову; и Дон Базиль в комедии Бо-

марше очень метко сказал об этом: «Клевещите всегда, что-нибудь, да останется». Публика, поглощенная повседневными хлопотами, и слышащая царящий вокруг нее шум лишь в пол-уха, не имеет ни времени, ни желания углубленно изучать вопросы и явления; и когда ей повторяют на все лады, и, как правило, с той настойчивостью, которая отличает гадкую злобу, что, такой-то - плут, он продался, он - предатель, она, в конце концов, начинает этому верить, не требуя иных доказательств. Вот то, что образует силу этих поганых еврейчиков, и то, что делает их действительно грозными, несмотря на их очевидную глупость.

Взятый по отдельности, каждый из них убог, ничтожен, бессилен. Но их легион и, что еще хуже, весьма дисциплинированный легион, ожидающий только знака своего хозяина, чтобы начать брызгать всей своей слюной на тех, кто стал объектом их бешенства: бешенства всегда скрытого, ненависти без страсти и гнева. Они счастливы уже оттого, что им предоставлен случай проявиться. Оскорблять, клеветать - это их жизнь.

Такова, мои дорогие друзья, свора, травлю которой я имел несчастье на себя навлечь. Что я сделал для того, чтобы ее заслужить? Я вас уверяю, что еще не знаю этого. Предполагаю, однако, что то, что я русский, во многом тому способствовало. Они не могут мне простить того, что я - русский, казак, или, как писал пресловутый Мадзини в своем теологическом гневе, калмык, осмелившийся возвысить свой варварский голос на конгрессах Европы; они не могут простить мне, главным образом, то, что я осмелился говорить о немецкой цивилизации без должного уважения.

Что ж вы хотите, я признаю, что действительно испытываю весьма посредственные чувства к этой столь хваленой цивилизации. У меня самое большое уважение к науке немцев, основанной на фактах, по моему мнению, настоящей, единственной законной славе этой страны, но не к патентованным представителям этой науки, не к ученым профессорам Германии, из которых, по крайней мере, 90% - слуги и теоретики, крайне приверженные пангерманскому деспотизму. Я испытываю искреннюю и глубокую симпатию к пролетариату Германии, включая трудящихся деревни и города, в том числе также к той части самой мелкой буржуазии, которая, видя, как растущее благополучие индустрии, торговли и, главным образом, банков, все более и более толкает ее в нищету, находит в себе достаточно мужества, разума и сердца, чтобы искренне встать на сторону пролетариата.

Я глубоко уважаю этот пролетариат, так как он нисколько не солидарен с той неприятной вещью, которая называется цивилизацией Германии. Он не участвует ни в ее дивидендах, ни в ее преступлениях, ни в ее стыде, он, напротив, ее первая жертва; и достаточно вытащить его из-под господства цивилизованной Германии и перенести на свободную землю Северной Америки, чтобы, проявив свою настоящую природу, он сразу же превратился в энергичного, преданного, убежденного поборника гуманной справедливости и самой широкой свободы. Я уважаю немецкий пролетариат, поскольку все гуманное будущее Германии в нем.

За исключением этих двух великих сущностей, одной реальной, другой абстрактной, одной, обещающей великое будущее, другой, в какой-то мере искупающей бесчестье убогого настоящего, я презираю в Германии все остальное. Как настоящий славянин, как настоящий варвар, я испытываю отвращение к этой буржуазной цивилизации, одновременно наглой и рабской, которая, кажется, мечтала обо всех известных вам прекрасных вещах в своей великой литературе второй половины прошлого века и первой половины этого века, только чтобы осуществить в жизни полную им противоположность.

Какой контраст в действительности между этой литературой и этой жизнью! Первая, вдохновленная лишь одной великой мыслью: освобождение, триумф человечества! Вторая, направленная лишь на его унижение и порабощение под кованым сапогом своего пангерманского императора.

Соединив странным и единственным в истории браком несомненную отвагу, не страшную и блестящую как у французов, а холодную, продуманную и, оттого более страшную, с покорным низкопоклонством рабов, науку с грубостью, сухую частную мораль, ставшую, впрочем, сегодня гораздо больше видимостью, чем реальностью, с наглым политическим беззаконием, немецкий дворянин, немецкий буржуа, немецкий профессор и подавляющее большинство студенчества Германии, состоящего, главным образом, из бюрократов и зеленых педантов, не проникнуты ли они до мозга костей одновременно очарованием и суеверным страхом перед властями? Педантичный формализм бюрократии и искусная грубость военной дисциплины, не они ли составляют наивысшее, реальное выражение их общественной жизни? Их религия - государство, и они с гордостью лакеев охотно выносят всю ее тяжесть и самые унизительные обиды, лишь бы это государство, пангерманская империя, проявило себя очень мощным извне, то есть явно угрожающим независимости и свободе всех соседних народов.

Эта нация мечтателей чрезмерно жестока в своих действиях. На этот счет еще можно было бы питать иллюзии до 1870 года, до 1866 года. С некоторым принуждением, и закрывая глаза на многочисленные симптомы, которые, уже с 1815 года, начали выдавать настоящую природу национальных чаяний буржуазии Германии, читая прекрасные книги ее профессоров, речи ее ораторов, патриотические стихи ее поэтов, можно было вообразить, что у этой буржуазной Германии была серьезная страсть к свободе. Сегодня иллюзия более невозможна, и надо быть слепым, чтобы совершенно не замечать, что то, чего она всегда хотела, это вовсе не свободы, а мощного и завоевательного единства. Пангерманизировать все соседние народы - вот единственная политическая страсть, дополнение и необходимый венец другой великой страсти буржуазии всех стран: страсти к прибыли, к все большему обогащению принудительным трудом порабощенного пролетариата!

После последней войны уже не только славяне, а Франция, Европа, весь мир знает то, что означает в своих реальных проявлениях гуманность немецких патриотов. Армия и, в особенности, офицеры Германии, от седых генералов-командующих до самых молодых безбородых лейтенантов, своими подвигами превзошли и остались далеко позади все зверства, совершенные русскими офицерами в Польше. Они хладнокровно истребляли порознь и массово, грабили, опустошали, поджигали, обогащались кражами; и все это с восхитительным бесстрастием и хладнокровным цинизмом, что дало понять удивленной Европе, что они совершили все эти преступления без гнева и страсти, вдумчиво и убежденно. Они определили, таким образом, меру морали и цивилизации дворянской Германии; и вся буржуазная Германия поспешила громко проявить свои глубокие симпатии к столь ужасным подвигам; она оказалась полностью солидарной, в одушевляя этот триумф, как начало величия и политической мощи Германии.

Немецкие профессора превозносят эти бесчеловечные победы и этот неслыханный триумф германской жестокости, как первую реализацию будущих исторических судеб Германии. Германия, столь презираемая как политическая сила, еще несколько лет тому назад, сегодня заставляет дрожать всю Европу: какое счастье! и какая слава! Раз так, пусть будет внутреннее рабство, ибо оно составляет необходимый элемент

внешней монополии. Можно даже смириться с неизбежными обидами раболепной бюрократии и произволом придирчивой полиции, как и с наглостью дворянских лейтенантов армии, так как этой ценой покупается величие Германии, страх, если не уважение соседних народов! А, впрочем, смириться, позволить себя обижать, одним словом, быть рабами, разве это не обычное и традиционное состояние буржуа в Германии? И привычка, разве она не делает с течением времени более переносимыми самые невыносимые вещи, за исключением нищеты и голода?

Нищета и голод - вот две благодетельные феи, которые навсегда гарантируют пролетариат Германии от любой солидарности с буржуазной цивилизацией Германии, и которые никогда не позволят ему стать соучастником ее стыда и ее преступлений.

Не правда ли, примечательный факт, что, когда официальная и буржуазная Германия торжествует, все другие народы Европы приходят в уныние? Что радость немцев - это угроза для Европы? Не характеризует ли это будущие судьбы пангерманской империи? И действительно, триумфы этой империи не означают ли ничто иное, как порабощение Европы; вследствие чего освобождение Европы должно иметь необходимым результатом и условием разрушение пангерманской империи; и кто осмелится считать меня преступником за то, что я хочу освобождения Европы?

Я хорошо знаю, что эти добрые профессора и политики-патриоты Германии, по крайней мере, те среди них, кто, строя иллюзии на собственный счет, считаются еще либеральными, успокаивают себя той идеей, что создание и укрепление германского единства посредством бюрократического, полицейского и военного деспотизма Пруссии - это только переходный период, несомненно, неприятный и тягостный, но абсолютно необходимый, чтобы завоевать позже свободу. Есть даже те, кто мечтает об учреждении великой единой пангерманской республики, не знаю в каком году XX века. Пока же, говорят они, надо смириться и терпеть. Немецкий патриотизм требует именно жертвы.

Смириться и терпеть! Весьма легкая задача для тех, чье платоническое смирение и добродетельное страдание щедро оплачены полновесными экю, отчеканными при дворе Его императорского прусского Величества. Вещь, невозможная для пролетариата, который, в действительности, в одиночку несет всю тяжесть этого деспотического перехода, и для которого страдание тотчас же выражается нищетой и означает истощение, болезнь, голод и смерть. Отсюда я заключаю, будучи почти уверен, что, движимый необходимостью, присущей его положению, и расстраивающей все патриотические и искусные замыслы господ профессоров и псевдо-либералов Германии, - именно немецкий пролетариат сам станет разрушителем империи.

Если это не будет он, если только свобода не придет к нему извне, что всегда было вещью чрезмерно двусмысленной и опасной, Германия никогда не выйдет из своего позорного рабства. «Сначала единство, потом свобода!», - кричат эти дисциплинированные и выхолощенные либералы. Старая песня, которую мы уже слышали от Мадзини, и согласно которой полицейское и военное положение является лишь переходом, без сомнения неприятным, тягостным, но абсолютно необходимым, чтобы потом достичь свободы. У Мадзини еще было законное оправдание, так как до 1866 года Италия была под иностранным ярмом. Надо было изгнать чужестранцев, это ясно, и нужно было вначале концентрировать все усилия на этом. Но как только этот великий акт свершился, почему же Италия так и не стала свободной?

Некогда, когда пролетариат был еще весьма разумным, смиренным, спокойным, они¹ могли еще стать союзниками с некоторой степенью политической свободы, разумеется, в пользу привилегированных классов. Сегодня даже эта привилегированная свобода стала невозможной. Так как в условиях грандиозного пробуждения пролетариата Европы все конституционные барьеры - бессильны. Чтобы его содержать нужно очень сильное правительство: военная диктатура современной Италии дает тому урок. Пропагандой своей одновременно теологической и политической идеи великого централизованного государства, единого, исходящего из всеобщего избирательного права и, правда, украшенного республиканскими формами правления, но концентрирующего в руках очень сильного правительства все полномочия и руководящего от имени Бога и народа как суверенный хозяин материальной, духовной, социальной и политической жизнью всей нации, Мадзини во многом способствовал тому, чтобы задушить в лучшей части итальянской буржуазии последние следы инстинкта свободы, и побудил ее рассматривать народные массы, то есть собственно народ, как грубый и инертный инструмент, от имени которого все должно провозглашаться и делаться, но который нужно всегда приносить в жертву во имя величия и мощи государства, то есть для исключительного и беззаконного благополучия привилегированных классов.

Итальянская буржуазия с большой радостью приняла это учение; но она не захотела искать слишком неопределенного, слишком далекого его воплощения в идеальной республике Мадзини, счастливо найдя его в режиме Его Величества Виктора Эммануила, короля Италии. Это не устраивает мадзинийскую церковь, которая оказывается таким образом отстраненной от великих и малых функций государства, в которых она смогла бы широко развернуть всю свою силу самоотверженности, самопожертвования и влияния, которыми она чувствует себя наделенной милостью своего бога. Как следствие она протестует. Но эти протесты стали более чем когда-либо бессильными. Им недостает двух сил, без которых ничто не делается в социальном мире: прежде всего, симпатий народа, который все больше отворачивается, и с все более и более явным отвращением, от ее одновременно интриганской и суворой авторитарности, от ее вечно стерильной и удручающей политико-религиозной пропаганды, от ее действий, ставших нелепыми и систематически приводящими к неудачам. Огромная масса итальянского пролетариата хочет, в свою очередь, самостоятельности, и движимая этим мощным инстинктом жизни, который всегда встречается в народе, равно как и его восхитительным здравым смыслом, она поворачивается спиной к мадзинийцам, чтобы войти в спасительные и освободительные врата Интернационала.

Другой силы, которой абсолютно не хватает мадзинийской церкви - это страсти к свободе; страсти, которая, когда она жива, реальна в сердцах людей, способна будить спящих, распространяться, вызывать в сердцах неутолимый огонь и создавать сама по себе средства, необходимые для исполнения ее целей. Мать свободы - это инстинкт бунта, сатанинское нет, эта абсолютная противоположность богословскому Да. Но мадзинийское учение - это, прежде всего религиозная доктрина, и не естественно ли тогда, что принцип бунта и, следовательно, также принцип свободы устраниены из нее совсем? В мадзинийских работах вы несомненно обнаружите на каждой странице это великое слово «свобода», но это ничто иное, как благочестивый plagiat, богословский обман. Наиболее фанатичные ультракатолики сегодня требуют даже того, что они называют католической свободой. Точно так же, согласно учению Мадзини, свобода людей

¹ С буржуазией.

не имеет иного смысла, нежели их рабство перед Богом и набожное подчинение божественным законам, донесенным его пророками, «гениальными людьми, увенчанными добродетелью».

Понятно, что теории Мадзини должны были разрушить даже воспоминания о свободе в сознании его верных учеников. И как только эта страсть была бы задушена, не осталось бы никаких политических институтов, способных воскресить ее в сердцах людей. В Италии, как и в иных местах, эта страсть нашла прибежище, главным образом, в массе пролетариата, где она все больше идентифицируется с другой великой страстью, столь же законной и мощной - страстью к материальному освобождению. Но в Италии, существуют еще героическая молодежь, признающая не как диктатора, не как хозяина, но как полководца генерала Гарибальди: вышедшая из буржуазии, она оказывается деклассированной, лишенной наследия в итальянском обществе, и, следовательно, способной воспринять с искренним энтузиазмом, без буржуазных задних мыслей, дело пролетариата. И действительно, сбросив теологическое и политическое ярмо Мадзини, и будучи ведомой лишь свободной мыслью, с одной стороны, и глубоким чувством социальной справедливости, с другой, она сегодня страстно отдается этому великому делу, создавая тем самым новое будущее.

Подобной молодежи не существует ни в какой другой стране Западной Европы. В особенности в Германии, где буржуазная молодежь является более благонамеренной и устарелой, нежели старики. Те, по крайней мере, еще позволяют себе иногда невинные мечты об утопических свободе и равенстве; многие из них любят поэзию, философию и науку как таковые, а не по какому-либо прибыльному расчету; в то время как их сыновья, пренебрегающие, впрочем, достаточно обоснованно, платоническими мечтами своих отцов, с гордостью называют себя позитivistами в наиболее буржуазном, то есть исключительно в самом индивидуалистическом смысле этого слова. Грубые радости пива, табака и вакхических игрищ, перемежающиеся то тут, то там разными галантными проделками, ставшими сегодня скорее прямолинейными, чем сентиментальными, составляют все их настоящее. А слово «карьера» подводит итог всем их надеждам на будущее. Сама наука, это божество, когда-то мистически почитаемое в Германии, для них стала только средством, так как в Германии надо знать огромное количество бесполезных и полезных вещей, чтобы проложить себе дорогу либо в бюрократию, либо в армию. Надо быть одновременно раболепным и педантом, два условия, которые немецкая молодежь сегодня прекрасно выполняет. Попробуйте-ка найти в ее рядах героев свободы! Знающие, вдумчивые, настойчивые и холодные, при необходимости им хватает смелости, но им абсолютно не хватает достоинства и уважения к человеку. Всегда покорные и способные на любое преступление по приказу своих руководителей, это - ужасные инструменты завоевания и порабощения в руках деспота.

Естественно, что в состоянии передовой цивилизации, в котором находится сегодня Германия, подобная грубость не могла бы, не осмелилась бы существовать, не ища оправдания и чего-то вроде узаконивания в каком-то идеале, иллюзии или абстракции. Только невежественная и невинная грубость дикаря имеет мужество выставить себя напоказ цинично, голышом. Цивилизованная и искусная грубость нуждается встыдливой пелене, ширме, и для народа, и для себя самой. Эта пелена, эта ширма, этот идеальный предлог найден: это великая цивилизаторская миссия германской расы.

Послушайте, господина профессора и псевдо-либералы Германии, поройтесь-ка хорошенько в сердцах многих, я могу даже сказать, не рискуя обмануться, большинства буржуазных руководителей новой Социал-демократической рабочей партии Германии,

и вы найдете там это патриотическое, наглое убеждение, что латинская раса умерла; что славянская раса, погруженная в безысходное варварство, неспособна цивилизоваться сама собой и потому будет крайне счастлива, если ее приобщат к цивилизации известными средствами, и что во всем мире современных экономических и политических институтов остаются только две живые цивилизаторские сильные расы: прежде всего чистые германцы, затем англосаксы, да и то потому, что они рассматриваются как ветвь германской расы. От этой пангерманской теории до практической, жестокой, грубой бисмарковской пангерманизации вначале Европы, а затем и остальной земли, - на благо человечества, само собой, - только один шаг. Итак, они просят только сделать этот шаг.

Послушайте их: они уже мечтают вслух о добровольно-силовом присоединении немецкой Швейцарии, большей части Бельгии, всей Голландии, Дании, не считая славянских народов, которых они всегда рассматривали как свои исторические жертвы. Послушайте их хорошенько! Они не остановятся даже на Европе. Слегка понизив голос, они скажут нам, что в Соединенных Штатах Америки насчитывается уже 5 миллионов немецких граждан, и что, с помощью новых эмиграций из Германии, надо надеяться, дойдет рано или поздно до пангерманизации всей Америки. Если императора Вильгельма подчеркнуто обхаживает генерал Грант и обожает господин Банкрофт, полномочный посол США в Берлине, не находит ли он там уже сегодня громадную поддержку, что пробуждает ревность у его верной союзницы, России?

Вот реальная, живая, активная сторона столь превозносимой цивилизации немцев. Это, повторюсь еще и еще раз, чудовищный союз науки и насилия ради порабощения человечества.

Эту истину, которую Европа начинает понимать только сегодня, славянские народы изучили за века на собственной шкуре, что объясняет глубокую ненависть, которую они питают к немцам. Возьмите поляков, например, конечно, они ненавидят русских, и у них есть на то тысяча причин. Но спросите их, какая нация вселяет им больше всего ненависти, немцы или русские, они вам единодушно ответят, что немцы. Эту живучую и глубокую ненависть вы обнаружите у всех славянских народов Австрии и Турции, я бы сказал у всех народов Восточной Европы, у румын, у греков, возможно, меньше у венгров. Но венгры сами в глубине души питают примерно те же чувства, и если сегодня они делают вид, что не слишком ненавидят немцев, то лишь потому, что их национальный инстинкт, пытающийся обосновать свое политическое превосходство путем подчинения славян Венгрии, вынуждает их искать союз с Германией.

Та же антипатия начинает уже рождаться у народов Запада, соседних с Герmaniей; она очень яростна в Дании; в Швеции она сильна не меньше той, что внушает там Россия, и это многое значит; и, несмотря на флегматичный характер голландской нации, можно предположить, что чтобы вызывать ее возмущение и ненависть, достаточно угрожающих претензий пангерманских патриотов, громко выраженных с наглостью лакеев, особо гордых страхом, внушаемым их хозяином. В Бельгии это уже свершившийся факт, а о Франции даже не стоит говорить. В Швейцарии есть два противоположных течения, но антигерманское настроение бесспорно преобладает. Даже Англия, которая когда-то склонялась к Германии, сегодня заметно охладела к ней. Эта бедная победоносная рабыня напрасно будет искать вокруг себя друзей; везде она встретит только ненависть и антипатию.

Но нигде эта ненависть не проявляется настолько же энергично, как у славянских народов. Каждый славянский ребенок получает ее с молоком матери и наследует ее как

отличительный признак своей расы. Повсюду, где говорят на славянском языке, это прозвище германца - немец, брошенное в лицо человеку, является оскорблением.

Эта ненависть, какой бы совершенно естественной и исторически законной она ни была, - огромное несчастье. Так как ненависть никогда не бывает справедливой к тому, на кого она направлена, ни спасительной для того, кто ее испытывает. Ненависть не рассуждает и, смешивая в одну кучу виновных и невиновных, тем же чувством страстного отторжения значительно увеличивает число и силу врагов.

То, что славянские народы могут и должны ненавидеть - всю официальную и официозную, дворянскую, буржуазную, литературную и научную Германию, все то, что составляет политическую нацию. Но у них нет никакой причины, никакого-либо права ненавидеть пролетариат, крестьян, рабочих Германии. Это такие же жертвы, как и они сами, вековые жертвы того же официального, дворянского, буржуазного угнетения, и, следовательно, их естественные союзники, друзья, по несчастью.

Если бы славянский пролетариат хотел и мог рассмотреть этот вопрос хладнокровно, он бы скоро понял, что славянское дворянство и славянская буржуазия, эксплуатирующие его труд, и подавляющее большинство его политических вождей, так называемых славянских патриотов, - Палацкие, Ригеры, Браунеры и им подобные, эксплуатирующие его наивность, то заключая от его имени чудовищные союзы с всероссийским царем, то используя его как подножку для не менее зловещих амбиций австрийской олигархии, являются для него еще более опасными врагами, чем сами немцы, как раз потому, что они - туземные угнетатели, эксплуататоры и лжецы; и он пришел бы к тому, чтобы объединиться с пролетариатом Германии против всех привилегированных классов, против всех государств и против всех политических деятелей, как немецких, так и славянских.

Таков единственный путь освобождения и спасения для славянских народов. К несчастью, традиционная и вечно живая ненависть ко всему, что исходит от Германии, всему, что носит имя немцев, мешает им это признать. Эта ненависть устанавливает между самыми удаленными и самыми разными славянскими народами, что-то вроде глубинной связи, отрицательной, если угодно, но весьма мощной. Именно она составляет, образно говоря, душу и силу панславизма.

Впрочем, панславистские тенденции славянских народов совершенно естественны. Эти народы горят нетерпением сбросить ненавистное иго немцев, венгров, турок. Нет ничего законнее этого желания, но осуществить его вовсе не просто. С точки зрения численности славяне составляют, несомненно, самую мощную расу Австрии: более 16 миллионов на 9 миллионов немцев, 5 миллионов венгров, остальные румыны и итальянцы; в целом около 36 миллионов жителей. Если добавить к славянам Австрии славян Турции, то получим население примерно 22-23 миллиона. Если к этому прибавить поляков и других славян Пруссии, то у нас будет более 25 миллионов.

Это громадная величина. Но это славянское население не образует компактной массы; оно рассеяно и разделено немецкими, венгерскими, итальянскими и турецкими народностями. Затем, оно составляет не единый народ, а несколько народов, говорящих на различных диалектах, хотя и более или менее похожих, и исповедующих различные религиозные культуры; одни протестанты, их меньше всего, другие католики, и, наконец, православные. Каждый из этих народов имеет, кроме того, свои особенные исторические традиции, и большинство этих народов находятся в совершенно различном положении в экономическом и политическом смысле.

Нельзя также сказать, что среди них царит совершенная гармония стремлений и чаяний. Между многими из них существует глубокая ненависть или преобладает зависть. Например, поляки и галицийские русины ненавидят друг друга и постоянно враждуют. Причины этой ненависти надо искать в истории: русины, ныне униаты, в прошлом греко-православные, очень жестоко обращались в католичество иезуитами, которых весьма усердно поддерживала польская знать, остающаяся, как известно, рьяно католической до сих пор, и которая считала раскольников-русинов рабами. Сегодня же, под влиянием своих священников, многие из которых состоят на жаловании русского правительства, у русинов ярко выражена симпатия к России, в то время как поляки, довольно безразличные к славянскому вопросу, склоняются скорее в сторону венгров.

Чехи, со своей стороны, не живут в совершенной гармонии ни с поляками Силезии, ни со словаками северной Венгрии. Ими руководят весьма честолюбивые и склонные к интригам политические деятели, мечтающие о восстановлении великого королевства Богемии, в котором, согласно их идеи, словаки и силезцы должны стать неотъемлемой частью. Это не устраивает ни силезцев, ни словаков, которые отказываются принимать чешский язык в качестве государственного и намереваются сохранить свою самостоятельность. Наконец, у южных славян Венгрии и Австрии есть такие же претензии на господство и та же национальная зависть; равно как в Турции, где сербы намереваются восстановить душанскую империю, о которой болгары даже слышать не хотят.

Эти разногласия, столь благоприятные для начинаний великих государств-завоевателей, тщательно культивируются и разжигаются золотом Австрии, России, а теперь в равной степени и Пруссии. Они рождаются, даже помимо любого иностранного и продажного влияния, из ошибочного и гибельного направления, взятого идеями и тенденциями славянской молодежи.

Если исключить польские провинции, где дворянство, как известно, господствует, так же, как и у венгров, - что объясняет симпатию, существующую между польской и венгерской политикой, - во всех других славянских странах Австрии и Турции, не существует совсем или почти каких-либо славянских дворянских классов. Дворяне - немцы, даже когда некоторые из них, как многие семьи в Богемии, носят славянские имена. На севере Австрии славянское население делится на буржуа, коммерсантов, промышленников или государственных служащих, на рабочих - фабрик и городов, и на крестьян. Этот последний класс наиболее многочисленен. В южных провинциях Австрии и Венгрии, где торговля и индустрия очень слабо развиты, класс, собственно говоря, рабочих, так же, как и буржуа-коммерсантов и промышленников, совсем невелик, труженики полей составляют там подавляющее большинство; но в странах, исповедующих греческий православный культ, и где, следовательно, священники женаты, к классу общественных служащих присоединяется еще и класс священников. В турецкой Сербии, с одной стороны, есть только служащие и священники, и, с другой стороны, только крестьяне, буржуазия там практически не существует. В Болгарии имеется класс довольно богатых торговцев.

Именно дети промышленной, коммерческой или бюрократической буржуазии и дети православных или протестантских священников составляют патриотическую, активную и более или менее образованную славянскую молодежь. Именно она порождает славянские волнения. То, что благоприятно отличает ее от буржуазной молодежи Германии и то, что дает ей великую силу, это не политическое, но искреннее братство, в котором она живет с пролетариатом, как со славянскими рабочими, так и крестьянами. Она действительно любит свой народ, и она им очень любима; и, надо сказать, главное

основание этой взаимной приверженности - непреходящая, вечная ненависть к немцам и общее желание, которое горячо чувствуют обе стороны, стряхнуть их ненавистное иго, чтобы иметь возможность совершенно свободно развить и проявить славянские душу и чаяния.

В чем заключается эта душа и эти инстинктивные чаяния? Я уже писал об этом¹: Это отрицание государства, это социальное и экономическое устройство вне государства. Славяне никогда не были расой завоевателей, и, следовательно, у них никогда не было ни политического чувства, ни устремлений. Это отсутствие политических страсти и взглядов, несомненно, явилось в прошлом одной из главных причин их неполнопочленности и их порабощения игом рас-завоевателей: немцев, венгров, татар и турок, которые основали свои государства на их рабстве. Но для будущего это является несомненным залогом великой исторической миссии; так как славяне там самым оказываются солидарными с основными чаяниями пролетариата Европы, которые направлены, сознательно или бессознательно, но, на мой взгляд, несомненно и неизбежно, к упразднению всех государств, к окончательному разрушению всех этих политических, религиозных и юридических тюрем, единственная цель которых, на все времена, была ничто иное, как порабощение народных масс к исключительной выгоде захватнических, эксплуатирующих и привилегированных классов.

Ни одно из исторических славянских государств не было основано чисто славянскими народами. Королевство Богемии было созданием германского католицизма, и доказательством тому то, что, едва став королевством, оно вошло неотъемлемой частью в Святую германскую империю. Польское королевство и позже республика были также учреждены под тем же прямым влиянием немецкого католицизма и основывали свое развитие на порабощении сельских масс и буржуазии под весьма тяжелым, наглым и грубым ярмом гордого, анархического, католического дворянства, славянское происхождение которого даже оспаривается историками и очень серьезными польскими филологами. Наконец, московито-санкт-петербургская империя, происшедшая не из развития, а из абсолютного и жестокого отрицания славянской народной жизни, была основана под татарским игом князьями, любимчиками и управляющими татар, затем благословлена святой гнилью Византии и, наконец, усовершенствована и закончена цивилизацией немцев.

Славянские народы, мирные, сельские и социалистические по своей природе, никогда не основывали государств, и любое новое государство, установленное на их плечах, будь оно хоть тысячу раз славянским по названию, нарушит их самые глубинные инстинкты, и никогда не будет для них ничем иным, как новой тюрьмой.

Вот то, чего славянская молодежь, к несчастью, не понимает. Воспитанная большей частью в школах и немецких университетах Австрии и Германии, и только в очень малой части в России и Франции, она глубоко пронизана этой проклятой, полностью германской идеей государства; и так как она сильно влияет на народные массы, то придает их волнению гибельное направление, ведущее, без ведома этих масс, к основанию либо нескольких государств, либо единого великого славянского государства.

Поэтому славянский вопрос упрощается и сужается странным, и, по-видимому, весьма практическим образом. Речь не идет больше об освобождении народа, но лишь о том, чтобы знать, какая раса будет угнетать другую? Или даже, скорее, будут ли, как и прежде, политические и привилегированные классы Германии продолжать угнетать и эксплуатировать славянский и немецкий пролетариат, или же новые политические и

¹ Кнунто-германская империя и социальная революция.

привилегированные классы славянского происхождения начнут в свою очередь угнетать и эксплуатировать немецкий и славянский пролетариат. В первом случае угнетатели и эксплуататоры будут говорить на немецком языке, во втором, они будут говорить на каком-то славянском языке. Но угнетение, эксплуатация, жестокая и жадная несправедливость останутся теми же. В славянских или немецких формах, они всегда будут триумфом той же идеи господства, то есть германской цивилизации.

Поэтому, говоря откровенно, игра не стоит свеч; и если славянские народы не могут привнести в нее что-то новое, лучше было бы для всего мира и для них самих, чтобы они просто оставались под историческим игом немцев. Так как ради чести расы в тысячу раз лучше продолжать терпеть иностранное угнетение, нежели становиться в руках местных угнетателей и эксплуататоров инструментом одновременно и собственного рабства, и порабощения соседних народов. В первом случае остается, по крайней мере, надежда на освобождение в будущем; тогда как во втором остается только безнадежная нищета, стыд и преступление против человечества.

Славянская молодежь, сбитая, таким образом, с толку и ищащая исполнения судеб славянства в политических комбинациях, полностью противоположных интересам и инстинктам тех самых славянских народов, которых она так любит; весьма бедная и вынужденная зарабатывать себе на хлеб в условиях зависимости от правительства и классов, интересы которых диаметрально противоположны интересам народных масс; эта молодежь, добрая, исполненная наилучших намерений к народу, но с головой, полной идей или скорее устаревших фантазий, становится, несомненно, не зная и не желая того, инструментом любых политических интриг, выгоду от которых получают лишь бесстыдная жадность и амбиции признанных руководителей славянского движения. Эти руководители продаются тем, кто дороже заплатит, и часто даже многим сразу, и вместе с ними продается искреннее, но слепое воодушевление молодежи, которая следует за ними, не подозревая, куда ее ведут.

Можно представить себе ужасное смятение, которое должно происходить в славянском движении, проникнутом таким числом противоположных течений, которые сталкиваются и, пересекаясь и мешая друг другу, в результате сводят к нулю любые отдельные начинания, которые делались до сих пор для освобождения этих народов. Первыми, кто от этого, по всей видимости, выгадывает, являются Турция и Австрия. Но наиболее очевидные выгоды, самые несомненные и сильные преимущества неоспоримо достаются панславистской пропаганде Всероссийской империи. Так как, каким бы великим ни было смущение, причиненное этим политическим, интеллектуальным и духовным бесстыдством, в сердце и душе славянских народов, и, можно даже сказать, почти всех славян, как бы далеко ни заходила их политическая коррупция, всегда остается постоянное, глубокое, неизменное чувство ненависти к иностранным угнетателям; ненависть в первую очередь к немцам, и затем, в намного меньшей степени, к венграм и туркам.

Но, главным образом, немцы внушают именно ужас; чувство, которое, у славянских народов никогда не засыпает, и которое, даже несмотря на расколы и взаимные претензии, объединяет их действительно в однородное целое. Добавьте к этому чувству все более и более очевидное понимание бессилия освободиться своими собственными изолированными действиями, и вы познаете секрет, образно говоря, гипнотического влияния, которое оказывает на сознание этих народов русская пропаганда.

Огромная, мощная славянская империя, которая не только держится, но и заставляет себя уважать и, в свою очередь, заставляет дрожать всю Европу; которая уже во

многих случаях выступала в качестве арбитра во внутренних делах Германии, и которая одна только осмеливается сегодня ею пренебрегать, в то время как та, опьяненная своими последними победами, оскорбляет весь мир. И эта великая держава гордится тем, что она славянская, и при любой возможности проявляет свои славянские симпатии! Не спаситель ли это, которого божественное Провидение посыпает всем угнетенным славянским народам? И не естественно ли, что все эти народы, бессильные освободиться самостоятельно, ждут своего освобождения лишь от нее?

Мы только что видели, как все края Германии преодолели глубокую антипатию, которую они всегда испытывали к Пруссии, объединились и подчинились ей, принимая ее господство со своеобразным энтузиазмом, не для того, чтобы освободиться от иностранного ярма, но лишь для того, чтобы создать с нею мощное государство-завоевателя. Можно ли находить после этого незаконным и дурным, если славяне ищут в русском господстве своего освобождения от ненавистного ига немцев? Но русский царь - ужасный деспот! Несомненно, я хотел бы только знать, намного ли любезнее император Вильгельм? Но немцы объединяются ради всемирной цивилизации! Тогда славяне объединятся, чтобы отвергнуть эту цивилизацию, которую они находят отвратительной.

С точки зрения того, в каком положении находятся сегодня немцы, у славян есть тысяча причин желать образовать великую панславистскую империю под скипетром Его Величества императора всероссийского. С точки зрения же прогресса человечества и свободы Европы, равно как ради собственного спасения, они должны воздержаться от того, чтобы это сделать.

Однако славян, за исключением, разумеется, поляков, можно извинить: как правило, они не знают, что такая всероссийская империя. Они даже не представляют себе этот режим абсолютного угнетения, который давит все то, что не исходит от правительства, или, по крайней мере, не угодничает перед ним, и который, доведя до крайней степени рабство и нищету 70 миллионов подданных, не находит ничего лучшего, чем прийти освобождать таким же образом наших славянских братьев.

Откуда им это знать? Это весьма несведущие народы. Правда то, что их руководители, например, господа Палацкий и Ригер, которые хорошо знают историю и которые, вероятно, не строят никаких иллюзий насчет свободы и счастья великорусских, малороссийских, литовских и польских жителей империи, могли бы рассказать, что несет им и чего стоит защита царя, который, возможно, в этот самый час, ради урегулирования своих восточных дел продает Богемию Пруссии, как его прабабка, Екатерина Великая, продала ровно век назад большую часть Польши двум германским державам.

Они могли бы им рассказать все это и еще много других вещей, но они воздержатся от того, чтобы это сделать, так как русская защита - одна из главных струн их арфы, и если их нынешняя комбинация альянса с южноальпийской олигархией Австрии не удастся, они снова направятся, как уже было в 1867 году, и увлекут с собой по крайней мере часть славянской молодежи к России, чтобы праздновать там, среди народной скорби и циничной лжи российских официальных кругов, на трупе истерзанной русскими Польши, славянское братство!

Со своей стороны, правительство Санкт-Петербурга наводнило своими агентами все славянские края, от Турции до Австрии, со специальной миссией устремлять, либо силой золота, либо путем обильно распространяемых обманчивых обещаний, все славянские надежды к всероссийскому царю. Эти агенты подразделяются на три категории: официальные лица, прислужники и добровольцы. Первые - подчинены канцеляриям русских дипломатических миссий, и, что особенно пикантно, среди них встречается

значительное количество немцев, естественно, русских служащих; вторые посланы прямо Санкт-Петербургом. И те, и другие хорошо оплачены.

Третья категория - добровольные агенты - в подавляющем большинстве действуют не по расчету, не из личных амбиций или корысти, что делает их гораздо опаснее первых двух. Это чистые фанатики, которые вовсе не являются сторонниками правящего ныне в России режима, но которые воспринимают его как неизбежное зло и переходный период, необходимые для триумфа того, что они называют славянской идеей. Это весьма мистическая идея, где греко-русское православие смешалось с чем-то вроде патриархального социализма. Пока они рассматривают царский деспотизм и военную мощь империи как перст божий, без вмешательства которого славянским судьбам не суждено сбыться. Вначале, говорят они, рассуждая абсолютно так же, как рассуждают немецкие патриоты, - вначале единая всеславянская империя, а уж потом федерация автономных славянских народов, при условии, что эти народы примут язык Великороссии, как всемирный славянский язык. Они искренне ненавидят немцев; это самое ясное, что есть в их теории.

Эта ненависть, довольно систематическая, хотя и инстинктивная, добавляет силы их пропаганде среди славянских народов. Одно из первых слов, которые они им говорят, обычно выражение этого чувства: «Проклятый немец!». Ему отвечают: «Проклятый немец!» - и становятся братьями. У этих людей чрезвычайная чувствительность по отношению к их славянским братьям, жертвам немцев, и они умеют разбудить в их сердцах естественную чувственность. Если бы они захотели применить ту же самую чувствительность к нашим бедным крестьянам, жертвам не немцев, а империи, царя, того самого царя, чью помочь они яростно обещают славянским братьям, несомненно этим чувствам нашлось бы лучшее применение. Как бы там ни было, они во многом способствуют тому, чтобы пробудить в славянских странах панславистские симпатии. Но, еще раз повторюсь, главный пропагандист этих симпатий у славянских народов - это всеобщая ненависть к немцам.

Дайте этой ненависти созреть, что непременно произойдет, поскольку сегодня пангерманские претензии стали более наглыми и угрожающими, чем когда-либо, и вы увидите, как даже поляки, вековые и непримиримые враги России, бросятся в ее объятия. И что тогда? Тогда будет двадцать пять миллионов славян, рассеянных с севера на юг по всей Восточной Европе, и продвигающихся как грозный клин в само сердце германской империи, двадцать пять миллионов неистовых врагов Германии, которые, вдохновляясь лишь этой ненавистью, образуют с 70 миллионами нынешних подданных всероссийской империи огромную массу из 100 миллионов рабов, организованных и дисциплинированных для того, чтобы исполнить все губительные для свободы и человечества посягательства, задуманные царями против Европы.

Вот то, что, в конечном счете, означает панславизм.

Конечно, он представляет огромную опасность для Европы. Но посмотрим, изобрели ли немецкие патриоты единственное средство, чтобы ее предотвратить?

Один из их излюбленных аргументов, чтобы оправдать и узаконить зарождающееся образование их великой пангерманской империи, это то, что эта империя стала необходимой именно для сдерживания угрожающих амбиций русской империи, чтобы помешать ей еще больше расшириться в Европе и превратиться в панславистскую империю путем присоединения тех двадцати пяти миллионов славян, которые живут еще вне ее лона, волей-неволей пользуясь преимуществами цивилизации, то есть господства немцев.

Давайте рассмотрим этот аргумент повнимательней. Согласно ему, пангерманская империя выполняет гуманитарную, спасительную миссию, становясь непреодолимым барьером посягательствам Российской империи. Но чем, скажите на милость, пангерманская империя лучше, в чем она проявляет себя либеральнее и гуманнее, нежели империя царей? Я вижу между ними одну единственную разницу: одна просто жестока, тогда как другая жестока и учена одновременно. Ведь у немцев были Лессинг, Гёте и Шиллер, Гайдн, Моцарт, Бетховен, Кант, Фихте и Гегель, а в наши дни Фейербах; наконец, начиная с Гумбольдта, блестящая, бесподобная череда героев и творцов положительной науки, яркая плеяда великих умов, разносторонних людей, которых можно было бы назвать пророками человечества. Россия, произвела ли она в литературе, искусствах, поэзии, науках хоть что-либо, могущее сравниться, хотя бы отдаленно, с бессмертными творениями Германии? Нет, и во всех этих отношениях, не побоюсь сказать, русские должны склониться перед немцами, которые бесспорно и еще на долгие времена останутся нашими учителями.

Но, безоговорочно отдав эти теоретические почести Германии, и заметив мимоходом, что все эти бессмертные творения немецкого гения были продуктом вовсе не единства, а германской анархии, и добавив, что политическое единство наверняка убьет и уже начинает стерилизовать животворные источники созидательного духа Германии, спросим себя, в свою очередь, что все эти великолепные теории дали в практической и политической, как внутренней, так и внешней жизни Германии? И в свою очередь, немцы, если говорить по совести, должны ответить: ничего.

Теоретическая гуманность - их мечта; но их практические действия сводятся лишь к жестокости, по крайней мере в отношении собственной как внутренней, так и внешней национальной политической жизни. Если мне скажут, что Германия пользуется всеми свободами конституционного и широко развитого выборного парламентского режима, я отвечу: «Тем хуже для тех, кто позволяет себя обманывать всей этой лживой бутафорией и воображает себя свободным, оставаясь ничтожным рабом». Не надо быть, в действительности, слишком проницательным, чтобы распознать во всем этом искусственном шуме, поднимаемом жалкими представителями так называемых германских свобод, резкий голос хозяина, который отдает приказы и не терпит возражений. Сегодня, во всех этих парламентских дебрях остаются только три серьезных учреждения: финансы, полиция, как внутренняя, так и внешняя, как светская, так и духовная, и армия. Все остальное просто выдумка и иллюзия, весьма удобная ложь, большую выгоду которой понял уже Наполеон III. Я совершенно не сомневаюсь, что ее вскоре введут также в России, и тогда, в политическом отношении, завидовать в Германии больше будет нечему.

Реальная основа всех конституционных свобод, которыми пользуются осчастливленные немецкие народы, - это наглый и жестокий деспотизм. Это систематическое и умелое отрицание свободы и гуманности. И что особенно достойно сожаления, немецкий буржуа чувствует себя при этом в своей тарелке, довольный, как рыба в воде. Как видно рабство стало частицей его самого. Да, если бы о немецкой нации должно было судить по ее дворянству и буржуазии, то можно было бы сказать, что это народ, рожденный, чтобы оставаться лакеем всю жизнь.

Мне укажут на пролетариат Германии. Перед ним я склоняюсь, и признаю от всего сердца, что, когда он не сбит совершенно с толку своими руководителями, социалистическими еврейчиками, литераторами и корреспондентами, о которых я говорил выше, и настолько, насколько ему позволяет его отчаянное положение, несмотря на свое

невежество, движимый лишь великим инстинктом, он делает все возможное, чтобы по крайней мере в его жизни и действиях свобода, справедливость и братство народов не были ложью. В то время как вся дворянская, буржуазная, литературная, артистическая и ученая Германия праздновала губительные для человечества и свободы триумфы своего императора, только у него было мужество протестовать; и я охотно признаю, что в этом случае его руководители, к которым, как видите, я питаю лишь весьма посредственные симпатии, вели себя столь же достойно, как и он сам. Они оплатили своей свободой свои смелые требования.

Таким образом, немецкий пролетариат составил единственное исключение в немецком правиле, то есть в трусливом угодничестве, которое характеризует всю остальную немецкую нацию, собственно цивилизованную Германию. И, прошу вас также заметить, этот пролетариат никогда не способствовал, по крайней мере, по собственной воле, и не выражал свои патриотические симпатии основанию прусско-германской империи, если не считать часть сбитых с толку прусских рабочих, которых агенты Бисмарка, так называемые социалисты Лассаля, сумели на некоторое время ввести в заблуждение. Но, в действительности, они были столь же несведущи, как невежественные пролетарии деревни, которые кричали браво императору и Бисмарку, не подозревая, что они взывали о смерти себе самим. Давайте оставим в покое этих простодушных и поговорим лишь о сознательных и заинтересованных соучастниках.

Кто настоящие учредители Империи, так это дворянство и буржуазия, в том числе, естественно, подавляющее большинство литераторов и ученых. Именно в империи отиск их души и разума; и теперь, когда все это полностью проявилось, и когда, наконец, они только что показали всему миру то, что так долго вынашивалось в их чреве, мы можем судить о них самих по империи, которую они основали.

Либеральные немецкие патриоты, и среди них довольно большое число социал-демократов, видя добровольное и триумфальное падение своей дорогой родины, любят утешать себя идеей, что все это внутреннее рабство, равно как наглая и реакционная политика, в которой оно выражается снаружи, не собственный продукт Германии, а русский импорт, катастрофическое следствие вредного влияния Российской империи на Германию.

Я уже говорил в другом месте¹ о письме или даже двух весьма странных письмах, которые граждане Карл Маркс и Филипп Беккер направили в 1870 году редакции одного небольшого русского листка, который выходил некоторое время в Женеве. В этих письмах, которые я, к сожалению, не могу воспроизвести здесь, так как не имею их под рукой, тот и другой уверяют, что, если Германия еще и остается классической страной деспотизма, тому причиной только Россия, которая изобрела как внутреннее рабство, так и внешнюю жестокость их великой страны. Русский листок рабски перевел эти два письма, не позволив себе добавить к ним никаких замечаний. По политическим соображениям и, несомненно, вследствие договоренности, он должен был вынести это беспринципное оскорблечение, удвоенное ложью. Этой ценой он покупал себе сильных покровителей. Это был, возможно, также излишек скромности и рабского восхищения с его стороны: раз уж великий немецкий социалист с высоты своего папского престола соизволил обратиться к нам с речью, неужели какая-то русская газетенка осмелится протестовать?

¹ Кнудо-германская империя.

Будучи абсолютно лишенным набожного благоговения и добродетельного смиренния, которые присущи лишь чрезмерно почтительным душам, я уже однажды осмелился ответить на странное высказывание гражданина Маркса, и еще раз отвечу на него сегодня.

Нет, немцы не нуждались, чтобы им импортировали рабство, угодничество и грубость. Если бы их до того не существовало в мире, они бы их изобрели. С тех пор, как протестантская реформа приняла у них пагубный оборот, их светские правители стали одновременно духовными руководителями их церкви, и уже с XVI-ого века немцы окончательно стали народом рабов или, как сказал Бёрн в момент горькой грусти, народом лакеев. Иллюзия на этот счет, для любого, кто не хочет ошибиться, невозможна. Полистайте великий труд «История XVIII-го века», написанный всемирно признанным немецким историком Шлоссером, и на каждой странице вы найдете там следы и доказательства этого глубокого исторического падения немцев. Я хотел бы, чтобы вы назвали мне другой язык, в котором можно найти столь чудовищно нелепые выражения, чтобы пышно превозносить правителя, и столь унизительные, чтобы выразить суеверное почтение, которое добрый немецкий буржуа никогда не перестанет испытывать к высоким властям вообще, и к каждой отдельной личности, облеченней государственной должностью. Для немца военная дисциплина, бюрократическая иерархия, государственные интересы и воля правителя священны: его церковь - это государство; римский папа - император, король; армейские офицеры, вся бюрократия - священники. Он же, вечно распостертый подданный, раб, верующий. Когда почтительность доходит до такой степени, обязательно становишься рабом, рабом по природе и пропагандистом рабства в мире.

Начиная с Вестфальского мира, когда еще влияние России на Европу было ничтожно, внешняя политика Германии была политикой реакции и порабощения. Совершенно не верно, что после 1815 года именно Россия толкнула Германию в эту реакционную политику. Правда, в ту эпоху у немецкой буржуазии был, по крайней мере, либеральный вид. В сущности, она хотела тогда только того, что хочет, и что, наконец, получила сегодня: единства, организации, наконец, великого германского государства, и так как ей не хотели этого давать, она затеяла шум: много шума, но никаких действий, что составило о ней впечатление, как о чрезвычайно либеральной. Но если бы реакция тогда не нашла своего союзника в буржуазии, она бы его нашла, как всегда, в дворянстве, при дворе, и, главным образом, в олигархии Пруссии и Австрии. Центр Священного Союза находился не в Санкт-Петербурге, а в Вене. Меттерних был его настоящим главой, а не император Александр. Первый внушал ему все планы, идеи, решения, равно как и действия; а второй, мучаемый тщеславием, столь же великим, как и его бессилие, суетился и метался, чтобы выглядеть все придумавшим, решившим, приказавшим.

Император Николай был намного более серьезным императором, чем Александр. За неимением высокого рассудка, у него была, по крайней мере, большая воля. И несмотря на это, его влияние на Европу было ничтожно. Он должен был довольствоваться тем, что раздавил Польшу; но ему не было позволено выходить за ее рамки. Центр активной реакции оказался поделенным между Веной и Берлином; Санкт-Петербург мог в нем играть лишь незначительную, скорее видимую, чем реальную роль, не из-за нехватки к тому желания, но вследствие своего бессилия.

После установления Второй французской империи центр реакции оказался перенесенным в Париж; и буржуазная Германия, завидуя этой монополии, на которую она

чувствовала историческое право больше, чем любая другая нация, тогда усиленно трудилась над тем, чтобы отвоевать ее снова в пользу Берлина. Она достигла своей цели: пангерманская империя основана, и никогда свобода Запада не находилась под такой угрозой, как с тех пор, как Германия стала самой мощнойнацией Европы. Граждане Карл Маркс и Филипп Беккер, несомненно, не скажут, что император Александр Второй или князь Горчаков вдохновляют сегодня политику князя Бисмарка, ни что русская армия ограбила и истребила Францию; ни что русское дворянство изобрело померансскую заносчивость немецких юнкеров; ни что бедные торговцы Санкт-Петербурга и Москвы научили восторженному низкопоклонству ученую буржуазию Германии; ни что, наконец, именно ученые, литераторы и редакторы русских газет подсказали ученым, литераторам и журналистам самой цивилизованной страны Европы все те глупости, ложь и низости, которые наполняют сегодня их писания. Нет, мои дорогие граждане, все эти прекрасные вещи - родные цветы вашего отечества, незабудки, которые Европа никогда не забудет!

А в этот самый час, кто - Россия или Германия начинает и ведет самую реакционную политику, которая угрожает Европе? Задать вопрос, значит на него ответить. Очевидно, что имперская Германия изобретает, начинает и ведет все это. Сегодня это князь Бисмарк, как когда-то это был князь Меттерних, и сегодня, как и тогда, имперская Россия играет озабоченную, очень шумную, но, в действительности, совершенно ничтожную роль суевящейся попусту; не потому, что она не хочет, но потому, что еще не может играть другую. Ее час еще не пришел, и возможно, готовясь к нему, она ожидает, что князь Бисмарк и пангерманская империя проложит ей дорогу и подготовит на ней привалы, то есть приучит Европу к рабству. Тем временем она приведет в порядок свои делишки на Востоке.

И я еще раз спрашиваю себя, какая все-таки разница между русским и пангерманским господством? С точки зрения грубости, наглости и жестокости, я искренне верю, что пальмовая ветвь принадлежит немцам, которые превзошли, я бы сказал, все то, что русские сделали в Польше, но которые, в свою очередь, надо действительно это признать, были превзойдены патриотической армией Версаля.

Между немецким и русским господством, имеется, таким образом, лишь единственная разница в науке, которая целиком в пользу немцев. Но эта разница, является ли она, по крайней мере, благоприятной для завоеванных народов? Я так не думаю.

Наука, если не облагораживает, то разворачивает. Она делает преступление утонченным, а подлость - более унизительной. Ученый раб - безнадежный больной. Ученый угнетатель, палач, деспот навсегда недосягаемы для всего, что зовется гуманизмом и жалостью. Ничто их не удивляет, ничто не пугает, не трогает, за исключением их собственных страданий или опасности для них самих. Ученый деспотизм - тысячуекратно более бескураживающий, опасный для своих жертв, чем просто грубый деспотизм. Этот влияет лишь на тело, внешнюю жизнь, богатство, отношения, действия. Он не может проникнуть во внутренний мир, потому что у него нет от него ключа. Ему не хватает разума, чтобы задушить разум. Умный и искусный деспотизм, напротив, проникает в душу людей, и разлагает их мысли в зародыше.

Спросите у поляков, какой из двух деспотизмов их наиболее бескуражил? Русский ли или немецкий деспотизм? Все вам скажут, что последний. Пруссаки сумели германизировать значительную часть доставшихся им провинций, и теперь они презрительно говорят, даже с чем-то вроде патриотического возмущения против австрийского

правительства, что оно совершенно не смогло, по их словам, достаточно денационализировать славянские народы. С гораздо большим основанием они могли бы направить этот оригинальный, чисто немецкий упрек русскому правительству, так как, несмотря на небывалые усилия, несмотря на варварские меры, которые были предприняты и которые продолжают применяться сегодня, русские ничего не русифицировали.

Грубый завоеватель более цивилизованной нации, чем он сам, очень быстро испытывает влияние этой цивилизации; мы видели, как русские чиновники, которые провели некоторое время в Польше, хотя бы частично полонизировались, но никогда не видели русифицировавшихся поляков.

Немецкое завоевание пангерманизирует мир; русское или славянское завоевание рано или поздно привело бы к растворению завоевателей в цивилизации завоеванных народов. И то, и другое отвратительно; но, если было бы нужно обязательно выбирать между ними, я посоветовал бы Европе принять скорее славянское или русское завоевание.

Таким образом, под предлогом защиты Европы против панславизма, Германия создает еще более грозную опасность, пангерманизм. Давайте посмотрим, достигнет ли она, по крайней мере, своей цели, если, одарив Европу и мир щедротами пангерманизма, она убьет панславизм?

На первый конгресс Лиги Мира и Свободы, состоявшийся в Женеве в сентябре 1867 года, господин, которого я уже имел случай назвать, друг и близкое доверенное лицо гражданина Карла Маркса, и, при необходимости, исполнитель его возвышенных произведений, а также один из наиболее значительных иуважаемых членов Социал-демократической партии Германии, как об этом публично заявил главный печатный орган этой партии, сам «Фольксштат»¹, иудейско-тевтонский гражданин Боркхейм пршел прочесть весьма оригинальную речь, как говорили, вдохновленную, если не продиктованную самим гражданином Карлом Марксом.²

В этой речи, от души поиздевавшись над утопистами Конгресса и заявив с величайшей уверенностью и глубоким самодовольствием, которые отличают это учение и эту расу, «что этой международной ассоциации³ надо бы поостеречься использовать агитацию в пользу мира как рычаг против какого-либо правительства Центральной и Западной Европы; что надо быть предубежденным дураком, чтобы полагать, что диалог возможен только под угрозой свержения Изабеллы, Бисмарка или Бейста; что основной арьергард главной европейской реакционной партии - это Россия (недавние факты только что доказали с очевидностью, способной заставить прозреть самого господина Боркхайма, что это в гораздо большей степени Германия, чем Россия); что именно Россия - яростный противник экономического развития как условия мира». В действительности она очень сильно поглощена всеми этими экономическими вопросами, и, как, впрочем, все государства, ведущие социальную экономику, интересуется только одним: искусством обдирать до нитки народное стадо! И не сказать ли, послушав господина Боркхайма, что, если бы не это проклятое влияние России, то буржуазия, дворянство и все правительства Германии тотчас обратились бы к коммунистической системе гражданина Маркса!

¹ «Volksstaat».

² Примечание Бакунина: Поскольку Конгресс совершил большую ошибку, прервав ее чтение, господин Боркхайм отмстил ему, опубликовав ее в виде брошюры, под следующим оригинальным заголовком: «Мое блестящее выступление перед Женевским конгрессом, в изложении европейского дипломата.»

³ Лиге Мира и Свободы.

Господин Боркхейм заключает, «что Россия в том политическом состоянии, каком она существует сегодня, должна быть поставлена вне сообщества стран Центральной и Западной Европы», политическое состояние которых ему, без сомнения, весьма нравится, так как он не хочет, чтобы свергали «ни Изабеллу, ни Бисмарка, ни Бейста»; и что «все народы Западной и Центральной Европы», - ему следовало бы сказать, чтобы быть искреннее, «все государства», поскольку он старается сохранить именно государства, - должны объединиться против России, и «что главный вопрос в Европе должен отныне называться русским вопросом».

Если бы господин Бисмарк хотел послать своего агента на Женевский конгресс, смог ли бы тот выразиться иначе? В тот самый момент, когда он готовил свои ужасные средства, чтобы разрушить французскую гегемонию и основать на ее руинах господство Германии, не было ли превосходной политикой отвлечь внимание общества от этих угрожающих приготовлений тевтонского властолюбия, привлекая его к гораздо более далеким опасностям, которыми грозит Россия? Не это ли пангерманизм, представляющийся Европе под благовидным предлогом законной и общей ненависти к панславизму? Не для того ли он, чтобы обелить Германию от всего того политического и социального зла, которое она сделала и продолжает делать сегодня в чудовищно большем размере, и переложить в том вину на ее, увы, слишком покорного и верного ученика, Россию?

Я далек от мысли вскрыть видимость сознательной солидарности между князем Бисмарком и руководителями Социал-демократической рабочей партии Германии. Я не только не думаю, но и прекрасно знаю, что между ними нет абсолютно ничего общего, и что они, напротив, заклятые враги. Но я также знаю, и я попробую показать это ниже, что несмотря на эту явную неприязнь и очевидные противоречия, разделяющие бисмарковскую программу и программу этой партии, их отличает общая черта: они обе стремятся к основанию великого централизованного единого пангерманского государства. Князь Бисмарк, бесспорно, самый великий современный политический деятель Европы, но проникнутый до мозга костей одновременно аристократическими и рабскими страстиами померанского юнкерства, хочет построить эту империю при помощи бюрократического и военного дворянства и монополии крупных финансовых компаний; в то время как руководители социал-демократической рабочей партии ради реализации невообразимой утопии хотят основать ее на экономическом освобождении пролетариата. Но как тот, так и другие в высшей степени патриоты, и в этом политическом патриотизме, не желая и не стремясь к тому, они сходятся; логика тенденций и ситуаций всегда сильнее воли личностей.

Господин Боркхейм, полусумасшедший, полуодуряк, со ртом или, по крайней мере, пером, всегда полным оскорбительной и клеветнической грязи, - шалопай социал-демократической партии; он говорит во весь голос о том, что другие держат в мыслях и чему тайно следуют; и в этом отношении, каким бы утомительным ни было чтение его литературных разглагольствований, оно столь же интересно, как и поучительно, тем более, что главный партийный орган, «Фольксштат», публично признал их полуофициальный характер.

Предложение, сделанное господином Боркхеймом на Женевском конгрессе, было не только пангерманским, оно было утопическим. Призывать все государства Европы к союзу против России, и надеяться, что они забудут все свои разногласия и взаимные претензии, все свои личные амбиции, чтобы объединиться против нее! Надо быть дей-

ствительно безумным, или полностью игнорировать реальные отношения, существующие в мире, чтобы строить подобные иллюзии! Хотеть, чтобы государства продолжали существовать, и чтобы эти государства, тем не менее, образовали однородную нацию против варварства, нацию цивилизации! Но буржуазная цивилизация, которая управляет миром сегодня, может ли она быть сильнее католической религии в прошлые века, когда сами папы не чурались заключения договоров с врагами Христа, турками?

Я хотел бы посмотреть, какой принцип был бы в состоянии помешать сегодня Франции, будь то республиканской, императорской, или королевской, движимой той великой любовью, которую внушают ей немцы, броситься в объятия царской России, лишь только те соизволят распахнуться? И сам господин Бисмарк, этот не утопический, а реальный основатель пангерманской державы, несмотря на всю глубокую антипатию, которую он, как немецкий патриот и к тому же проницательный государственный деятель, не может не испытывать к царской России, этой угрожающей сопернице пангерманизма в более или менее близком будущем, не старается ли он любыми средствами укрепить тесный союз с ней? И что еще более примечательно, великкая республиканская Конфедерация Америки входит в него третьим членом и всей своей мощью утверждает этот губительный для свободы союз. Вот факты, которые являются естественным, фатальным следствием нынешнего состояния и самого существования государств; факты, которые бросаются в глаза, и неизбежное развитие которых не могут остановить ни какие-то утопические бредни, ни жидо-тевтонские заклинания.

Немцы, чтобы суметь усидеть и расширить свою новую державу, нуждаются в завоевании и подчинении своему цивилизаторскому ярму славянских народов, рассеянных по Европе. Чувствуя себя бессильными сделать это в одиночку, они призывают к себе на помощь всю Европу. Но Европа им на помощь не придет. Угрожаемая в самом своем существовании этой новой пангерманской державой, она скорее протянет против нее руку России.

Чтобы заинтересовать Европу и чтобы лучше скрыть свою игру, демократические патриоты Германии воскрешают в памяти великую цель - пожертвованную Польшу. Безусловно, это отличный повод. Но, к несчастью, в их устах он является лишь поводом. Они слишком демократичны, и я даже скажу слишком буржуазны, чтобы уметь искренне сочувствовать Польше, которая, будучи в прошлом дворянской, может воскреснуть в будущем лишь как крестьянская Польша. Они испытывают инстинктивное отвращение к крестьянству, как в Польше, так и везде. Их идеал - это рабочие города, руководимые, организованные, и, проще говоря, управляемые буржуазными социал-демократами. Это, как я покажу позже, фатальное следствие всей их системы.

Таким образом, их мнимые симпатии к дворянской, католической, крестьянской Польше являются ничем иным, как патриотическим притворством. Впрочем, они слишком пылкие немецкие патриоты, чтобы всерьез желать восстановления Польши. Они желают государства, но не государство, каким бы социал-демократическим оно ни было, а лишь его упразднение может дать свободу завоеванным народам. Посмотрите на Соединенные Штаты Америки. Конечно, это наиболее демократическая страна мира. Но они образуют государство, и поскольку они его образуют, движимые той фатальностью, что присуща самому принципу государства, они стремятся концентрироваться все больше, одновременно поглощая в себя всю Америку. Скупка, завоевание, мирное или жестокое поглощение - это сама природа и вся жизнь государства. Государство не прекращает эту внутреннюю и внешнюю работу до тех пор, пока не прекращается его

подъем, или, когда начинается его закат. Но великое германское единство еще только рождается, то есть не от него надо ожидать освобождения завоеванных народов.

Впрочем, поглощение Польши Германией датируется не только 1772 годом, эпохой того, что называется первым разделом этой несчастной страны, которая служила в течение веков барьером с Запада, героическим противником и защитницей славянских земель то от мирных, то от жестоких цивилизаторских вторжений немецкой расы, как тому служили, возможно, не с тем же героизмом, но с той же настойчивостью русские народы против варварства завоевателей-монголов. Уже в XII-ом веке Силезия, когда-то польская провинция, в большей части которой, в частности, австрийской Силезии и в той, что называют прусской Нижней Силезией, крестьяне продолжают говорить по-польски, несмотря на все усилия немцев, она была оторвана от Польши, чтобы превратиться в германское герцогство. В конце того же века, тевтонские рыцари и чуть позже ливонские рыцари-меченосцы были созданы папами с единственной целью германизировать и обратить в христианство путем завоевания, крестя огнем и мечом, несчастные славянские, польские, финские и литовские народы между Эльбой, Одером, Неманом, Двиной и Балтийским морем. Они завоевали Померанию и Ливонию; но должны были остановиться перед непобедимым сопротивлением, оказанном им прежде всего закаленными крестьянами Литвы, и перед пробуждением национального самосознания в Польше. Померания и Пруссия, отвоеванные у них польским оружием, стали неотъемлемыми частями Польского королевства.¹ Маркграфы или маркизы, и, позднее, избиратели Бранденбурга, эти предшественники королевского, а сегодня имперского дома Пруссии, тем не менее никогда не прерывали медленный и мирный труд по цивилизации Польши. В течение веков они занимались доходной профессией ростовщика, захватывая понемногу польские земли в обмен на значительные суммы, ссужаемые под высокие проценты польским князьям и магнатам. В то же самое время, пользуясь щедрым и недальновидным гостеприимством Польши, главные города побережья Балтийского моря - Данциг, Кенигсберг и многие другие - заполнились европейской и немецкой буржуазией, импортировавшей с собой немецкий язык и обычай, организацию, администрацию и немецкую юриспруденцию, известную под именем магдебургского права, и превратившей понемногу эти польские города в немецкие, которые с тех пор следуют естественному влечению к их великой родине - цивилизаторской, победоносной и все-пожирающей Германии. Все эти польские немцы и в меньшей степени евреи, с распостертыми объятьями приняли Реформацию, что, как естественное следствие, создало между ними и исключительно дворянской Польшей новый раскол. Несправедливо и глупо угнетаемая католическим иезуитским фанатизмом и наглой и грубой заносчивостью польских вельмож, начиная с XVII-го века немецкая буржуазия польских городов искала и нашла весьма заинтересованную защиту в зарождающейся силе Бранденбургского дома, который уже во второй половине XVI-го века унаследовал суверенитет Пруссского герцогства, вначале вассального королям Польши; но которое с середины следующего века сбросило эту зависимость и в первый год XVIII века стало королевским прусским домом. Семьюдесятью одним годом позже, Фридрих II, самый великий представитель этого честолюбивого и проворного дома и подлинный основатель прусской державы, эмбриона нынешней германской державы, приступил, вместе со скромницей Екатериной Второй, немецкой принцессой Ангальт-Цербстского дома, ставшей императрицей России вследствие малоестественной смерти императора Петра III, и дру-

¹ 1466 год.

гой немкой Гольштейнского дома, набожной Марии-Терезией, императрицей Австрии, к исполнению того международного преступления, которое называется первым разделом Польши.

Из этого короткого исторического наброска, скрупулезную точность которого, я надеюсь, не посмеет опровергнуть ни один немецкий патриот, с очевидностью следует, что задача последовательного поглощения Польши составляла, собственно говоря, основу и главную цель всей экспансии германской жизни на Севере, начиная с самой давней исторической эпохи, и что, следовательно, преступление, первым инициатором которого, что бы об этом ни говорили немцы, был Фридрих II, было ничем иным, как достойным венцом, окончательным и абсолютно неизбежным исполнением цивилизаторских тенденций германской расы. Несомненно, Екатерина Вторая восприняла это предложение с циничной радостью, а Мария-Терезия Австрийская с набожным лицемерием, подписывая, как говорят, со слезами на глазах закреплявший его договор. Как бы то ни было, главным заинтересованным в его исполнении был Фридрих II, политическая мощь Пруссии, и, как следствие, будущая мощь Германии.

Для Фридриха II, для силы прусской монархии это был вопрос жизни и смерти. Я надеюсь, нет надобности доказывать, что первая реализация этой мощи, которая вначале заключалась только в сокровищах, собранных скопостью отца этого великого короля, и в талантах его самого, начинается лишь с завоевания Силезии и раздела Польши. Еще я надеюсь, что не нужно много слов, чтобы показать, что, если действительно исполнение цивилизаторских судеб германской расы требовало ее конституирования в виде великого государства, вся Германия была прямо заинтересована в успехе честолюбивых предприятий Фридриха II; так как великое германское государство никогда не могло бы быть основанным, если бы оно не нашло в лице Пруссии своего сильного и ловкого инициатора.

Надо быть большим утопистом или ребенком, чтобы вообразить противоположное. Помимо железной руки берлинских деспотов для создания политического единства Германии имелся один единственный инструмент: мнимо революционные сила и разум буржуазии Германии. Но 1848 год позволил нам оценить в полной мере эти силу и разум. Среди всеобщего беспорядка, анархии, которая царила тогда в Германии и во всей Европе, эта великолепная буржуазия, столь патриотическая, столь рассудительная, столь знающая и столь мало либеральная, в действительности, могла сделать все, но достигла лишь одного: выставила себя на полное посмешище. Пролетариат Германии, думают социал-демократы, сможет создать это политическое единство на благо народных масс Германии. Я рассмотрю позже эту новую утопию. Пока же я утверждаю, что только могучие деспоты, императоры, короли или, по крайней мере, дворянская и финансовая олигархия могут основать великие унитарные государства, но что трудовой народ, когда он на самом деле, всерьез хочет освободиться, может делать лишь одно: уничтожать государства.

Помимо того, что мы только что видели в Германии, Италия предоставляет нам иное доказательство этой истины. Мадзини мечтал об итальянском единстве, и своей непрерывной агитацией сильно способствовал его подготовке. Но кто его осуществил? Только пьемонтская монархия. Если бы не его ловкие и мощные действия, великое итальянское государством со столицей в Риме осталась бы мечтой Мадзини.

Чтобы вернуться к немцам, замечу, что буржуазия этой великой страны, которую когда-то называли страной мечтателей, проявила в 1848 году большую политическую

рассудительность, проголосовав на Франкфуртской ассамблее за два ключевых положения, которыми она провозгласила, пожертвовав всей своей исторической ненавистью к Пруссии и своими же идеалистическими, либеральными и псевдореволюционными поползновениями, вначале включение великого герцогства Познанского в германскую империю, а затем приведение этой империи под ненавистное, но необходимое ярмо прусского дома. Тем самым она объявила себя полностью солидарной со всеми разделами Польши и подготовила пути к триумfalному пришествию нынешней германской империи. Это правда, что она одновременно голосовала за то, что она назвала фундаментальными правами немецкого народа, «die Grundrechte». Но эти народные права были немедленно отброшены, как ненужный багаж, как роскошь, несовместимая с логическим и строгим нравом монархии прусского образца; так что от всех так называемых революционных волнений немецких буржуа в 1848 году как положительный результат осталось в итоге только закрепощение Германии Пруссией.

Буржуазные демократы и социал-демократы Германии утверждают, что Франкфуртский парламент вовсе не представлял демократическую, народную Германию, а лишь умеренную буржуазию, и потому его антипольские и пропруссские решения не должны относиться на счет немецкого народа.

Безусловно не на его счет, но на счет его руководителей, поскольку они все еще мечтают о сохранении великого германского государства и его немыслимой трансформации в подлинно народное государство. Если они хотят государства, то должны принимать все условия государства; и первое из этих условий - это расширение во все стороны до моря, чтобы обеспечить выходы и пути, необходимые для его международной торговли, вследствие чего любое государство, у которого есть к тому силы, вынуждено завоевывать страны, которые отделяют его от моря. Это то, к чему явно стремится сегодня германская империя.

Давайте предположим, что вследствие либо мирной эволюции, либо жестокой революции, социал-демократы захватят государственную власть. Захотят ли они всерьез, смогут ли они захотеть воссоздания Польши? На этот вопрос, не колеблясь, я отвечаю: нет.

Не знаю, справедливо ли, но одному известному гражданину и одному из самых почитаемых руководителей партии буржуазной демократии и, одновременно, социал-демократической партии Германии, доктору Якоби из Кенигсберга, приписывают весьма характерные слова, которые, произносил он их или нет, очень хорошо, на мой взгляд, резюмируют все политическое положение Германии: «Раздел Польши, - будто бы сказал он, - был великим несчастием и, одновременно, великим преступлением, но раз уж оно свершилось и освящено целым столетием, невозможно отвергнуть сегодня его политические последствия».

И действительно, уже век Пруссия владеет польскими провинциями, которые ей достались при разделе, и она приложила огромные усилия для их германизации, чаще всего увенчавшиеся успехом. Она использовала польские деньги, чтобы поощрить и облегчить учреждение там многочисленных немецких колоний. Сегодня, правда, согласно немецкой статистике, и учитывая, по здравом рассуждению, в числе немцев всех евреев, в великому герцогству познанском на 838 тысяч поляков насчитывается 697 тысяч немцев; в то время как в обеих Пруссиях на 2.178.000 немцев, осталось не более 761 тысячи поляков. Таким образом, в этих трех провинциях, вырванных у Польши прусской монархией, на 2.875.000 немцев остается не более 1.599.000 поляков. Добавив к

последним 137 тысяч прусских литовцев¹, получим пропорцию 2.875.000 немцев к 1.736.000 поляков.²

Если это так, оставляя в стороне все другие стратегические и коммерческие соображения, которые, однако, играют столь важную роль в существовании государств, захотят ли, смогут ли немецкие социал-демократы пожертвовать этими двумя миллионами восьмьюстами семьюдесятью пятью тысячами соотечественников, евреев и немцев, ради новой Польши, восстановленной их собственными руками в ее исторических границах? Без сомнения, нет. И что же тогда? Тогда, возможно, появится способ договориться, оставив из этих старинных польских провинций Германии все то, что было германализировано, а Польше все то, что, несмотря на завоевательные и цивилизаторские усилия немцев, сохранило польский характер. На первый взгляд, что может быть более справедливым и естественным! Да, идея была бы действительно превосходна, если ее исполнение было бы возможным; но оно невозможно.

Географы опубликовали карты этих некогда польских провинций, где они отмечены разными цветами германизированные края, и те, что остались польскими. Нельзя представить себе ничего более причудливого: похоже на шахматную доску. Дело в том, что население чрезвычайно перемешано: рядом с немецкой деревней, вы найдете польскую деревню. Несомненно, немецкий цвет преобладает возле границы Германии, а польский цвет настолько же преобладает по мере приближения к так называемой русской Польше. Но нет отчетливой демаркационной линии, поскольку правительство Пруссии особенно старалось внедрить немецкую колонизацию в самые польские части страны. Что же делать тогда? Как установить этнографическую, естественную границу между польским и немецким государством?

Этот вопрос, точно такой же для Моравии и Богемии, где на 2.530.000 немцев приходится 4.680.000 чехов³, становится просто неразрешимым для политических деятелей каждый раз, когда они пытаются решить его по справедливости, а не по господствующим принципам, основанным исключительно на сочетании интересов и моцки государства. Мысль, которая господствует в государстве, никогда не может быть нейтральной; это всегда мысль, весьма конкретно определяемая идеями, интересами, страстиами, и, когда речь идет о враждебном столкновении двух различных рас, национальностью правящих класса и расы. Государства, несомненно, любят набрасывать на себя вид беспристрастности и абстрактной справедливости, казаться поднявшимися над любыми частными интересами, как наций, так и классов, чтобы представляться чем-то вроде Провидения, равно озабоченного счастьем всех своих подданных, независимо от их социального положения, веры и расы. В этом состоит одна из тех лицемерных и банаильных демонстраций их официального облика, которая способна провести лишь несколько простофиль. История достаточно часто показывает нам, что всюду, где существует правительство, имеется, должна иметься торжествующая, господствующая партия. Жизненная сила и мощь государства достигаются только такой ценой.

Мне укажут на Швейцарскую конфедерацию, где три различных национальности, подвластных одному федеральному правительству, живут в мире, и ни одна из них не господствует. Но не надо упускать из виду, что в Швейцарии это стало возможным лишь потому что, по крайней мере, до сего времени взаимная независимость этих различных национальностей сохранялась за счет реальной самостоятельности кантонов.

¹ В округах Гумбинен и Кенигсберг.

² Готский альманах на 1872 год.

³ Все согласно Готскому альманаху.

Централизуйте немного Швейцарию, как, похоже, хотят это сделать сегодня, и мы увидим, не дойдет ли самая многочисленная национальность до навязывания своих идей, пристрастий, интересов и правительства двум остальным.

Таким образом, несомненно, что в государстве при славянском, польском или чешском правительстве именно немцы будут подчинены господству, принесены в жертву и насильно национализированы. В государстве под немецким правительством жертвами будут славяне, как они всегда ими были до сих пор. Когда вопрос стоит так, каждая раса говорит себе: раз уж абсолютно необходимо, чтобы были принесенные в жертву, то пусть этой жертвой будет другая раса; и все сводится в конце концов к вопросу силы: какая раса победит? Какая будет угнетать другую? Высший вопрос государства.

Как видите идея государства, существование государств несовместимо с гуманным правосудием, с международной справедливостью. Надо ли из этого заключить, что международная справедливость - это невыполнимая утопия, и что беззаконие - роковой, единственно реальный закон человечества? Это было бы верой в боженьку и безнадежность мира сего.

Однако, чтобы осуществить гуманную, международную справедливость есть средство, но только одно. Поскольку эта справедливость, очевидно, несовместима с существованием государств, ясно, что чтобы она стала возможной, надо уничтожить государства. Постоянство беззакония при наличии государств и растущей силе того, что называется мощью государства, с одной стороны; и, с другой, пришествие человеческой справедливости, равенства, свободы, благосостояния всех и братства людей на развалинах государств. Вот две крайности, между которыми нет никакой середины и невозможно никакое примирение; и пусть каждый теперь выбирает между ними соответственно своим интересам и склонностям. Привилегированные классы выберут, естественно, первое, и по той же причине все угнетенные, эксплуатируемые, страдающие, одним словом, пролетариат должен хотеть второго.

Если вы любите справедливость, разрушьте в зародыше и до последних последствий теологический, метафизический, политический, юридический и всегда жестокий принцип власти. Уничтожьте все правительства. Откажитесь раз и навсегда от одновременно провидческой и гнусной роли благодетелей, опекунов, организаторов и директоров общества. Оставьте различным коллективам, товариществам, коммунам их полную самостоятельность. Пусть они свободно объединяются согласно своим естественным пристрастиям, своим потребностям, своим интересам, своим нуждам; и вы увидите, что все эти вопросы рас, языков, традиций, обычаяев падут сами собой. Оставляя любую мысль о господстве - эта мысль должна обязательно исчезнуть вместе с возможностью ее осуществления, то есть с государством, - освобожденные от любого страха видеть себя под господством других; движимые необходимостью договариваться друг с другом, чтобы организовать свое экономическое существование, свой труд, обмен своих продуктов, свои пути сообщения, народное просвещение, и, при необходимости, свою оборону; и неодолимо позволяя увлекать и направлять себя этому всемогущему закону человеческой солидарности, который является вовсе не политическим, но естественным, неизбежным законом, до сего дня источником и причиной всего исторического развития человеческого общества, все политические законы которого были лишь его систематическим отрицанием; предоставленные, наконец, своему полному самовыражению и своим свободным инстинктам, развитым историей и определенным их нынешним экономическим положением, товарищества и коммуны, после

более или менее длинной и тягостной переходной эпохи колебаний и борьбы дойдут до стабилизации, не по произвольным и абстрактным законам, навязанными им сверху какой-то властью, но в соответствии с реальным существом, потребностями и животворными силами каждой, и единодушно вдохновленные этим сознанием справедливости, равенства и свободы, которая начинает составлять сегодня доминирующую страсть и, образно говоря, религию масс, они возьмутся за руки, чтобы организовать вместе федерацию, фундамент которой опирается на всеобщий труд и уважение человека. И в этом новом обществе обычай человеческой справедливости будет таким же естественным, каким является беззаконие сегодня.

Тогда эти страны, где национальности перемешаны, которые сегодня приводят в отчаяние всех более-менее щепетильных государственных деятелей, напротив, станут цennыми посредниками, живыми звеньями, которые свяжут собой нации и постепенно подготовят все более полную унификацию человеческого рода, окончательную реализацию человечества. Но пока государства существуют, не будем строить безумных иллюзий, не будем говорить о справедливости: давайте говорить о силе, господстве, угнетении, и оставаться всегда с ножом в руке, чтобы защитить наше существование и наши права.

Ясно, что, когда социал-демократы Германии говорят о восстановлении Польши, они вовсе не собираются возвращать провинции, захваченные Пруссией. Самое большее, они согласятся ей вернуть - это меньшая, еще не германизированная часть великого герцогства Познанского. То, что они хотят ей возвратить, это все польские, литовские и прусские провинции, которые были захвачены русскими, добавив к этому, возможно, австрийскую Галицию. То есть, главным образом, из провинций, подвластных царю, и против России они намереваются скроить новое польское государство. В этом смысле они соперничают со многими русскими либеральными патриотами, которые также мечтают о воссоздании новой Польши, направленной против Германии, которая начиналась бы только от Вислы и расширялась бы в немецкую сторону настолько, насколько сможет.

Как видите, когда в своих приступах либерализма политические деятели России и Германии говорят вам о восстановлении Польши, речь у них идет вовсе не о том, чтобы осуществить акт международной справедливости, но, чтобы создать новый инструмент войны, которым одни могли бы выгодно воспользоваться против других. Немцам пригодилась бы Польша против России; а русские вовсе не разозлились бы, если бы они могли воссоздать ее против Германии.

На советах Российской империи неоднократно вставал вопрос о восстановлении варшавской Польши. У этой идеи до сих пор есть весьма горячие сторонники среди самых высших чиновников. Пример Австрии, которая, будучи вынуждена своей отныне неизлечимой болезнью изыскивать героические средства спасения, уже в течение нескольких лет превратила Галицию в очаг польской политической пропаганды, направленной, главным образом, против России, а также частично против Пруссии, сделал гораздо более весомой эту идею, никогда полностью не оставленную Санкт-Петербургом.

Ее бы, несомненно, осуществили уже давно, если бы ее реализация, наряду с весьма реальными преимуществами, которые она обещает, не представляла бы одновременно весьма серьезной опасности. Австрийская империя ради спасения остатка своего немощного тела может, в крайнем случае, пожертвовать его членом; она может отказаться от Галиции, поскольку, не имея никакой другой подвластной ей польской провинции - австрийская Силезия не имеет пока никакого политического сознания, -

она почти уверена, что никакая другая провинция не будет подвержена политической заразе, исходящей от Галиции. Это правда, что Галиция славянской расы, и мы видели, что самое многочисленное население Австрии - славянское. Но венское правительство отлично знает, что меж патриотов Польши и патриотов других славянских стран нет никакой симпатии, что их стремления, напротив, скорее противоположны, поскольку польские патриоты враждебны России, тогда как настроения всех других славянских народов ей, напротив, благоприятны; откуда следует, что Австрия может пожертвовать Галицией, не рискуя немедленным или близким распадом.

Россия находится в совершенно ином положении, так как помимо варшавской Польши, у нее есть Литва, Белоруссия, Подольский край, Волынский край, Белосток и вся польская Украина, в которых по крайней мере духовенство и весьма многочисленное дворянское население, равно как мелкая буржуазия и городские ремесленники, подвержены страстному, непреодолимому влечению к их старинной польской родине. С другой стороны, на собственном опыте 1815-1830 годов Россия убедилась, что сколь бы ограниченной ни была варшавская Польша, она сразу же станет очагом активной и пылкой пропаганды во всех этих провинциях, и достаточно будет предоставить свободу одному польскому городу, одному микроскопическому кусочку Польши, чтобы польские волнения, только что раздавленные и потопленные в польской крови, тотчас же возродились и распространились до Днепра. Такова причина, по которой русское правительство, оценив все вероятности, и несмотря на все преимущества, которые создание даже маленькой Польши могло бы ей дать против Германии, никогда не подумает этого сделать, если только оно не будет к тому принуждено одним из тех возможных обстоятельств, что являются предвестниками смерти. Но не только одна Россия в такой ситуации: Пруссия и, как следствие, Германия находятся в абсолютно аналогичном положении, и, возможно, даже еще более критическом из-за польского вопроса. Предположим, что вследствие радикального преобразования берлинского правительства, немецкие патриоты скажут польским патриотам: «От этой линии, которую мы провели в великом герцогстве познанском, мы хотим возрождения Польши. Теперь ваша задача отвоевать у России все ваши старинные польские провинции, вплоть до границ 1772 года, и даже, сверх того. Оставьте нам то, что мы твердо решили никогда вам не отдавать и двигайтесь вперед, на царя, на русских, мы вам поможем нашими деньгами и, при необходимости, нашим оружием».

Вполне вероятно, что, воспользовавшись этим счастливым и долгожданным случаем, польские патриоты великого герцогства Познанского вначале не будут протестовать против столь странной справедливости немцев. Они будут действовать против Россииенным им немцами оружием; и предположим даже, что, победив по всем пунктам, они действительно выкроют из Российской империи большую Польшу до Черного моря, согласно программе Лелевеля и генерала Мерославского¹; но не до Балтийского моря, на которое у немцев свои патриотические проекты, естественно, противоречащие польской экспансии.

И вот Польша, восстановленная в качестве государства, снова становится серьезной силой. Эта сила, будет ли она дружественной, союзной Германии? Если господин Боркхейм способен питаться подобной иллюзией, надо надеяться, что великие умы, движущие и вдохновляющие его, так не поступят. Пока Российская империя остается сильной, еще возможно, что интересы восстановленной Польши вынудят ее искать союз

¹ Примечание Бакунина: «я извиняюсь перед польскими читателями за то, что ставлю имя этого столь известного генерала рядом с именем столь же почитаемого великого польского историка и патриота».

с Германией. Но восстановленная Польша означает разрушение Российской империи, не с помощью польского оружия, но путем русской революции. И потому все мы, русские социалисты-революционеры, будучи не патриотами государства, но патриотами или точнее сторонниками освобождения русских и нерусских народов, раздавленных сегодня игом империи, будучи глубоко убеждены, с другой стороны, что для их освобождения надо разрушить империю, мы с радостью будем приветствовать восстановление Польши в любых ее границах, будь то даже польское иезуитское и аристократическое государство. Дайте нам только русскую революцию, и нас не испугает ни это иезуитство, ни этот аристократизм, ни это государство. Русская революция, в основном социалистическая и анархическая, и как таковая абсолютно несовместимая с существованием государства, как внутри, так и вовне России, сумеет перешагнуть через материальные и моральные, политические и социальные границы, которые новое польское государство, несомненно, постараится ему противопоставить, и, поднимая и увлекая за собой польские массы, сможет проторить себе дорогу до Германии, чтобы освободить славянские народы, заключенные в пангерманскую тюрьму.

Но давайте остановимся на этом и предположим, что просто Польша восстановлена как великое государство на руинах сильно ослабленной русской державы, и что немцы могут надеяться, что это государство вскоре не обернется против них, чтобы потребовать все свои древние провинции и все побережье Балтийского моря - основное условие своего существования. А если не Россия, а Польша поднимет панславистский флаг и призовет все славянские народы России, Пруссии, Австрии и Венгрии к смертельной борьбе против немецкого господства? Тогда это будет польский панславизм вместо русского; но как в одном, так и другом случае, это будет все та же разрушительная ненависть славянской расы к немецкой расе; возможно, еще более разрушительная с польской стороны, чем с русской, поскольку у поляков намного больше оснований к мщению ей, чем у русских.

Из всего этого я заключаю, во-первых, что, когда социал-демократы Германии, сторонники великого германского государства, говорят о восстановлении Польши, не надо принимать их слова всерьез. Они говорят об этом только для того, чтобы скрыть свои собственные патриотические устремления и чтобы вовлечь всю Европу в свою борьбу против славянского мира вообще и против России в частности. Во-вторых, даже этот прекрасный повод им ничего не даст, поскольку Европа уже достаточно показала свое полное безразличие к судьбе несчастной Польши, для которой немецкое государство, по крайней мере, такой же враг, как и всероссийская империя. Наконец, что нынешний триумф пангерманизма вместо того, чтобы предотвращать реальные опасности, которыми панславизм угрожает Европе, имеет естественным и фатальным следствием их усиление.

Но давайте не будем пугать благонамеренных патриотов Германии. Предположим, напротив, чтобы их успокоить, что больше нет России, и что великое польское государство крепко обосновалось на обломках прошлого. Смогут ли они тогда быть спокойными? Я так не думаю, и надо быть, действительно, очень наивным, чтобы совершенно не предвидеть, что едва Польша почувствует себя сильной и независимой, как повинуясь закону, присущему всем великим национальным государствам, фанатично привязанным к своим историческим традициям, она потребует у Германии все побережье Балтики, все свои бывшие провинции, включая Курляндию и Ливонию. Германия, несомненно, откажется и будет бороться. Но тогда именно Польша поднимет панславистский флаг, и, увлекая, по крайней мере, 80 миллионов славян, начнет против

Германии разрушительную расовую войну. Вместо русского панславизма будет польский панславизм; но война и ее последствия не станут оттого менее ужасными, так как у поляков накопилось гораздо больше бед и причин для мести, чем у русских, чья ненависть к немцам, по сравнению с той, что царит у всех других славянских народов, наименьшая.

Таков на самом деле польский вопрос, очищенный от всей той лицемерной сентиментальности, в которую его выряжают не без умысла и не без причины немецкие патриоты, таков он по отношению к Германии, рассмотренной как государство. Говоря о восстановлении свободной и независимой Польши, социал-демократы Германии, будучи прежде всего политическими деятелями, и в этом качестве весьма страстными сторонниками государственного принципа, не желают слышать ни о чем ином, кроме восстановления польского государства в каких бы то ни было границах. Но если только это новое польское Государство не будет заранее обречено ими на то, чтобы навсегда остаться лишь нелепой и плохо скрытой декорацией, тенью их собственного величия или чем-то вроде филиала германского господства под польским именем, - слишком скромная и слишком подлая роль, чтобы какой-либо польский патриот мог когда-либо с нею согласиться, - по крайней мере, те среди социал-демократов Германии, кто не разучился искусству думать и не потерял способность понимать внутреннюю логику вещей и их реальное соотношение, должны сказать себе, что восстановление свободного и независимого польского государства, сочетающего все условия, чтобы быть сильным и благополучным, создаст весьма грозного и опасного врага для великого германского государства, не об упразднении, но о трансформации которого они мечтают. Отсюда я заключаю, что они не могут всерьез искренне желать не только восстановления польского государства, но и даже освобождения какой бы то ни было части Польши. Все, что они могут желать и чего действительно хотят - это завершения извечной исторической задачи немецкой расы, которая под предлогом цивилизации славянской расы стремится волей-неволей германизировать ее.

Сегодня, когда вовлеченная в неодолимый поток, проистекающий из всего ее прошлого исторического развития, народная Европа стремится не к основанию новых государств, а к разрушению всех государств, ни Польша, ни какая-либо другая славянская страна никогда не смогут образоваться или воссоздаться как государства. Существование малых свободных и независимых государств, да что я говорю, даже средних государств становится все более и более невозможным. Кто настолько слеп, чтобы совершенно не видеть, что все государства, бесповоротно потеряв сегодня основы внутренней национальной жизни и все те традиционные исторические опоры, которые позволяли им органично развиваться в прошлом, необратимо стремятся к тому, чтобы стать ничем иным, как политическим образованием из необъятных финансовых эксплуатаций, гарантированных и защищенных громадным наращиванием вооруженных сил. Такова реальность и, как я уже говорил, все остальное лишь декорация и иллюзия. Но так же как финансовая эксплуатация, будучи неспособной, несмотря на все свои усилия, довести свою концентрацию в Европе до того, чтобы создать только одну компанию, стремится к тому, чтобы образовать, по крайней мере, очень малое число более или менее независимых друг от друга групп, предназначая ненасытной эксплуатации каждой из них огромные регионы; так же современное государство, представляющее ее извне как силу, оставив исторически обреченную идею всемирной монархии, стремится тем не менее, путем последовательного разрушения малых и средних автономных госу-

дарств, к образованию весьма малого числа крупных военных диктатур, каждая из которых будет представлять, то есть эксплуатировать, в пользу так называемой национальной финансовой компании одну из четырех или пяти основных рас Европы. Таким образом, у нас получились бы латинское, германское, англо-саксонское, скандинавское государства и, конечно, панславянское государство, если только немцы с их хорошим аппетитом его не съедят, а также, возможно, греческое государство, так у греков, кажется, гораздо более развитый политический темперамент, чем у славян.

Это образование крупных военных диктатур, очевидно, последнее слово, последняя логическая фаза исторического принципа государства; и можно быть уверенными, что пока остаются государства, военная диктатура, царство научно организованной и грубой силы, замаскированной или нет конституционными институтами, освященной или нет всеобщим избирательным правом и так называемым суверенитетом народа, постоянно будет присутствовать в Европе. После памятных подвигов, совершенных тевтонским патриотизмом во Франции, после еще более памятных подвигов, совершенных французским патриотизмом версальских войск в Париже, лицемерная пелена, которая, правда, плохо прикрывала, но все же еще несколько скрывала мерзости загнивающей цивилизации, разорвана. Эта цивилизация как плодотворный источник человеческого прогресса высохла, умерла, и из всего живого, что она произвела в прошлом, выстояли только эти две ужасные реальности: финансовая монополия и военное насилие. Мы, таким образом, полностью погружаемся в зиму беспощадной, безжалостной реакции. А зимой розы не цветут. Когда великие государства вооружаются, чтобы определять и защищать то, что они называют своими естественными, стратегическими и коммерческими границами, это не та эпоха, в которую малые или средние государства могут сохраниться и еще менее образоваться. Право стало насмешкой, одна только сила безраздельно царит в мире.

Отныне право или, проще говоря, человеческая справедливость, изгнанная из буржуазной цивилизации, укрылась в народных массах. Но чтобы она смогла восторжествовать над механически организованной силой государств, ей недостаточно быть справедливостью; нужно, чтобы она сорганизовалась в свою очередь, как народная сила, не для того, чтобы создавать новые государства, то есть новое угнетение и эксплуатацию, но, чтобы уничтожить государства. Такой должна быть единственная цель политики пролетариата, политики Интернационала, этого мощного и уникального органа дела пролетариата. Такова единственно возможная программа весны, к которой мы все призываем в своих чаяниях, этого возрождения человеческой жизни на земле, за которую мы все готовы отдать нашу жизнь.

Таким образом, дилемма поставлена, не нами, но развитием прошлых и настоящих исторических событий: с одной стороны, великие военные государства, неизбежно поглощающие все малые и средние государства; с другой, постепенное, возрастающее движение народного освобождения, неизбежно стремящееся к упразднению всех государств. Применяя логические следствия этой дилеммы к польскому и славянскому вопросу, неизбежно приходим к пониманию, что у славянских народов вообще, и у поляков в частности остаются только следующие три выхода: либо дать себя полностью пангерманизировать; либо искать нового рабства в не слишком отеческих и несколько удушливых объятиях Его Величества санкт-петербургского медведя; либо, наконец, защищать свое реальное, человеческое и всеобъемлющее освобождение социальной революцией, не создающей, но разрушающей государства.

Я убежден, что, несмотря на всю так называемую патриотическую политическую пропаганду различных национальных партий, одни из которых, совершенно добросовестно заблуждаясь сами, в то же время вводят в заблуждение массы; другие, подстегиваемые честолюбивыми и алчными намерениями, пытаются увлечь славянские народы на гибельные или бесплодные пути; так вот, я убежден, что все эти народы, включая польский, повинуясь побуждению и неизбежности, которые сильнее влияния всех партий, дойдут до того, что рано или поздно сами выберут единственный путь спасения, путь социальной революции. Для них, как для всех других эксплуатируемых и угнетаемых народов Европы, нет никакого иного выхода. Таким образом, это только вопрос времени, но этот вопрос чрезвычайно важен.

Он может казаться безразличным для безобидных или верующих идеалистов: первые черпают свое философское терпение в маленьких повседневных радостях комфорtnого общественного положения; вторые - вид людей, исчезающий сегодня на глазах, - черпают его в своей вере, дающей узреть посмертное вознаграждение на небесах; как те, так и другие могут спокойно рассматривать все явления с точки зрения вечности. Будь то прямо сегодня или через многие века, раз справедливость восторжествует, а вечная логика будет, наконец, удовлетворена, не одно ли это и то же? Для них да, для нас нет.

Для нас, принимающих в расчет только реальность и настоящую жизнь, то, что потеряно, потеряно безвозвратно; мы не верим в воздаяния, и, в любом случае, не строим иллюзий. Человечество, ради которого мы стараемся, не является абстрактной величиной, это не какая-то вечная идея человечества, а реальное объединение всех человеческих существ. Нам, несомненно, любопытно знать жизнь прошлых поколений; мы также весьма заинтересованы жизнью грядущих поколений; но мы гораздо более преданы судьбе нынешних поколений, проходящих и именно по этой причине единственно живых и реальных. Именно их мы хотели бы видеть счастливыми и свободными, так как мы прекрасно знаем, что, если они умрут в нищете и рабстве, то справедливость, восторжествовав после их смерти, придет к ним слишком поздно. Пятьдесят лет - это жизнь двух поколений. Таким образом, опоздание на пятьдесят лет - это только для Европы, по крайней мере, 500 миллионов жертв. А для славянской расы, включая финнов и литовцев Российской империи, это, по крайней мере, 170 миллионов пожертвованных людских судеб.

Следовательно, для нас ценен каждый год, и мы считаем, что долг каждого честного человека приложить все свои усилия к коллективному труду, который должен приблизить час социальной революции. Поэтому не надо ожидать, что славянские народы, пройдя через новые и более жестокие испытания, наконец, сами найдут этот единственный путь освобождения. Надо помочь им его найти, и никто не мог бы это лучше сделать, чем пролетариат Германии, который, будучи гораздо более просвещен и прогресивен во всех отношениях, нежели славянский пролетариат, кажется призван самим своим географическим положением и всей своей историей указать своим братьям из славянских стран путь к освобождению, точно так же, как немецкая буржуазия в свое время показала ему путь к рабству.

Но чтобы социалистическая пропаганда из Германии могла проникнуть в сердце славянских народов, есть предварительное условие, полностью противоположное тому, что стоит на первом месте в программе социал-демократии. Эта программа ставит в качестве непосредственной цели завершение создания, то есть передачу народу великого

пангерманского государства; а условие, о котором я говорю, - это полный отказ от государства. Пока у пропаганды немецких рабочих отправной точкой будет их государство, они могут быть уверены, что встретят во всех славянах, без какого-либо исключения, врагов, а не братьев. Я объяснил их мотивы, и они абсолютно рационально, совершенно законно дают право на ненависть славян к немцам. Эта ненависть неизбежно толкнет все славянские народы в объятия царя; и, таким образом, рождение и развитие великого пангерманского государства, империи или даже так называемой народной республики, будет иметь неизбежным следствием немедленное создание панславистской империи.

Отсюда я заключаю, что пангерманское государство, желаемое социал-демократами Германии, вместо того, чтобы служить барьером для Европы против панславизма, напротив, спровоцирует его и даст ему одновременно причину и средства к существованию.

Господин Боркхейм и его анонимные вдохновители несомненно успокаивают себя мыслью, что все славяне вместе взятые, включая силы Российской империи, не смогут противостоять всемогущей Германии. Они говорят уже¹ о массе превосходных земель, расположенных в степях России, которые просто созданы для немецких колоний. Вот те иллюзии, которые, несомненно, делают многое части их патриотизму, но не практическому смыслу и суждениям. Победить гнев и непримиримую ненависть 100 или 80 миллионов людей не так легко, как они думают.

Когда государства будут повсеместно уничтожены, когда все политические и юридические институты в Германии будут заменены экономической организацией и свободной стихийной федерацией коммун и автономных рабочих товариществ, одним словом, когда великое пангерманское государство будет не реформировано в так называемом народном смысле, а полностью ликвидировано, тогда, но только тогда, Россия сможет предоставить свободный доступ немецкой колонизации и даже найдет большую пользу в образовании внутри себя автономных немецких коммун. Русские народности, весьма бедные и невежественные, но наделенные большой природной смекалкой, тогда, несомненно, поспешат брать уроки экономии, организации и свободы у своих немецких братьев, не более умных, но более просвещенных. Но пока в Европе будут государства, в особенности, пока будет существовать пангерманское государство в какой бы то ни было форме, любая попытка немецкой колонизации в России будет рассматриваться и ощущаться всеми русскими и даже нерусскими народами империи скорее всего как оскорбление, за исключением господ баронов и буржуа трех балтийских провинций - Ливонии, Эстонии и Курляндии - в этих трех провинциях, имеется всего лишь 137 тысяч немцев и 30 тысяч евреев, которые составляют вместе 167 тысяч германского населения, на 1.621.000 латышей, финнов и славян, которые единодушно ненавидят немцев. Это будет сигнал к войне расы против расы, в которой непременно примут участие литовцы, прусские поляки и все славянские народы Австрии и Турции. И пусть хорошо знают, эти варварские народы не будут повторять пример привилегированных и цивилизованных классов, равно как французских крестьян, которые ради спасения своей собственности, своих капиталов, своих промышленных предприятий, своих домов трусливо подчинились немецкому завоеванию; как и в 1812 году, наши народы, возбужденные громадной и безжалостной ненавистью, сами разрушат и подожгут все: свои дома, жатвы, города и деревни, образуя вокруг захватчиков пустыню, которая послужит им

¹ См. Блестящее выступление господина Боркхайма.

могилой, и жертвуя всем ради высшей страсти - уничтожения немцев. Это будет ужасная, смертельная борьба, которая, несмотря на несомненное превосходство немецкой науки и вооружения, могла бы дойти до того, чтобы поставить под угрозу само существование великого пангерманского государства.

Поэтому господин Бисмарк, чей разум несколько серьезнее и, главным образом, практичнее, чем у социал-демократов Германии, и кто умеет различать, желать и приводить в действие средства, ведущие к его цели, он-то осторегается каких-либо ссор с Россией. Напротив, в политической истории никогда еще не было более теплой и нежной дружбы, чем та, что связывает сегодня дворы Берлина и Санкт-Петербурга. Скованные вместе как каторжники, и предвидя свой неизбежный разрыв в более или менее отдаленном будущем, они вынуждены, тем не менее, улыбаться и обниматься. Они поддерживают друг друга в общем деле, истребляя или полностью подавляя своих польских подданных. Начиная с 1863 года Бисмарк был крупным поставщиком для московских виселиц в Польше. А теперь он подчеркнуто защищает русскую политику на Востоке, будучи счастлив, впрочем, тем, что, таким образом, может без больших затрат отвлечь ее внимание от Запада. Немецкие патриоты, социал-демократы и буржуазные демократы, ставят ему это в вину. Но Бисмарк проницательнее и последовательнее их. Желая, как они, хотя и на других условиях, и в иных формах, причем, стоит добавить, гораздо более соответствующих их общей цели, - желая объединения и политической моши Германии, Бисмарк прежде всего понял, что этого невозможно осуществить, не обеспечив соучастия России.

И действительно, как всем известно, только Россия помешала Австрии вмешаться в последнюю войну. Только заявление санкт-петербургского кабинета, что он пойдет против Австрии, если только та шевельнется, помешало ей взять оглушительный реванш за Садову и перенести за спиной пруссаков гражданскую войну в Германию, лишенную солдат. Никогда огромная немецкая армия, которую ловкая политика князя Бисмарка сумела сосредоточить в не менее ловких руках господина Мольтке, не восторжествовала бы над Францией, если бы та же политика не обеспечила вначале союз с Россией, и если бы ей не удалось свести к нулю все враждебные пополнования Австрии этой русской угрозой. Таким образом Франция обязана своим поражением, а Германия своим триумфом без сомнения господину Бисмарку и столь мало либеральной, демократической и еще менее социалистической силе прежде всего Пруссии, но затем и почти настолько же чуть ли не прямому вмешательству России.

Вслед за Пруссией и вместе с ней, с одной стороны, Россия, и, с другой, Соединенные Штаты Америки являются настоящими основателями нового германского величия; Россия - непосредственно сдерживая Австрию и косвенно Италию, равно как другие малые государства Европы; США - угрожая Англии. Германия, Россия, Америка - вот тройственный союз, который, пережив все предыдущие союзы, влияет сегодня на судьбы Европы.

Такова реальность. Все остальное, за исключением социальной революции, которой принадлежит будущее, - это фикция.

Я приношу вам глубокие извинения, дорогие товарищи и друзья, за то, что, возможно, слишком долго говорю с вами о вопросах и делах, которые, как кажется на первый взгляд, вовсе не должны вас интересовать. На то у меня были две причины. Прежде всего, я подвергся нападкам моих еврейских и немецких оскорбителей и клеветников за мой характер русского и славянина. Поэтому для меня совершенно необходимо, раз и навсегда, не пренебрегая ни одной из основных граней славяно-германского вопроса,

объясниться в том, как я всегда рассматривал и понимал этот вопрос. Затем, я глубоко убежден, что этот вопрос вовсе не так безразличен и чужд прошлому и будущему развитию Международного Товарищества Рабочих, как это может показаться с первого взгляда.

Вы видите его в зачаточном состоянии. Кто не знает, что окончательная резолюция о создании этого великого и спасительного мирового товарищества, была проголосована в ходе крупнейшей встречи английских, французских, немецких, бельгийских, итальянских и польских рабочих, которые собрались в 1863 году в Лондоне, чтобы протестовать от имени пролетариата Европы против тиранических и жестоких репрессий русского правительства в Польше: протест, который, увы, остался столь же бессильным, как и многие другие современные протесты, но который имел большое значение в других отношениях.

Впервые после ужасного поражения 1848-49 годов пролетариат наиболее цивилизованных стран Европы пробудился и вновь вышел на демонстрации. Он открыл новую эру своего существования протестом, который доказал, что отныне он не останется безразличным к политическим преступлениям, совершаемым посреди Европы. Как следствие, выражив солидарность в чувстве единодушного возмущения, эти трудящиеся разных стран проявили желание и волю к организации этой отныне ставшей реальностью солидарности, ради освобождения пролетариата всех стран. Так родилось Международное Товарищество Рабочих.

Известно, что первый манифест этого Товарищества - весьма значимое произведение, сопровождаемое временным регламентом, которое за подписями граждан Оджера, Кримера и Уилера было опубликовано в последние месяцы 1864 года от имени временного Генерального совета, - было полностью написано гражданином Карлом Марксом.

Наряду с блестящим и действительно превосходным изложением экономического положения стран, наиболее продвинутых в современной культуре наций, в особенности, Англии, как наиболее цивилизованной, богатой и процветающей в Европе; наряду с глубоко продуманными формулировками, удивительными по своей точности и простоте, которые еще сегодня составляют всю программу и, если можно так выразиться, всю философию и политику Интернационала, в этом манифесте мы, в итоге, находим две отличительных черты, два мотива, характеризующих особые наклонности авторитетных коммунистов, то есть политиков Германии, признанным главой которых является гражданин К. Маркс.

Первый содержится в той самой фразе, которая, так сказать, венчает Манифест: «Завоевание политической власти стало поэтому великой обязанностью рабочего класса». Не удивительно ли слышать, как Мадзини утверждает этим отличающим его творения непогрешимым тоном, что Интернационал при своем зарождении совершил большую ошибку, отделив экономический вопрос от политического. Это высказывание, опровергнутое, как видим, первым же Манифестом учредителей этого Товарищества, так же как и многие другие несообразности и рассказы, которые он любил распространять на его счет, доказывает только, что Мадзини писал об Интернационале и против него, даже не потрудившись изучить его печатные документы, опираясь во всех отношениях на свидетельства двух перебежчиков из Интернационала, господ Толена и Фрибура, которых он объявляет весьма приличными и вполне достойными уважения и веры

людьми, сам рассказывая при этом, не знаю, правда это или нет, что у этих двух соучредителей Интернационала с самого его зарождения были прямые отношения с Наполеоном III.

Это постыдное незнание и эта довольно недобросовестная легковесность великого итальянского разоблачителя образуют странный контраст со строгостью, которую он проявляет к той части итальянской молодежи, которая, сбросив ярмо его политического и божественного авторитета, осмеливается искренне поддерживать дело пролетариата. Он горько упрекает ее за то, что она говорит о вещах, которых не знает, и рекомендует ей хорошо изучить теории и факты, прежде чем выносить по тем и другим какое-либо суждение. Дал бы он этот совет себе самому, прежде чем взять перо для наветов на Интернационал. Но нет, у него хватает смелости выставлять себя в качестве примера. Он осмеливается говорить, что не решился бы бороться с Интернационалом, не изучив все документы, касающиеся этого товарищества. Это недобросовестность или самоослепление? Я думаю, что это результат блаженной слепоты, которой Господь всегда поражает своих самых пылких слуг. Я позже вернусь к этим словам, которые в сущности содержат всю программу Социал-демократической рабочей партии Германии.

Следующий параграф, по всей видимости, был продиктован явной русофобией и скрытой славянофобией, которые являются господствующими чувствами в сердцах немецких патриотов всех партий. Ярко и вполне заслуженно воздав должное трудящимся Англии, только единодушный протест которых помешал, в итоге, английской аристократии и буржуазии вмешаться в последнюю войну Америки на стороне рабовладельцев Юга против противников рабства на Севере, манифест добавляет: «Бесстыдное одобрение, притворное сочувствие или идиотское равнодушие, с которым высшие классы Европы смотрели на то, как Россия завладевает горными крепостями Кавказа и умерщвляет героическую Польшу, огромные и не встречавшие никакого сопротивления захваты этой варварской державы, голова которой в Санкт-Петербурге, а руки во всех кабинетах Европы, указали рабочему классу на его обязанность - самому овладеть тайнами международной политики, следить за дипломатической деятельностью своих правительств и в случае необходимости противодействовать ей всеми средствами, имеющимися в его распоряжении; в случае же невозможности предотвратить эту деятельность - объединяться для одновременного разоблачения ее и добиваться того, чтобы простые законы нравственности и справедливости, которыми должны руководиться в своих взаимоотношениях частные лица, стали высшими законами и в отношениях между народами».

На первый взгляд, каждая фраза этого параграфа продиктована лишь вечными принципами нравственности и справедливости, совершенно обоснованно необходимыми как единственно законное основание всех общественных отношений, как по отношению к личностям, так и естественным сообществам, называемым нациями. Но если рассмотреть его поближе, поражаешься вовсе не интернациональному, а тевтонскому духу пристрастности, которому с большой ловкостью удалось проскользнуть в эту торжественную клятву, данную человеческой нравственности и справедливости.

Почему все молнии осуждения трудящихся Европы сосредоточены и мечутся в одну единственную точку: лишь против русской державы? Конечно, эта держава варварская, зловредная, угрожающая. Но одна ли она такая сегодня, была ли только она такой, когда публиковался этот первый манифест Интернационала? Все политические силы, все государства, завоевывая или подавляя, обязательно становятся варварскими. А Россия, была ли она единственной державой-закоевательницей? В эту эпоху Австрия,

правда, уже ослабленная ударами, полученными от Франции, тем не менее давила весьма малоцивилизованным и гуманным образом на Ломбардию и Венецию; императорская Франция показывала свою человечность Мексике; Пруссия молча готовила базу для трех своих памятных кампаний, которые должны были сделать ее семью годами позже хэзяйкой Германии. Пока же она подавала устами господина Бисмарка, своего великого министра, самые кровожадные и жестокие советы своей ближайшей и единственной союзнице, России, по борьбе с несчастной Польшей, разрываемой русскими палачами. Почему бы ни удостоить хотя бы небольшого упоминания этого векового чемпиона и столь мощного, единственного представителя германской цивилизации?

Гражданин К. Маркс наделен слишком реальным умом и знанием отношений и событий, чтобы всерьез думать, что именно Россия вынудила Австрию прибегнуть к суворейшим репрессивным средствам, чтобы защитить остатки своего владычества в Италии - в части жестокого деспотизма Австрия никогда не нуждалась ни в чьих уроках; что именно Россия предприняла мексиканскую кампанию, или внущила своей подруге Пруссии планы ее будущих завоеваний. Почему же в своем замечательном манифесте он говорил об одной только России?

Понятно, что в 1863 году, в самый разгар польского восстания, когда эта благородная нация, покинутая и преданная всей цивилизованной Европой, лишенная каких-либо военных ресурсов, почти без оружия, черпая средства своей защиты лишь в отчаянии, боролась с безнадежным мужеством против громадной русской армии с одной стороны, в то время как с другой она оказалась зажатой, задушенной очевидной и угрожающей враждебностью Пруссии; понятно, что в тот самый момент, когда развивались кровавые перипетии этой неравной героической борьбы, ужасные сцены этой плачевой трагедии, пролетариат Запада, единственный в цивилизованных странах Европы сохранивший среди общего уныния чувство гуманизма и справедливости, собравшись на торжественную встречу, чтобы выразить не лицемерные, но свои искренне братские симпатии народу Польши, и на минуту абстрагировавшись от несправедливости и преступлений, совершаемых в то же самое время другими правительствами в других странах, сконцентрировал все свое возмущение против диких русских репрессий, ужасы которых, увы, с тех пор были далеко превзойдены теми, что немцы только что совершили во Франции. Но разве этот протест не был бы еще внушительнее и справедливее, за клейми он одновременно гнусное и варварское поведение Пруссии, которая не побоялась опозорить себя, открыто став советчиком и весьма заинтересованным сообщником всех преступлений, совершенных русскими властями, которым она поспешила поставить сотни затребованных и даже не затребованных жертв?

Именно начиная с этой эпохи поляки дали ей столь заслуженное прозвище помощника палача или поставщика для московских виселиц.

Понятно, что в манифесте, опубликованном от имени большого сообщества, по крайней мере, видимо порожденного этим стихийным протестом пролетариата самых передовых стран Европы против русского варварства, чувства, которые он побудил, нашли свое место и звучали как эхо лондонской встречи. Но от этого манифеста, объявляющего миру принципы Интернационала и говорящего от имени человечества, от имени человеческой морали и справедливости, можно было бы ожидать большего, чем сентиментальной вспышки, скорее широкой и философской оценки, соответствующей самим этим принципам.

Итак, я, не колеблясь, говорю, что редактор манифеста, гражданин К. Маркс, оказался в этом пункте, но только в этом пункте, гораздо ниже той миссии, что он на себя или, скорее, на него возложили. Вместо того, чтобы искать секрет насилия и всех жестокостей, которые приносят горе человечеству, в самом принципе государства, то есть господства и эксплуатации как таковых; вместо того, чтобы заметить, в полном соответствии как с прошлой, так и нынешней правдой истории, что то, что Россия, варварская империя, осмеливается делать цинично, все другие великие, так называемые цивилизованные государства Европы совершают лицемерно, он нашел более удобным и также, несомненно, более выгодным с точки зрения собственно немецкого патриотизма, возложить на Россию вину за все социальные и политические преступления, совершаемые в Европе.

Это было, несомненно, удобно, но одновременно чрезвычайно нелепо. Это означало продемонстрировать либо большое невежество, либо исключительную недобросовестность. Скажем, со времени трех разделов Польши, вина за которые, согласно историческим рассуждениям гр. К. Маркса, разумеется, возлагается лишь на одну Россию, разве Россия подстрекала и создавала очередные коалиции Германии против первой революции, продиктовала знаменитый брауншвейгский манифест и вынудила консервативного премьер-министра Великобритании, ожесточенного противника вначале Республики, а затем Империи, Уильяма Питта, субсидировать армии, направляемые реакционной Европой против революционной Франции? Разве император Александр, а не прусский генерал Блюхер в 1815 году спланировал грабеж и разорение Парижа? И разве этот император, а не дворы Берлина и Вены уже в то время замыслили первый раздел Франции? Пусть бы они, а не он, настояли на необходимости дать Франции либеральный, а не феодальный режим, конституцию. А после 1815 года, разве все тот же император, а не князь Меттерних, не австрийский двор стал душой и вдохновителем Священного союза деспотических монархий против возрождающегося в Европе либерализма; разве русские, а не австрийские войска растоптали в 1821 году революции в Неаполе и Пьемонте; и разве снова они, а не французские войска под предводительством герцога Ангулемского восстановили в 1823 году положение вещей в Испании?

И, как всегда, по вине России в 1848 году отважные парижские рабочие были подавлены и истреблены коалицией всех реакционных партий и, в особенности, неумолимой и подлой жестокостью буржуазии, карманы которой оказались под угрозой; это Россия вложила шпагу в руки бравого генерала Кавеньяка, предшественника Наполеона III, который после этого провел все ограничительные законы, принятые реакционным Национальным собранием. Это она породила Тьеров, Ж. Фавров, Токвилей, Фаллу, и чтобы увенчать свое дело, вначале избрала на пост президента, а затем на трон божественного Наполеона III; как всегда, именно она в 1849 году при помощи французских войск, посланных, несомненно, по ее приказу Наполеоном III для восстановления папы на троне, подавила римскую республику, а чуть позже при помощи австрийских войск - всю Италию, включая Пьемонт. Без сомнения, именно по русскому наущению победоносный фельдмаршал или, как его тогда прозвали австрийцы, маршал-герой Радецкий, будто желая омолодить свою старость, купался в итальянской крови, так же как потом генерал Гайнау в Венгрии. Патриотическая Франкфуртская ассамблея, составленная из самых ярких политических, литературных и научных светочей Германии, была, конечно, подкуплена русским золотом, когда в 1848 году почти единодушно аплодировала триумфу австрийского оружия в Италии, и когда, несколькими месяцами позже, она проголосовала за включение в германский союз всех польских провинций

Пруссии. Это снова Россия отправила в 1849 году во главе баварских и прусских войск нынешнего императора Германии, в то время наследного принца Пруссии, против остатков этой ассамблеи, укрывшихся в восставшем великом герцогстве баденском, и приказала ему учинить расправу без суда и следствия над последними буржуазными революционерами Германии.

И, наконец, в наши дни, как всегда эта проклятая Россия, открыто вставшая в последней американской войне на сторону Севера против Юга, подтолкнула дворянскую и финансовую аристократию Англии к тому, чтобы выступить за Юг против Севера. Именно она наконец, подстрекая Бисмарка и Мольтке, завоевала при помощи австрийских и прусских войск сначала часть Дании, а затем силами одних пруссаков разрушила австрийскую державу, и, наконец, посредством всех объединенных армий Германии, основала на руинах французского государства новую сверхдержаву - пангерманскую империю!

Видите, какое ужасное зло Россия причинила Европе! Если бы не она, уже в 1789 году в мире была бы провозглашена всемирная социальная республика. Людовик XVI и Мария Антуанетта добровольно отреклись бы от престола; дворянство Франции вместо того, чтобы эмигрировать, плести заговоры и повернуть свое оружие против Франции, стало бы буржуазией, а буржуазия - народом; в Германии же, умиленной столь благородным примером, император, короли, суверенные князья, феодальное, военное и бюрократическое дворянство, померанские юнкеры, большие и малые буржуа, рабочие, крестьяне бросились бы друг другу в объятия, чтобы образовать отныне единую немецкую семью, объединенную братскими узами со всеми другими национальными семьями Европы. Да, если бы не проклятое влияние России, император Фридрих-Вильгельм Первый «Свирепый» и император Фердинанд Австрийский со всеми немецкими королями и князьями были бы сейчас не более, чем честными трудящимися, членами различных рабочих товариществ; а папа, женившись либо на Изабелле Испанской, либо на Евгении Французской, стал бы добрым крестьянином и превосходным отцом семейства. Орден иезуитов сделался бы секцией Интернационала, а его верховный глава, имя которого мне не известно, вместе с кардиналом Антонелли, графом Кавуром, г-ном Ратацци, Наполеоном III, лордом Пальмерстоном, мистером Гладстоном, графом Бейстом, князем Бисмарком и, наконец, неким Ротшильдом в качестве казначея образовали бы ныне Генеральный совет в Лондоне, который бы стал центральным правительством цивилизованного мира.

И всему этому помешало только пагубное влияние России! Если гражданин Маркс в этом всерьез убежден, понятно отвращение, которое он должен испытывать к этой стране. Но возможно ли, чтобы он был в этом убежден? Я слишком уважаю его ум, чтобы это допустить. Он, кто столь ненавидит утопии и любые произвольные фантазии разума, стал бы первым утопистом мира, если бы был способен на самом деле вообразить, что без дипломатического влияния санкт-петербургского кабинета на европейские дворы, Европа была бы совершенно иной, чем она есть сегодня, и если бы сам поверили в ту патетическую фразу своего манифеста об «этой варварской державе, голова которой в Санкт-Петербурге, а руки во всех кабинетах Европы»

Пусть русская держава варварская, весьма варварская и злодейская, кто в этом сомневается? Но, мне кажется, я сказал достаточно, чтобы доказать - и совершенно свежие факты показали это с гораздо более убедительным красноречием, чем мое, - что в области злодейства и варварства правительства Берлина и Версаля по крайней мере сравнялись, если не превзошли правительство Санкт-Петербурга, и что в нравах любой

политической державы быть злодейской и варварской; с той единственной разницей, что слабые правительства делают это с лицемерием, тогда как сильные, такие как в Берлине и Санкт-Петербурге - с цинизмом.

Гражданин К. Маркс, с другой стороны, слишком хорошо знает европейскую статистику, чтобы преувеличивать, подобно обычным публицистам, материальную мощь России. Эта мощь, которая может развернуться в огромную, огромна, это правда, для обороны; но она пока практически ничтожна для наступления. Ей недостает трех существенных элементов силы: богатства, хорошей организации и науки. Сегодня, более чем когда-либо, богатство, обилие капиталов и денег является первом войны; а Россия чрезмерно бедна. Ее сельское хозяйство, промышленность и торговля, по сравнению с западными, находятся еще в детском возрасте, а подавляющее всесиление государства мешает их развитию. Россия буквально разорена содержанием огромной армии и бюрократии.

Организация и той, и другой является все еще крайне порочной. Честность проявляется лишь как редкое исключение; воровство, незаконные доходы стали, так сказать, законными в силу повсеместного распространения. Контроль почти нулевой или мнимый, поскольку, как говорит русская пословица, рука руку моет. Как следствие, масса прекрасных вещей, существующих на бумаге, никогда не реализуется в действительности. Наконец, знания наших гражданских и военных чиновников нельзя сравнить со знаниями генералов, офицеров и администраторов Германии.

При всем этом русская армия огромна, гораздо более многочисленна и лучше организована, имеет лучшее командование и вооружение в данный момент, чем когда-либо прежде. Она не так сильна, как оценивают ее иностранные и, особенно, русские статистики, но, тем не менее, она представляет собой весьма достойную силу, неспособную предпринять наступательную войну против Германии, но способную нанести ей очень серьезный ущерб, когда она найдет какого-нибудь мощного союзника в Европе, Францию, например. Она могла бы стать еще более внушительной, если бы возбуждая национальные или расовые чувства, она подняла панславистский флаг - как это сделала в последнее время Пруссия, подняв пангерманский флаг против Франции и провозгласив единство немецкой империи в Версале. Тогда, Россия нашла бы союзников, целые народы друзей и братьев в самом сердце этой империи.

Именно в этом состоит героическое средство, к которому русская империя несомненно прибегнет в более или менее отдаленном будущем. До настоящего же времени по крайней мере, она предпочитала более привычный и менее опасный путь союзов, и большей частью своего расширения на запад она обязана в гораздо большей степени своей весьма ловкой дипломатии, чем силе своего оружия. Лишенная интересов в большинстве внутренних вопросов, терзающих и разделяющих Западную Европу, и имея в этом смысле, как Ахиллес, лишь одну слабую точку: социальную революцию - но, главным образом, крестьянскую, в гораздо большей степени, чем революцию городских и фабричных рабочих, которые в России образуют лишь каплю воды в народном океане - русская дипломатия вмешивается во все проблемы Запада и никогда не упускает случая половить рыбку в мутной воде, естественно, всегда принимая сторону зла против добра, реакции против революции.

Это то, что ей с такой горечью ставят в вину патриоты Германии. Они ошибаются; действуя таким образом, Россия, во-первых, повинуется своей особой природе деспотической и военизированной империи, но, во-вторых, потребностям, присущим государству, причем любому государству, будь то монархическому или республиканскому. По

какому праву немцы требуют от русского правительства добродетелей, которые никогда не были свойственны их собственным правительствам? Кабинеты Берлина и Вены, приняли ли они когда-нибудь сторону революции против реакции в Европе? И не видели ли мы в 1852 году, как либеральная Англия, представленная не только своим правительством, но и большей частью дворянства и буржуазии, с радостью приветствовала восшествие Наполеона III на императорский трон Франции? Наконец, великая республика Соединенных Штатов Америки, не связана ли она сегодня тесным союзом с обеими великими деспотическими державами Европы, Россией и Германией?

Зачем же тогда требовать от правительства, называемого варварским, добродетелей, которые никогда не были свойственны самым цивилизованным правительствам? В этом состоит справедливость по-немецки?

Императорская Россия, да будет известно, не изобретала и не вызывала реакцию в Европе. У нее никогда не было ни средств, ни даже необходимости ее создавать. Она развилась там и произрастает сама по себе, как чудное местное растение: историческое, теологическое, политическое, юридическое, бюрократическое, военное, аристократическое вначале и, в конечном счете, буржуазное. Императорская Россия нашла ее всесильной в Европе, и объединилась с ней, чтобы извлечь из этого свою выгоду. Какое государство в Европе не сделало бы то же самое?

Русская дипломатия, наконец, нашла себе, и пока будут существовать государства, всегда найдет союзников в Европе. И это тоже приводит в отчаяние немецких патриотов. Наивные мечтатели, они толкуют о союзе всех государств Европы против Российской империи. Это абсурдно. Существование государств с необходимостью влечет за собой перманентность войны, то скрытой, то явной. Невозможно, чтобы в Европе Россия вовсе не нашла какого-нибудь более или менее сильного союзника: сегодня Германию, завтра Францию, и, кто знает, послезавтра, может быть, саму Англию?

Русская дипломатия чрезвычайно жульническая, хитрая, вероломная и зловредная, говорят немцы. Безусловно; но какая дипломатия в самых лучших своих проявлениях, в которых, конечно, нельзя упрекнуть русских дипломатов, самых ловких обольстителей в мире, кто из дипломатов Европы не обладает или по крайней мере не старается обладать всеми этими качествами, собственно, составляющими премудрость и доблесть этой профессии? Поскольку у политики никогда не было иной цели, кроме господства и эксплуатации, она целиком сводится к этим двум словам: обман и жестокость. Если это не одно, так обязательно другое, и очень часто случается, что одновременно делается и то, и другое.

Таким образом, пристально рассматривая все это, приходим к заключению, что среди всех упреков, адресованных всероссийской империи, нет ни одного, который не был бы в равной степени, а иногда даже и более применим ко всем другим правительствам великих государств Европы, в особенности к нынешней германской империи.

Но, говорят немцы, то, что делает именно русский деспотизм столь опасным, это то, что он командует народом рабов, который повинуется как автомат малейшему знаку своего хозяина, в то время как в Германии, ... ах! В Германии, конечно, вы встречаете только свободных, гордых, бунтующих людей! Дворянство там вовсе не высокомерно и раболепно одновременно, а буржуазия вовсе не лакейская? Крестьяне, не подчиняясь закону, отказываются платить налоги и отдавать своих сыновей в военное рабство? Наконец, вся Германия вовсе не распостерта перед своим грозным императором?

Один только немецкий пролетариат остается стоять на ногах, и я по-настоящему счастлив, признавая это. Но если у вас есть ваш пролетариат, у нас есть наши крестьяне,

на которых мы возлагаем все наши надежды. Ваш пролетариат еще никогда или почти никогда не восставал, в то время как огромные бунты наших крестьян уже трижды в разное время потрясали московскую империю. Они были подавлены, но так будет не всегда. У нас, наконец, есть то, чего нет у вас: просвещенная молодежь, гораздо менее просвещенная, чем ваша, но способная отдавать себя народному делу, конспирировать и восставать.

Таким образом, даже в отношении рабского повиновения пальма первенства снова принадлежит немцам. Что же касается реакционных, обскурантистских, деспотических, губительных для свободы и человечества мыслей, вынашиваемых в данный момент при берлинском дворе, в сердце императора-пугала и в мощном мозгу первого канцлера империи, я думаю, что ни гражданин Карл Маркс, никакой-либо мало-мальски здравомыслящий человек из его партии не могут поставить их наличие под сомнение. Как же тогда получается, что они ищут центр, голову европейской реакции не в Германии, а в России, не в Берлине, а в Санкт-Петербурге?

Мы видели, что русская держава материально слабее, гораздо менее богата, слабее организована и менее искусна, чем действительно громадная мощь германской Империи. Недавние события нам показали, что по части возвышенного жульничества дипломатия господина Бисмарка оставляет далеко за собой русскую дипломатию. Мы видим, наконец, что проекты, наиболее угрожающие свободе и независимости Европы, самопроизвольно зарождаются на бранденбургской и померанской почве; мы также видим, как большая масса германского населения, за исключением пролетариата городов, ожидает только отмашки из Берлина, чтобы с патриотическим неистовством накинуться на ту часть Европы, которую ей укажут. И при этом замысел, мыслительный центр, голова реакции сосредоточены в Санкт-Петербурге, а не в Берлине?

Это означало бы преувеличить сверх всякой возможной меры интеллектуальные способности российских государственных деятелей, и крупно недооценить способности князя Бисмарка, - по сравнению с ними настоящего гиганта. Это означало бы утверждать невозможное, абсурд и создавать ради своего удовольствия воображаемое существо, мистическое чудовище. Но политический мистицизм, особенно имеющий автором столь строгого рациональный ум, каким, бесспорно, является гражданин К. Маркс, может быть лишь розыгрышем или злой шуткой.

С его стороны это было не шуткой, но определенно мистификацией, и ее причину, но не оправдание, надо искать в его немецком патриотизме. Рассчитывая, несомненно, на невежество трудящихся, он хотел побудить в их рассудке мысль ложную, но весьма полезную собственным намерениям Германии: сверх всякой меры преувеличить опасности, которыми угрожает Россия, чтобы отвлечь внимание почтенной публики от честолюбивых проектов собственной родины, и побудить принять завоевания Германии на севере и востоке, как неоценимую услугу, которую она оказывает человечеству; пробудить, если не активное сотрудничество, то по крайней мере симпатии пролетариата Европы в пользу предприятий Германии; такова была патриотическая цель, которой он хотел достичь, конечно, не считая личных чувств, которые также могли двигать им. Поставив свою собственную жизнь на службу Интернационалу, главным инициатором которого он был, он вовсе не был бы расстроен, если бы тот, в свою очередь, послужил инструментом будущему величию и могуществу Германии.

Что мне казалась вначале непонятным, так это то, что немецкие патриоты Интернационала, не удовлетворяясь желанием остановить угрожающее расширение русской державы на запад, хотят также помешать ей распространяться на восток. В самом деле,

не примечательно ли, что даже прежде, чем говорить о Польше, только что цитированный мной параграф манифеста горько упрекает Россию в том, что она «завладевает горными крепостями Кавказа». Адресуя ей этот упрек, гражданин К. Маркс, кажется, упускает из виду, что в этом состоит неизбежная тенденция, присущая каждому великому государству: округлять, расширять и укреплять свои границы, поглощая окружающие его мелкие страны. Мы видели, как Германия, чтобы достичь Балтийского моря, делала абсолютно то же самое в ущерб полякам и славянам, которые, с точки зрения цивилизации, уж точно не стояли ниже черкесов; да и последняя война с Данией разве имела иную цель? Как же так получается, что то, что, кажется, разрешено немцам, запрещено русским?

Вот еще один образец немецкой справедливости. Я бы ничего не сказал, если бы немцы, раз и навсегда, без каких-либо недомолвок, искренне хотели бы осудить принцип завоевания во всех его возможных проявлениях, какими бы ни были нации-завоеватели и завоеванные народы. Тогда я подписал бы обеими руками все проклятия и осуждения, которые они произносят против завоеваний Российской империи. Мне бы не составило никакого труда это сделать, поскольку завоевание - это обязательное проявление принципа государства, и поскольку я вместе с вами, дорогие товарищи и друзья, враг государства, как русского, так и нерусского. Но немцы-патриоты Интернационала вовсе не разделяют с нами ту ненависть, которую нам внушает принцип государства; и как сторонники государства, они не отвергают завоевания абсолютно, они лишь хотят предоставить эксклюзивное право на них нациям, представляющим современную, то есть буржуазную цивилизацию, поскольку никакой другой просто нет ни в Европе, ни вне Европы.

Завоевание цивилизованными нациями варварских народов - вот их принцип. Это применение закона Дарвина в международной политике. Вследствие этого естественного закона цивилизованные нации, будучи, как правило, сильнее, должны или истребить варварские народы, или подчинить их, чтобы эксплуатировать, то есть цивилизовать. Таким образом, североамериканцам позволено мало-помалу истреблять индейцев; англичанам эксплуатировать Ост-Индию; французам завоевывать Алжир; и, наконец, немцам цивилизовать, волей-неволей, славян, способом, который нам известен. Но русским должно быть твердо запрещено «завладевать горными крепостями Кавказа».

Господин Боркхейм, ученик, доверенное лицо и друг гражданина Карла Маркса, изложил ту же мысль в своей знаменитой «блестящей» речи, и даже развил ее далее. Его уже возмущает и беспокоит не только завоевание Кавказа, но еще и триумфы русского оружия в Персии и на Центрально-азиатском плоскогорье, покорение бухарских и хивинских татар. «В скором времени, может даже стать необходимым, - говорит он, - чтобы мы запретили России продвигаться дальше в Азию, заставив принять ее европейско-американскую волю». «Отбросить русских в свои границы, сжать их, заставить заниматься самими собой, работать честно... - вот то, что будет благом для России, вот дело человечества, вот настояще дело мира».

Не правда ли - речь сумасшедшего? Отбросить, обвести, сдавить со всех сторон, как прессом, народ, который, считая только русских, представляет компактную массу в 50 миллионов человек, и это при помощи европейско-американской воли, которая существует в состоянии утопии только в пораженном патриотизмом мозге некоторых социал-демократов Германии. Но эти добрые немецкие патриоты даже не подозревают, что подобная попытка удушения, даже в случае, если бы ее исполнение было возможно,

имела бы неизбежным следствием ужасный взрыв, и что этот взрыв мог бы действительно зажечь и распространить пожар во все те еще мало цивилизованные или германализированные славянские страны, которые они считают унаследованным достоянием Германии.

Они, кажется, не отдают себе отчет, что закон Дарвина, которым они пытаются воспользоваться, чтобы прикрыть свои патриотические амбиции, - обоюдоостре оружие, и что в этой схватке за жизнь, которая, собственно, составляет естественную основу исторического развития наций, вовсе не всегда более цивилизованные народы в итоге одержали верх над варварскими. Решительно, господин Бисмарк проявил себя гораздо более и разумным, и практичным, чем они. Он прежде всего знает, что напрасно искать в Европе и Америке ту единодушную волю, которую господин Боркхейм и его друзья полагают держать в своих руках, и он ничуть не озабочен безумной идеей, которая имела бы немедленным следствием обращение всех русских сил на Германию. Напротив, он по-настоящему восхищен тем, что они заняты вдали от Европы, на Дальнем Востоке, что делает его, в итоге, единственным вершителем судеб Запада.

Так почему же, спросим еще раз, не имея абсолютно никакого патриотического интереса к территориям за Уралом, на Центрально-азиатском плоскогорье, немецких патриотов Интернационала так сильно беспокоят завоевания русскими Бухары, Хивы и части Китая? Просто дело в том, что они хотят заинтересовать английский патриотизм, безраздельному до сих пор господству которого в Ост-Индии угрожают эти завоевания, и тем вовлечь его в совместные действия в этой антиславянской и русофобской кампании что, несомненно, весьма патриотично, но по той же причине прямо противоположно духу справедливости, вдохновляющему Интернационал. Они хотели бы представить ее трудящимся Европы, если не как высшую цель, то по крайней мере, как одну из основных задач, к немедленному решению которой призвано это великое Товарищество.

Таким образом, этот протест против захватов русской державы в Азии был бы вполне законен, если бы исходил из общего осуждения всех завоеваний, кем бы ни были их творцы и жертвы, если бы он относился одновременно к захватам всех других государств; но он стал глубоко несправедливым с того момента, как будучи направленным против одной лишь России, он услужливо обходил молчанием преступления всех других держав; этот протест, я считаю, имел явной целью скрепить в лоне Интернационала особый тесный союз между немецким и английским патриотизмом.

Это следует со всей очевидностью из обсуждения, имевшего место по этому вопросу на Первом конгрессе Интернационала, состоявшемся в Женеве в сентябре 1866 года. Официальный отчет об этом заседании столь краток, что я хочу воспроизвести его полностью: «Материалы конгресса Международного Товарищества Рабочих, состоявшегося в Женеве с 3 по 8 сентября 1866 года».¹

11-ый вопрос²: «О необходимости уничтожить влияние русского деспотизма в Европе путем применения принципа права народов на самоопределение и восстановление Польши на демократических и социальных основах».

«Французская делегация выражает мнение, что по этому вопросу не должно быть никакого голосования; что Конгресс должен ограничиться заявлением, направленным

¹ Женева, Типография J.C. Ducommun и G. Oettinger, route de Carouge, 1866.

² Генеральный совет в Лондоне, весьма влиятельным членом которого гражданин К. Маркс был тогда, как и сейчас, формулировал вопросы, которые ставились на обсуждение на этом Конгрессе.

против любого вида деспотизма в любой стране; что он не должен входить в обсуждение столь сложных национальных вопросов. Нужно пожелать и потребовать освобождения как в России, так и в Польше и отбросить старую политику¹ противопоставления одних народов другим, как видите, отчет воспроизводит не речи, произнесенные ораторами каждой страны по любому вопросу, а лишь их общий смысл. В русско-польском вопросе исключение было сделано только для речи гражданина Беккера. Но французские делегаты, среди которых оказались некоторые из тех, кто впоследствии принял столь же активное, сколь почетное участие в последних революционных событиях во Франции, как в Париже, так и в Лионе - среди них достаточно будет назвать самого видного деятеля Парижской коммуны, нашего друга Варлена, расстрелянного версальскими войсками - так вот, французские делегаты опубликовали сразу же после Женевского конгресса коллективный меморандум, который вышел в Брюсселе под следующим названием: «Женевский конгресс - Меморандум французских делегатов»², в котором они гораздо лучше развили свои мысли по всем вопросам, предложенным этому конгрессу. Они выражали в нем свое неизменное и полное сочувствие независимости и свободе Польши, а также свое желание ее скорейшего освобождения на основе реального и полного экономического, политического и социального раскрепощения как крестьян, так и трудящихся городов. Но они отказались заклеймить всю Россию, включая нацию и правительство, в качестве изгоев Европы, как это было предложено немецкими и английскими делегатами. Они не считали необходимым отождествлять Российскую империю с русским народом, справедливо полагая, что, если бы это было сделано для России, то это надо было бы сделать и для всех других стран Европы, что, конечно, вовсе не было бы на пользу французскому народу, тогда еще находившемуся под правлением Наполеона III, как он находится сегодня под правлением Версаля, ни, особенно, на пользу немецкому народу. Таким был смысл их голосования против этого вопроса. Мадзини, который, очевидно, никогда не читал ни этого меморандума, ни официального женевского отчета, воспользовался этим, чтобы обвинить французских делегатов в отказе проголосовать в пользу Польши. Это доказывает еще раз, что его суждения против Интернационала столь же легковесны, сколь злонамеренны.

«Английские делегаты высказываются за резолюцию по польскому вопросу, который всегда вызывал сочувствие у демократической и здравомыслящей части английского народа. Они добавляют, что первое объединение французских и английских рабочих в совместном действии произошло ради проявления их чувств против угнетения Польши, и что это же был одновременно первый шаг по созданию Международного Товарищества.

«Однако мнение большинства Конгресса явно склонялось к французскому предложению.

«Тогда господин Беккер³ взял слово. Он выразил сожаление, что Конгресс ничего не решил по этому вопросу. Российская империя - это постоянная угроза цивилизованным обществам Европы⁴; Польша служила бы барьером. Здесь проголосовали за упразднение постоянных армий, но их невозможно будет отменить, пока Польша не будет восстановлена. Он добавляет, что польский вопрос - это европейский вопрос, но он

¹ Политику государств.

² Брюссель - Parent et Fils, Editeurs - 17, Montagne de Sion, 1866.

³ Немецкий делегат.

⁴ Примечание Бакунина: «я хотел бы знать, что гражданин Беккер думает сегодня о цивилизаторской миссии Германской империи?».

особо интересует Германию, и в некотором смысле его можно назвать немецким вопросом¹. Тогда он предлагает², чтобы заявление в этом смысле³, подписанное всеми немецкими членами и теми, кто разделяет эти идеи, было приложено к протоколу».

«Предложение французской делегации с дополнением господина Беккера одобрено».

Вот так Женевским конгрессом была похоронена первая попытка немцев установить в Интернационале главным образом германское руководство.

Сам способ, каким был поставлен этот вопрос, с очевидностью выявляет эту цель. Если бы Генеральный совет был менее озабочен политическими и частными интересами Германии и придерживался одной лишь международной справедливости, идентичной для всех наций, так как человеческая справедливость может стать реальностью единственно лишь при условии равного применения как к цивилизованным народам, так и к тем, кого с высоты чисто буржуазной цивилизации принято называть варварскими, тогда этот одиннадцатый вопрос, который предлагался обсуждению Первого конгресса Интернационала, должен был бы, по крайней мере, быть сформулирован следующим образом:

«О необходимости уничтожить существование любого деспотизма в Европе путем применения права каждого народа, большого или малого, слабого или сильного, цивилизованного или нет, располагать самим собой и стихийно организовываться снизу доверху путем полной свободы, вне всякого влияния и любых политических или дипломатических притязаний, независимо от любой формы государства, навязанной сверху донизу какой бы то ни было властью, будь то коллективной или индивидуальной, собственной или иностранной, и принимать в качестве основы и законов лишь принципы социалистической демократии, интернациональной справедливости и солидарности».

Это было бы без сомнения более длинно, но зато справедливо и ясно, и это исключило бы абсолютно любую двусмысленность. Это было бы декларацией подлинно интернационального принципа, не патриотического, но человеческого; и гражданин Жан Филипп Беккер, один из основателей нашего великого Товарищества, не нуждался бы в том, чтобы заявлять и признавать, что это вопрос, который «особо интересует Германию».

Если бы Генеральный совет хотел быть еще яснее и прямо назвать вещи своими именами, если бы он хотел поставить настоящий вопрос для Интернационала со всеми его реальными и немедленными последствиями, он мог бы представить на обсуждение Женевского конгресса следующую редакцию:

«О необходимости уничтожить существование деспотизма в Европе путем отмены всех политических и юридических институтов, для которых экономическая эксплуатация является реальным источником и идеальным признанным принципом власти, то есть путем отмены государств, и путем организации и абсолютно свободной федерации коммун и автономных рабочих товариществ».

Это была программа Парижской коммуны, и, одновременно, ваша - не так ли, дорогие товарищи и братья?

Но, сузив вопрос и придая ему исключительно германскую направленность, лондонский Генеральный совет подвергся неизбежному фиаско. Первый конгресс нашего

¹ Примечание Бакунина: «и уже, несомненно, по этой причине французские делегаты, увидев, прежде всего, чисто немецкий способ, которым он был поставлен, с восхитительным инстинктом воспротивились и отвергли его».

² Примечание Бакунина: «несомненно, в качестве почетного отступления»

³ То есть исключительно в германском национальном смысле этого вопроса.

великого Товарищества должен был отвергнуть несоответствующее предложение Генерального совета, чтобы оправдать свой интернациональный характер и не оказаться в очевидном противоречии с теми принципами человеческой морали и справедливости, которые стали самой основой его программы.

Французские делегаты, с тем живым инстинктом, который характеризует их нацию, первыми разглядели тевтонское ухо в космополито-филантропических фразах формулировок Генерального совета, отвергли сами и вынудили других отвергнуть эти формулировки; после чего, гражданину Ж. Фил. Беккеру, близкому доверенному лицу германской фракции в лоне Интернационала, пришлось с ними согласиться, признав, что в том виде, как он был поставлен Генеральным советом в Лондоне, этот вопрос «особо интересовал Германию и что, в некотором смысле, он был немецким вопросом».

Эта откровенность делает ему тем больше чести, что искренность и добросовестность как раз не являются теми качествами, которые более всего отличают людей его партии в Германии. Но, несмотря на свое желание быть откровенным, потребность и, так сказать, обязательство защищать принятое Генеральным советом вовлекла его во многие ложные утверждения и противоречия, из которых ему было невозможно выпутаться, не поступившись честью. Ничто настолько не искажает идеи, как двусмысленное положение, которое для него было таковым в наивысшей степени, поскольку он считал себя обязанным говорить одновременно от имени международной справедливости и выражать особые интересы политического патриотизма немцев, столь противоположного этой справедливости.

Так он сказал: «Российская империя - постоянная угроза цивилизованным обществам Европы», что было бы вполне справедливо, если бы он добавил: а также королевство Пруссии, австрийская империя и империя Наполеона III; но, особенно, первое, которое, находясь под руководством премьер-министра, столь же гениального, сколь нагло презирающего любое право, открыто стало советчиком и помощником России в гнусном деле расправы над Польшей; затем, отвоевав у Дании и аннексировав как прусских подданных, несмотря на их самые энергичные протесты, около миллиона шлезвиг-гольштинцев, среди которых около 300.000 датчан; разрушив столь долго соперничавшую с ней державу - Австрию, и, завоевав в самой Германии силой оружия Ганновер, гессенский двор, Нассау и Франкфурт-на-Майне, возвысилось, как раз во время этого Женевского конгресса, на уровень очень крупной державы, да что я говорю, державы, наиболее угрожающей свободе и народной, а не буржуазной цивилизации Европы.

Гражданин Фил. Беккер - который в 1849 году сам был вместе со многими другими своими соотечественниками свидетелем и жертвой военных репрессий Пруссии в великом герцогстве баденском, и который, в общем, весьма хорошо информирован обо всем, что произошло и делается в Германии, - не мог не знать о систематическом мракобесии, циничном презрении к любой гуманности, любому праву, бюрократическо-дворянской наглости и варварском поведении, которые всегда отличали как внутреннюю, так и внешнюю политику этой державы, которая может командовать только рабами, и которая, к несчастью народной Германии, к несчастью и с целью порабощения Европы создает сегодня чудовищное политическое единство Германии - пангерманскую империю.

Гражданин Ж.Фил. Беккер не был ни настолько наивен, ни настолько несведущ, чтобы не понимать, что этот злобный дух господства и подавления любой ценой, который с 1815 года явно проявлялся в мельчайших действиях Пруссии, продукт вовсе не

иностранным влияния, но местной выделки, порожденный всем историческим развитием Пруссии; и он не был также настолько слеп, чтобы совершенно не видеть, что, начиная с 1846 года, уже больше не Российская империя, а эта новая прусско-германская империя становится самой ужасной «угрозой цивилизованным обществам Европы». Если только он не отождествил себя с цивилизацией германской буржуазии, которая нашла выгоду, и, одновременно, корыстное и патриотическое удовлетворение в осуществлении этой угрозы, он должен был предупредить, как мне кажется, делегатов европейского пролетариата, собравшихся на конгресс в Женеве, что, наряду с тогда уже шаткой и оттого в некоторой мере еще более грозной державой Наполеона III, имелись две державы, которые возвышались как колоссальное препятствие освобождению пролетариата: русская держава, но, главным образом, новая прусская или пангерманская держава.

Наконец, поскольку гражданин Ж.Ф. Беккер в этом пункте, как и во всем остальном, в соответствии с особой программой социал-демократов Германии требовал восстановления независимой и свободной Польши не с точки зрения естественного и человеческого права, которое она бесспорно разделяет со всеми народами земли, права организовываться и жить так, как она это понимает, но ради барьера, который он считает нужным воздвигнуть, чтобы защитить западную цивилизацию от вторжения русского варварства. Мне кажется, что его долгом было бы предупредить свою аудиторию, менее сведущую, чем он в знании дел, равно как политических и дипломатических отношений Германии, что чтобы воздвигнуть этот барьер, нужно было вначале проехать по телу Пруссии. Я не осмеливаюсь полагать, что ему не известно, что Пруссия не может соглашаться и никогда добровольно не согласится на восстановление Польши. Подобная наивность позовительна Боркхаймам; но она не допустима для человека, съевшего собаку на опыте прусско-германского либерализма. И так как он должен понимать, что ничто не может быть столь опасным для дела пролетариата, которому он служит столь давно с бесподобной самоотверженностью, как иллюзии и ошибки в расчетах - неизбежные следствия игнорирования явлений и фактов, он, будучи столь образованным, должен был бы, как мне кажется, проявить предупредительность, чтобы показать и дать понять делегатам немецких стран, что для освобождения Польши, прежде чем объявить войну России, нужно будет объявить ее Пруссии, победить и уничтожить ее грозную армию и одновременно победить немецкую буржуазию, с некоторых пор привязанную и своей выгодой, и всеми своими пристрастиями к Пруссии; одним словом, для освобождения Польши нужно будет произвести социальную революцию.

Гражданин Ж.Ф. Беккер знает это лучше, чем кто-либо, и если он этого не сказал, то лишь потому, что ему, вероятно, помешала необходимость защищать гиблое дело. Эта необходимость вовлекла его в странные противоречия. Так, проголосовав со всем конгрессом за необходимость отмены постоянных армий как самого большого препятствия освобождению пролетариата, он заявил, что «невозможно упразднить постоянные армии в Европе, пока Польша не будет восстановлена». Тогда кем восстановлена? Постоянными армиями Европы, Германии, Пруссии? Но известен ли гражданину Ж.Ф. Беккеру дух, движущий всеми без исключения постоянными армиями Европы, и, в особенности, армией Германии? Был ли он настолько слеп, чтобы совершенно не видеть, что они составляют сегодня, вместе с монополией на финансовую эксплуатацию, всю силу, единственный смысл существования, реальную суть великих despoticеских государств? И именно посредством этих армий он хочет восстановить независимую и свободную Польшу, да еще «организованную на социальных и демократических началах»,

как того требует текст Генерального совета в Лондоне! Но подобная надежда, это уже не иллюзия, это безумие!

Она была бы, действительно, безумием, если бы это не была патриотическая уловка. Надо было любой ценой отвлечь общественное внимание от недавних завоеваний Пруссии и успокоить тревоги, усыпить враждебность, которые неслыханное продвижение этой новой германской державы, едва родившейся и уже столь громадной и угрожающей, не могли не спровоцировать во всех странах Европы. Признавая ее неприятные стороны и варварские проявления, которые, впрочем, довольно трудно отрицать, настолько они были явными и циничными, они хотели найти ей извинения и узаконить, по крайней мере, ее, так сказать, переходную необходимость, представляя ее как единственно способную остановить постепенные завоевания бесконечно более варварской державы - России. Таким образом, это прусско-германское полуварварство рекомендовали как средство, без сомнения очень горькое, отвратительное, но спасительное от полного варварства московской империи. Новая прусско-германская империя представлялась, таким образом, как необходимое зло.

То, что немецкие патриоты всегда забывали нам показать, так это ту силу и средства, которыми, как им кажется, они могут располагать, чтобы вынудить германизированную Пруссию или скорее пруссифицированную Германию обернуться именно против России, во благо европейской цивилизации, и чтобы помешать ей повернуться, наоборот, против либеральной, демократической, социалистической Европы, ради военного и бюрократического кнутово-германизма, первым представителем которого в Европе была до 1871 года Российская империя, но которая сегодня лишь вторая; первое, почетное место инициатора всех реакционных предприятий против Западной Европы, бесспорно, принадлежит сегодня пруссифицированной Германии.

Этих средств и этой силы у социал-патриотов Германии нет. Но они о них мечтают. Я позже расскажу о прекрасном способе пропаганды и действий, который они изобрели и который называют законной политической агитацией. В научной экономике новой империи она играет важную роль предохранительного клапана, но они ждут от нее чудес. До настоящего времени все это привело лишь к нескольким красивым, но бесплодным речам пророков в пустыне, произнесенных двумя или тремя депутатами-социалистами, утонувшими в буржуазной массе национального парламента. Все это время панславистская Россия и пангерманская Пруссия, нежно слившись в реакционных объятиях, мало говорят и много делают.

Пусть не говорят, что, будучи сам русским патриотом, я стараюсь, в свою очередь, привлечь внимание трудящихся Западной Европы к честолюбивым и гибельным проектам новой империи, буржуазной цивилизаторской Германии, с единственной целью отвлечь его от весьма реальных и серьезных опасностей, которыми деспотичное варварство царей со всей очевидностью угрожает сегодня делу освобождения человечества и зарождающейся цивилизации народных масс - единственному, чему можно, по здравом рассуждении, поклоняться, - но которую добрые буржуа всех стран Европы, столь же напуганные, сколь возмущенные этим одновременным пробуждением черни, до сих пор их смиренной и покорной кормилицы, любят называть революционным варварством невежественной толпы, безумно и мятеожно взбунтовавшейся.

Мое намерение вовсе не таково. Я не стал бы, впрочем, оправдываться перед самим собой, поскольку с тех пор, как я сделал свой первый шаг в общественной жизни, то есть с 1842 года и до сего часа, в течение 30 лет непрерывной деятельности в лоне революционного социализма, я не упускал ни одного случая протестовать всей силой

своего разума и сердца против российской державы, против московской империи и срывать маску со всех ее жестокостей и мерзостей, как внутренних, так и внешних, представляя их всегда, в соответствии с исторической истиной, не как случайные или произвольные действия тех или иных личностей: царей, министров и других крупных или мелких военных, гражданских либо церковных государственных чиновников, но как фатальные следствия всей системы, как неизбежность, присущую самому принципу этой чудовищной империи. В 1848 году, как на первом славянском конгрессе, который собрался в июне в Праге, и я горжусь тем, что принял в нем участие, так и в брошюре, которую я опубликовал в октябре, в то время как Вена была осаждена генералом князем Виндишгрецем, расстрелявшим из орудий Прагу, я сделал все возможное, чтобы внушиТЬ австрийским славянам, что они окончательно похоронят свое столь справедливое дело, если попытаются взять ему в помощники московскую державу, и что у этого дела - реального освобождения народных масс, соединенного с требованием их национальной автономии, не было более ожесточенного, более жестокого, более опасного врага, чем Российская империя.

Мне было не трудно доказать им это, указав на пример Малороссии и Польши; первая по своей воле встала под защиту московских царей; вторая истерзана и порабощена с согласия двух великих германских держав той славянской державой, что называет себя защитницей славян; и та, и другая в равной степени доведены сейчас до столь опустившегося, столь ничтожного состояния, которое трудно представимо даже в славянских странах, находящихся под игом немцев или турок. Я привел им, наконец, пример самой Великороссии, где все то, что составляет достоинство, право, жизнь и благополучие наций, с самого начала отдано на грубый и алчный произвол бесстыжей бюрократии и систематически приносится в жертву главной заботе и, образно говоря, религии империи: всесилию царя как внутри, так и вне страны.

Уже тогда, не останавливаясь на бесплодных и всегда напрасных обвинениях против личностей, более или менее представляющих эту державу, я стремился, главным образом, доказать, что зло и преступления, которые проявляются и позорят политическое существование империи, присущи самому принципу государства, и что для освобождения славянских или неславянских народов, стонущих под ярмом царей, нет никакого иного средства, кроме роспуска империи. Я добавлял, что, пока эта империя существует, русские, вынужденные союзники немецкой политики, неизбежно будут не братьями, а врагами славян. Пока она будет стоять, говорил я, вы всегда увидите ее на стороне двух великих германских держав, Австрии и Пруссии, ее неразлучных подруг и сообщниц, всегда плетущих заговоры и всегда действующих заодно против свободы славянских или неславянских народов.

Как следствие, я посоветовал австрийским славянам отринуть как опасных обманщиков или предателей пропагандистов московского панславизма, как и нового австрийского славизма, изобретенного или по крайней мере публично представленного в тот же год чешским историком, доктором Палацким, сторонниками которого были Ригеры, Браунеры, Туны и разные другие политические эквилибристы, о которых мне уже представился случай выразить свое мнение выше. Я им посоветовал принять полностью, исключая все иное, принцип народной, социальной и демократической революции, и, забыв обо всех исторических претензиях, изгнав из своих сердец глупые расовые предубеждения, протянуть братскую руку революционерам Германии и Венгрии, которые, со своей стороны, отбросив все мысли о господстве, искренне признали бы неоспоримое право славян на автономное существование. В конце я завершил свою брошюру

заявлением о моем глубоком убеждении, что освобождение славянских, немецких, венгерских, итальянских народов может произойти, а их свободные федерации могут создаться только на руинах российской, австрийской, прусской и турецкой империй.

Такой была брошюра¹, г-на Бакунина, ставшая основанием для обвинений, брошенных мне в 1868 году тем самым господином Боркхеймом, которого я, не без причины, назвал исполнителем возвышенных сочинений и распространителем не столько мыслей, сколько личной злопамятности гражданина К. Маркса. В серии статей, опубликованных в берлинском «Zukunft»² - тогда главном органе буржуазной демократии на севере Германии, учредителем или главным редактором которого был доктор Якоби из Кенигсберга, - господин Боркхейм, вооружившись всем тем арсеналом глупостей, гадкой злобы и грязи, на которые он, кажется, имеет монополию, атаковал меня с пылкой яростью. Его статьи, полные гнусных и нелепых намеков, были настолько лишены здравого смысла, были столь бессвязными, столь глупыми, что, пробежав их дважды, я в них почти ничего не понял. Одно было очевидно: он обвинял меня в панславизме, цитируя при этом без разбора фразы, вырванные из брошюры, полностью направленной против панславизма. Невозможно было поверить своим глазам. Но такова добросовестность этих личностей, лишенных рассудка и нравственного сознания. Клевета, глупая и циничная ложь составляет их силу... Опустим это.

Эти глупые обвинения в панславизме с тех пор были повторены против меня многими другими немецкими и даже швейцарскими газетами, несомненно благодаря тому еврейскому франкмасонству, о котором я говорил выше, и которое почти безраздельно царит сегодня в немецкой журналистике. Я не думал, что должен был отвечать на эту столь же грязную, как и глупую ругань. С грязью не полемизируют. Но обнаружив все ту же клевету в форме вопроса в главном органе рабочей социал-демократии Германии, который тогда, не став еще полностью социалистическим, и являясь, по крайней мере частично, органом буржуазной демократии, носил название «Demokratisches Wochenblatt»³, а позже взял имя «Volksstaat» -»Фольксштат»⁴, - очень серьезный листок, который тогда еще не позорил себя, становясь рупором Боркхайма, - я понял, что должен, наконец, на это ответить, и я, действительно, сделал это в речи о русском вопросе, которую я произнес на втором конгрессе Лиги Мира и Свободы, который собрался в Берне в сентябре 1868 года.

Да будет мне позволено воспроизвести сегодня ее заключительную часть⁵:

«Позвольте мне, господа, добавить к этой столь длинной речи, последнее замечание. Примерно год тому назад одна немецкая демократическая газета, издаваемая в Лейпциге, обращаясь ко всей русской демократической эмиграции, упомянув меня среди других имен, поставила нам следующий вопрос: «Вы называете себя демократами, социалистами, заклятыми врагами вашего правительства, но скажите нам, каковы ваши чувства, ваши мысли по отношению к намерениям вашей империи? Ненавидите ли вы так же, как и мы сами порабощение Польши, Черкесии, Финляндии, провинций Балтии, ваши недавние завоевания в Бухаре и ваши проекты завоеваний в Турции?»

¹ Призыв к славянам (Призыв к немцам), 1849 г., Лейпциг.

² «Будущее».

³ Еженедельный демократический листок.

⁴ Государство народа.

⁵ Эта речь, которую можно, впрочем, обнаружить в официальных материалах этого конгресса, была отдельно опубликована под следующим названием: «Речи, произнесенные на Конгрессе Мира и Свободы в Берне (1868 г.)» господами Мрочковским и Бакуниным. - Женева. 1869.

На этот вопрос, впрочем, вполне законный, я не счел необходимым ответить тогда; я отвечу на него сегодня. После того, что я только что сказал с этой трибуны, ответ будет прост. Впрочем, для всех порядочных людей он должен вытекать из речи, которую я произнес год тому назад на Женевском конгрессе. Так как мы хотим действительного и полного разрушения империи, мы можем только ненавидеть ее намерения, и, следовательно, также все завоевания, как на севере, так и на юге, как на востоке, так и на западе империи, и я полагаю в общем, что народу не может выпасть более крупного счастья, чем поражение русских императорских армий от какого бы то ни было внешнего или внутреннего врага. Вот что касается главного принципа.

Теперь, отмечая несколько деталей и начиная с севера, я скажу: «Я желаю, чтобы Финляндия стала полностью независимой, полностью свободной организоваться так, как она того пожелает и вступить в союз с тем, с кем она захочет». Я говорю то же самое от всего сердца по отношению к провинциям Балтии. Добавлю только небольшое замечание, которое мне кажется необходимым, поскольку многие из немецких патриотов, и даже немецких республиканцев и социалистов, когда речь заходит о международной справедливости, как мне кажется, имеют два типа мер и весов: один для них самих, другой для иностранных наций, так, что зачастую то, что им кажется законным и справедливым, когда это делается для германской державы, становится в их глазах отвратительным, как только это на пользу иностранной державе.

Возьмем, господа, следующий пример: пусть немецкая страна, завоеванная иностранной державой, французами, например, оказалась сегодня в следующем положении: скажем, тринадцать четырнадцатых жителей этой страны - масса населения - остались чистыми немцами, и только четырнадцатая часть - горстка завоевателей и господ, дворянский или буржуазный привилегированный класс - стал французским. Я прошу задающих нам вопросы немцев ответить мне искренне, положа руку на сердце: эта страна, будет ли она считаться для них немецкой или французской? Я отвечу за них: без всякого сомнения, она не перестанет быть немецкой в их глазах. Она будет немецкой прежде всего из-за огромного немецкого большинства населения; немецкой также потому, что это большинство составляет угнетаемую, эксплуатируемую, производительную массу, народ тружеников, и потому что будущее, так же как их симпатии¹ и их чувство справедливости - на стороне трудящихся. Так вот, это в точности положение в провинциях Балтии. Откройте Кольба, великого статистика, которым гордится Германия, и вы увидите, что во всех провинциях Балтии, включая Санкт-Петербургскую губернию, насчитывается лишь двести тысяч немцев². Ровно четырнадцатая часть населения.

А теперь посмотрим, из каких элементов состоит это ничтожно малое немецкое меньшинство? Прежде всего, это дворянские потомки тех набожных крестоносцев Ливонии, которые, с благословения пап, ради добычи чужого добра под религиозным предлогом подвергли огню и мечу эту несчастную страну. Кто они сегодня? Самые высокомерные вельможи по отношению к народу, который они продолжают эксплуатировать, и самые услужливые и преданные слуги санкт-петербургского императора. Если наши друзья, немецкие демократы, хотят их забрать, если они думают, что дворы королевского дворца в Берлине недостаточно заполнены померанскими юнкерами, пусть их забирают! Затем, это пасторы лютеранской конфессии: самое, что есть неподвижное,

¹ Примечание Бакунина: «я в этом ни секунды не сомневаюсь».

² Кольб насчитывает только шестьсот тысяч немцев.

одеревенелое и ортодоксальное в протестантизме. Они - самые любезные слуги земельных вельмож, ради блага которых они стараются убить или обездвижить сознание несчастных латышских или финских крестьян. Наши немецкие друзья, хотят ли они, принимая их в подарок, увеличить число своих собственных наемных попечителей народного невежества? Наконец, остается буржуазия. И видит Бог, она не лучше и не хуже, чем мелкая, средняя и крупная буржуазия городов Германии; зарабатывая на жизнь своим трудом, или же эксплуатируя, когда возможно, но без слишком большой злобы, труд других, она - верноподданный российских императоров, и она останется таковой для всех других правителей, которые захотят навязать ей свою власть. В какой-то момент она, действительно, может возражать своим хозяевам, но она не восстанет никогда. Так как рассуждать и всегда повиноваться - вот ее миссия на земле.

Все остальное население - два миллиона шестьсот тысяч против двухсот тысяч - финское или латышское, то есть абсолютно чуждо немецкой национальности; даже более, чем чуждо - враждебное, так как нет имени, более отвратительного для этого народа, чем имя немцев. И в этом нет ничего сверхъестественного: разве раб любил когда-нибудь своего мучителя и своего хозяина? Я сам слышал однажды от крестьянина Ливонии: «Мы будем ждать момента, когда сможем вымостить рижский тракт черепами немцев».

Вот, господа, страна, которую германские газеты представляют вам как немецкую. Является ли она от этого русской? Нет, ничуть. Будучи вначале немецкой, затем русской по праву завоевания, то есть через жестокую несправедливость, нарушение человеческого или естественного права, она по природе, инстинктам и воле своих жителей ни русская, ни немецкая, она финская и латышская. Чем она станет в будущем, к какой национальной группе она сама захочет примкнуть? Кто его знает? Что точно, и что ни один искренний и серьезный демократ, будь то русский или немец, не осмелится отрицать, это ее неоспоримое право располагать самой собой, независимо от желания тех двухсот тысяч немцев, которые ее угнетали, угнетают и которых она ненавидит, независимо от великой германской конфедерации севера, так же, как и всероссийской империи.

Перейдем теперь к Польше. Вопрос мне кажется также простым, коль скоро мы хотим его разрешить с единственной точки зрения - справедливости и свободы: все народы, все страны, которые захотят принадлежать новой Польской конфедерации, будут польскими; все те, кого это не интересует, ими не будут. Русинское население Белоруссии, Литвы и Галиции объединится с кем захочет, и никто не сможет определить сегодня его будущую волю. Самым вероятным и самым желательным мне представляется то, чтобы Малороссия образовала с ним вначале национальную федерацию, столь же независимую от Великороссии, как и от Польши.

Наконец, сама Великороссия, этот народ с тридцатью пятью миллионами жителей, останется ли он политически централизованным, как сегодня? Это ни желательно, ни вероятно. Централизация тридцати пяти миллионов жителей никогда не сможет стать свободной внутри, мирной и справедливой снаружи. Великороссия, как и все другие славянские и неславянские нации, следя основному течению века, которое настойчиво требует распуска всех больших и малых политических центров власти, всех чисто политических институтов или организаций, и образования новых социальных групп на базе объединившегося труда, чтобы прийти позже ко всемирному товариществу, - Великороссия, как и все другие страны, которых коснется перст социальной и демократи-

ческой Революции, начнет с самороспуска как политического государства, чтобы свободно преобразоваться снизу доверху и от окраин к центру в соответствии со своими нуждами, своими инстинктами, своими привязанностями и своими интересами, как индивидуальными, так и коллективными и местными на этой самой базе, которая является единственной, на которой могла бы основываться подлинная справедливость и реальная свобода.

Наконец, чтобы подвести итог, я повторю энергично: да, мы хотим решительного роспуска всероссийской империи, полного уничтожения ее мощи и ее существования. Мы хотим этого как в силу человеческой справедливости, так и патриотизма.

И теперь, когда я довольно ясно объяснился таким образом, который, как мне кажется, не оставляет места никакой двусмысленности, пусть мне будет позволено задать один вопрос нашим немецким друзьям, ставящим свои вопросы.

В своей любви к справедливости и свободе, хотят ли они отказаться от всех польских провинций, каким бы ни было их географическое положение и их стратегическая или коммерческая полезность для Германии, хотят ли они отказаться от всех польских краев, население которых не собирается быть немецким? Хотят ли они отказаться от своих так называемых исторических прав на всю ту часть Богемии, которую немцы не сумели германизировать теми милыми историческими средствами, иезуитскими и безжалостно деспотическими, которые нам известны, на ту страну, где живут моравы, силезцы и чехи, и где, увы, не слишком законную ненависть к немецкому господству невозможно отрицать? Хотят ли они отвергнуть во имя справедливости и свободы честолюбивую политику Пруссии, которая, во имя морских и коммерческих потребностей Германии, хочет силой включить датское население Шлезвига в Великую германскую конфедерацию Севера? Хотят ли они прекратить требовать, во имя тех же самых коммерческих и морских потребностей, город Триест, который скорее славянский, чем итальянский и гораздо более итальянский, чем немецкий? Одним словом, хотят ли они отказаться, со своей стороны, как они того требуют от других, от всякой государственной политики, и принять на себя, как другие, все условия, равно как и все обязанности справедливости и свободы? Хотят ли они принять со всей искренностью и во всех своих приложениях следующие принципы, - единственные, которые могли бы обеспечить возможность мира и международной справедливости:

1. Отмена всего того, что называется политическим правом и политическими договоренностями государств, во имя высшего права всех народов, малых и больших, слабых и сильных, равно как всех личностей, располагать самими собой с полной свободой, не взирая на потребности и претензии государств, и не имея иного ограничения этой свободы, чем право равное праву других;

2. Отмена всех постоянных договоров между личностями, равно как между всеми коллективными объединениями, ассоциациями, провинциями или нациями; что означает признание за любым населением, даже свободно присоединившимся к другому, права разорвать этот договор, выполнив все предусмотренные им временные и ограниченные обязательства. Это право основано на принципе - существенном условии реальной свободы, - что прошлое не должно связывать настояще, как и настоящее никогда не может обязывать будущее, и что суверенное право всегда находится у живущих поколений;

3. Признание права на отделение для личностей, равно как для ассоциаций, коммун, провинций и наций при том единственном условии, чтобы новым союзом с враждебной и иностранной державой выходящая часть не подвергала опасности независимость и свободу оставляемой ею части.

Вот подлинные, единственные условия справедливости и свободы. Наши немецкие друзья, хотят ли они принять их так же искренне, как принимаем их мы? Проще говоря, хотят ли они, как и мы, отмены государства, всех государств?

В этом, господа, весь вопрос. Кто говорит государство, говорит насилие, угнетение, эксплуатация, несправедливость, возведенные в систему и ставшие потому фундаментальными условиями существования самого общества. Государство, господа, никогда не имело и не может иметь нравственности. Его мораль - своя собственная справедливость, то есть высший интерес своего сохранения и всемогущества, цель, перед которой должно склониться все человеческое. Государство - это само отрицание человечества. Он является им вдвойне: и как противоположность человеческой свободе и справедливости, и как насильственное препятствие всемирной солидарности рода человеческого. Всемирное государство, которое неоднократно пытались построить, каждый раз оказывалось невозможным, поскольку если существует государство, всегда будут государства; и каждое из них, представляя себя как абсолютную цель, устанавливает культ своего существования как высший закон, исключающий все другие. Из этого следует, что само существование государств предполагает постоянную войну, насильственное отрицание человечества. Любое государство должно завоевывать или быть завоеванным. Любое государство должно основывать свою силу на слабости и, если оно может это сделать без риска для себя самого, на уничтожении других государств.

Господа, желать того, что хочет этот конгресс, желать установить международную справедливость, свободу и вечный мир, и хотеть одновременно сохранения государств, было бы, на наш взгляд, нелепым противоречием и наивностью. Заставить государства изменить свою природу невозможно, потому что именно вследствие этой природы они - государства, и они не могут от нее отказаться, не перестав существовать. Следовательно, господа, нет и не может быть хороших, справедливых, добродетельных государств. Все государства плохи в этом смысле, поскольку по своей природе, то есть в своей основе, по условиям и высшей цели своего существования, они полностью противоположны человеческой справедливости, свободе и морали. И в этом отношении, что бы об этом ни говорили, нет большой разницы между дикой всероссийской империей и самым цивилизованным государством Европы. Знаете ли вы, в чем эта разница состоит? Царская империя делает цинично то, что другие делают лицемерно. Царская империя, со своим откровенным despoticism и пренебрежительным к человечеству образом действий - идеальное тайное знание, к которому тянутся и которым восхищаются все государственные люди. Все государства Европы делают то же, что и она, насколько общественное мнение и, главным образом, новая, но уже мощная солидарность рабочих масс Европы - все то, что содержит ростки разрушения государств, - это позволяют. Среди государств, господа, добродетельными бывают только бессильные государства. Но и при этом они весьма преступны в своих мечтах.

Я заключаю: кто хочет вместе с нами установления свободы, справедливости и мира, кто хочет триумфа человечества, кто хочет решительного и полного освобождения народных масс, должен желать, как и мы, растворения всех государств во всемирной федерации свободных производственных товариществ всех стран».¹

Я, полагаю, достаточно сказал, чтобы доказать, что я не панславист, и что я никогда не прекращал бороться с панславизмом, врагом которого я являюсь больше, чем кто-либо. Но в то же самое время и по тем же причинам я - враг пангерманизма, и вот это то, что граждане социал-демократы Германии не хотят и не могут мне простить.

Пангерманизм и панславизм в моих глазах - два монстра, одинаково вредных для свободы, мира, освобождения рабочих масс и человеческой цивилизации Европы. Вечные противники, постоянно сталкивающиеся в ожесточенной борьбе, подобно церкви и государству, они неотделимы, и, как и они, будучи не в силах уничтожить друг друга, они взаимно провоцируют, узаконивают, порождают,увековечивают свое существование.

Пролетариат Европы не может оставаться зрителем, безразличным к этому двойному существованию, к этому двойному действию, на внешний вид противоположному, но в действительности идентичному, ставшему солидарным благодаря сходству цели - порабощения мира либо германизированным монгольским игом Санкт-Петербурга, либо монголизированным германским игом Берлина, направленными сегодня, главным образом, против освобождения пролетариата.

Таким образом, германо-славянский вопрос интересует все Международное Товарищество Рабочих в наивысшей степени. Он интересует его как в настоящем, так и в будущем. Поскольку это товарищество вовсе не академия, а весьма практическое сообщество, преследующее прежде всего практическую цель: реальное, а не только идеальное или духовное освобождение пролетариата. Но кто бы ни стремился к осуществлению практической цели, он не может остаться безразличным к реальным условиям среды, к которым он должен неизбежно приспособливать свое действие, чтобы не сделать свои усилия немощными и бесплодными.

Эта необходимость приспособливать свое действие к существующим условиям среды придает Интернационалу политический характер, направленность и цель.

«Вот, - скажут наши противники, - наконец-то и вы сами признаете, что Интернационал никогда не должен отделять экономический вопрос от политического». Да, несомненно, мы это признаем, и, более того, мы этого никогда не недооценивали. Это неправда, и позвольте вам это сказать, это неслыханная злонамеренность - обвинять нас в том, что мы абстрагировались от политики. То, что мы всегда отвергали и то, что продолжаем энергично отвергать сегодня, это не политику вообще, а вашу политику социалистов-буржуза, социалистов-патриотов и социалистов-государственных деятелей, политику, которая, как неизбежное следствие, всегда ставит пролетариат в хвост буржуазии.

Между вашей и нашей политикой, действительно, пропасть. Ваша политика позитивная, наша - полностью негативная. Вы хотите любой ценой, вдохновленные либо честолюбивыми или корыстными соображениями, либо вашими доктринерскими теориями, сохранить государство, этот первый и последний окон всех эксплуататоров народного труда, эту тюрьму и извечный работный дом, который, неся на своем фасаде эти два роковых и обманчивых слова: религия и родина, под предлогом того и другого

¹ Примечание Бакунина: Речи, произнесенные на Конгрессе Мира и Свободы в Берне (1868 г.) господами Мрочковским и Бакунином; Женева, изд. Чернецкого 1869. (стр. 17-23.)

всегда душил развитие народной жизни и приговорил миллионы обездоленных влачить опустившееся, рабское, нищенское существование ради высшей цивилизации, свободы и благополучия нескольких привилегированных меньшинств. Позитивные политики, радикалы взявшись за социализм, доктринерские и авторитарные коммунисты или государственные социалисты, вы не хотите разрушить эту тюрьму; вы хотите ее только реформировать, улучшить ее конституционными средствами и тем, что именно вы называете законной агитацией; вы хотите лишь ее расширить, и воображаете, что, когда вы вырежете на ее фасаде, вместо отныне пустых слов «религия» и «политическая родина», два других таких же обманчивых слова: народное государство, вы превратите ее в сносное и удобное жилище для народных масс, которые останутся там заключенными и лишенными всего, как и сейчас, в своей прежней тюрьме! И, удивительная вещь! Вы претендуете на то, что народ предложит вам свою сильную руку, чтобы воздвигнуть эту новую тюрьму для себя самого!

Итак, мы не разделяем ни ваших надежд, ни ваших желаний, ни ваших расчетов, ни ваших иллюзий! Мы считаем, что народным массам всех стран Европы, не исключая славян, и любому из народов, заключенных сейчас в этой злополучной всероссийской империи, надоело их вечное заточение, и что они больше не хотят ни руководящих тюремщиков, ни благодетелей, никакой-либо тюрьмы. Мы видим, как повсюду они требуют себе свободы, яркого солнца, свежего воздуха; и вместе с ними, в противоположность вам, мы во весь голос требуем не реформы, но уничтожения всех тюрем: отмены государства, всех государств. Такова единственная цель политики Интернационала, так как мы ее понимаем, так как ее чувствует и требует инстинкт пролетариата всех стран, не исключая, разумеется, пролетариат Германии. Как вы прекрасно видите, это исключительно негативная политика и, если я осмелюсь так выразиться, это политика уничтожения, а не политической перестройки; это всемирное разрушение политического мира, то есть всей организованной системы господства и эксплуатации.

В этом смысле, но только в этом смысле, мы никогда не прекращали рекомендовать Интернационалу уделять большое внимание политическому вопросу.¹

Существование государства, исторического института, неотделимого от церкви, которая представляет божественную власть и то, что называют духовной властью на земле, лишь временной реализацией которой является государство; института, который уже по этой причине никогда не имел и не может иметь иной цели, чем освящение, гарантия и правильная организация права на завоевание, с одной стороны, и экономических привилегий с другой, то есть абсолютное и непосредственное отрицание человеческих прав и свобод; существование государства, очевидно, несовместимо с осуществлением цели, которую ставит себе Международное Товарищество Рабочих, и которая является ничем другим, как освобождением пролетариата; отсюда ясно, что это великое Товарищество, если не хочет обречь себя на безнадежную никчемность или стать лишь академией бессильных мечтателей, как эта жалкая буржуазная Лига Мира и Свободы, должно приложить все свои усилия, не только теоретические, но и практические, прежде всего к достижению единственной цели: уничтожению государства, государств.

Вот в каком смысле, не «завоевания политической власти», как того требует гражданин К. Маркс в составленном им манифесте, а уничтожения этой власти во всех ее возможных формах и проявлениях, вот смысл, в котором мы тоже готовы подписаться

¹ Стала органом интриганской и реакционной клики, доминирующей, к несчастью, сегодня в Интернационале Женевы. Эти статьи были воспроизведены «Интернационалом».

под статьей программы социал-демократической партии немецких рабочих, которая декларирует, что политическое освобождение - предварительное условие или, согласно новой версии, обязано сопровождать экономическое освобождение. Да, мы также всегда понимали, что пока существуют все эти теологические или метафизические, политические и юридические институты, совокупность которых составляет буржуазную цивилизацию, и которые, основываясь единственно на экономической несправедливости, имеют целью защитить и продлить до бесконечности ее существование, все усилия пролетариата завоевать свои права человека, осуществить свободу, равенство, справедливость, останутся напрасными. Они могут мечтать, дискутировать, желать их, но не получить. Если они хотят их осуществления, они должны прежде всего расчистить дорогу от всех тех препятствий, которые мешают абсолютно любому действию, кроме одного: сорганизоваться, чтобы сплотить силу, способную разрушить препятствия.

Но когда хотят создать силу, прежде всего определяют ее цель; так как от сути этой цели в решающей степени зависит способ и сама природа ее организации! И именно здесь мы кардинально расходимся с социал-демократами Германии. Будучи прежде всего социал-патриотами и политическими деятелями, они хотят руками немецкого народа создать новое великое германское республиканское и, так сказать, народное государство, что означает, по нашему мнению, намерение воздвигнуть новую тюрьму для немецкого народа и крепость, угрожающую свободе всех соседних народов. А мы хотим уничтожения всех этих тюрем-крепостей, исчезновения всех политических родин в братском союзе, свободной федерации народов, скинувших ярмо государств. Их позитивной политике, мы противопоставляем нашу негативную политику, политику ликвидации государств.

Поскольку поставленные нами цели столь отличаются, организация, которую мы рекомендуем рабочим массам, должна существенно отличаться от их. Желая не уничтожения, а трансформации государства, то есть преследуя политически позитивную цель, они должны стать союзниками политических классов, естественно, наиболее прогрессивных, но буржуазных. Но каждый раз, когда рабочие товарищества становятся союзниками политики буржуазии, волей-неволей, они не могут стать ничем иным, как ее инструментом. Именно так группы секций интернационала в Женеве и Цюрихе, которые приняли, как известно, программу социал-демократов Германии, явно стали сегодня инструментами буржуазного радикализма.

Мы полагаем, что это печальное заблуждение. Мы считаем, что для пролетариата главный и можно даже сказать единственный враг - буржуазная эксплуатация, само государство со всей своей репрессивной и гнетущей мощью, и в какой бы форме оно ни существовало, оно не является сегодня больше ничем иным, как следствием и, одновременно, гарантией этой эксплуатации; мы считаем, что пролетариат должен искать основы своей силы исключительно в самом себе, и что он должен сплотить ее, совершенно исключая буржуазию, против нее и против государства, совершенно справедливо рассматриваемого ею, как последнее и самое сильное средство своего спасения. Когда мы говорим о необходимости абсолютного исключения буржуазного элемента, любого влияния и союза с буржуазией, организации новой силы пролетариата, мы подразумеваем под этим исключение буржуазии как класса, как любой буржуазной мысли и политики, а не как исключение убежденных и преданных личностей, которые, хотя и рождены и воспитаны в буржуазной среде, отворачиваются от своего класса и, порывая с его корыстью, тщеславием и сознанием, отдают свою душу и тело делу пролетариата,

отождествляясь с его чаяниями, разделяя его законные чувства и принимая всю его программу, которая, одновременно, является программой будущего. Эти личности ценные уже по причине своей подготовки и понимания буржуазной политики, которые они приносят - не политику, а необходимое понимание ее - в рабочие массы. В Италии, например, как я уже говорил, сейчас имеется большое число искренних добровольцев, вышедших из буржуазного класса, которые стали горячими, искренними, отважными и неутомимыми пропагандистами принципов Интернационала, которому они оказывают неоценимую услугу. Без них было бы чрезвычайно трудно, если не невозможно, создавать секции интернационала в Италии. Не то, чтобы народной стихии и инстинктов там не хватает; они там, напротив, шире развиты, чем в других странах Западной Европы. Но познания итальянского пролетариата крайне слабы, и итальянские рабочие, привыкшие, чтобы их вели буржуазные руководители, не приучены еще к инициативе. Они не преминут скоро взять ее в свои руки, я в этом уверен, и тогда задача и роль буржуазных революционных социалистов Италии сводится к более скромным пропорциям. Но в настоящее время их инициатива еще необходима, и, ограничивая ее, мы причинили бы большой ущерб развитию Интернационала в этой стране.

На Женевском конгрессе был целый небольшой отряд делегатов, в большинстве своем французов и, главным образом, парижан, которые с большой настойчивостью требовали исключения, вначале абсолютного, а позднее, чувствуя свое поражение на этом поле, по крайней мере относительного, всех буржуазных личностей, тех, кого они называли работниками умственного труда, из Международного Товарищества.

Это неблагородное, несправедливое предложение, внущенное столь же малодушным, сколь мелким чувством недоверия, совершенно несоответствующим величию цели, которую Международное Товарищество Рабочих поставило себе с самого начала: освобождению не какого-то класса, а всего человечества; у этого предложения, сделанного парижской делегацией на Женевском конгрессе, было, в некотором роде, оправдание - печальный опыт прошлого, в основном, французского пролетариата, вера которого в демократические обещания буржуазного радикализма была столь жестоко предана в июне 1848 года и позднее. Но оно одновременно проявило в этих представителях парижского пролетариата серьезное неверие в возможности, рассудок и силу духа того рабочего класса, от имени которого они говорили. Господа Толен и Фрибур, сегодня оба - ренегаты Интернационала, бывшие на Женевском конгрессе главными инициаторами и защитниками злополучного предложения, довели выражение этого недоверия до презрения, оба противопоставив себя невежественной толпе, как истинные аристократы мысли, то есть как буржуа. Среди многих прочих аргументов, господин Фрибур выразил, например, такое опасение, «что в один прекрасный день может произойти, что Конгресс рабочих будет состоять большей частью из экономистов, журналистов, адвокатов, хозяев, и т.д., нелепая вещь, которая похоронит Товарищество»¹. Но он не подумал, что для того, чтобы этот действительно катастрофический факт мог бы иметь место, нужно, чтобы пролетариат Франции и целой Европы оказался бы в совсем прискорбном состоянии интеллектуальной и духовной ничтожности. Но если бы таковым его состояние было в действительности, - а оно именно таково в ярких мыслях и сознании господ Фрибура и Толена - для чего ему нужны были бы конгрессы, и не было бы ему безразлично, кто его там представляет, буржуа по рождению или по своим претензиям и духу, как они?

¹ Материалы конгресса Межд. Тов. Рабочих - и т.д., Женева, 1866.

Однако дело в том, что в рабочем классе существует небольшое число рабочих полулитераторов, претенциозных, тщеславных, честолюбивых, которых по справедливости можно было бы назвать рабочими-буржуа. Они любят представлять себя руководителями, чем-то вроде государственных деятелей от рабочих товариществ, и понятно, что они боятся состязания с теми, кто вышел из класса буржуазии, часто более преданными, скромными и менее честолюбивыми, чем они сами, теми, кто мог бы, даже не желая того, заслонить и уничтожить их превосходством своей подготовки. Я всегда видел, что этот протест против допуска искренне преданных буржуа исходил не из рабочей массы, которая, сознавая свою силу, не предается столь мелочным опасениям, но как раз от этих претенциозных и честолюбивых руководителей, которые, скрывая под рабочей блузой вовсе не социалистические намерения и охотно предаваясь любым интригам буржуазной политики, слишком часто становятся только подстрекателями реакции.

Отступничество господ Толена и Фрибура тому поразительный пример.

Есть только одно средство положить конец всем амбициозным поискам внутри Интернационала: сделать так, чтобы вообще не было руководства.

Уничтожение государства - такова политическая цель Интернационала, осуществление которой есть предварительное условие или необходимое сопровождение экономического освобождения пролетариата. Но эта цель не может быть достигнута сразу; так как в истории, как и в физической природе, ничто не создается сразу. Даже самые внезапные, неожиданные и наиболее радикальные революции всегда подготавливались длительным трудом разложения старого и формирования нового, работы подспудной или видимой, но никогда не прерывавшейся и постоянно возраставшей. Таким образом, для Интернационала тоже, речь не идет о том, чтобы разрушить с сегодня на завтра все государства. Предпринять это или даже мечтать об этом было бы сумасшествием.

Время, когда верили в чудеса, то есть в произвольное прерывание естественного и неизбежного хода вещей, будь то в физическом мире или в человеческом обществе, некоторыми абсолютно стихийными и оккультными силами, прошло. Любая внезапная, не подготовленная всем необходимым развитием прошлого революция, произведенная только по свободной воле нескольких личностей, либо даже по коллективному, но произвольному желанию огромного товарищества, была бы настоящим чудом, а, следовательно, невозможной! В реальном мире, включая физическую природу и человеческое общество, второе, впрочем, является лишь последним воплощением первого на этой земле, никогда не было создания, было только необходимое превращение; превращение, в котором самые свободные мысли и самые мощные и, на первый взгляд, самые независимые желания, сами являются лишь проявлениями, производными и, одновременно, производящей средой.

Все это применимо к Интернационалу. Он вовсе не творец или первопричина великой революции, которая готовится и уже происходит в мире; он ее проявление, производственный инструмент и, одновременно, продукт. Он - последнее слово истории: возникнув из самой глубины современных общественных потребностей, он - верный признак разрушения старого мира, сильный, но не произвольный, и сильный именно потому, что не произвольный, инициатор новой организации, ставшей, самой силой вещей и вследствие необратимого развития человеческого общества повсеместно необходимой.

Старый мир, который разлагается сам по себе, - это теологическая, авторитарная, доктринерская, политическая цивилизация, сперва аристократическая, затем буржуазная, но всегда эксплуатирующая, правящая, подавляющая церковью и государством. Новая организация - это организация миллионов трудящихся, которые, не признавая более иных основ, кроме труда, равенства, свободы, справедливости и науки, одним словом всего того, что действительно является человечеством на этой земле, и которые, не находя вне своих товариществ ничего, кроме гнили и развалин, стараются установить на руинах этого уходящего старого мира человеческий порядок. Это разрушение и это формирование, будучи одинаково необходимыми, как видите, связаны. Второе - неизбежное следствие первого. Переход между ними называется революцией. Таким образом, Международное Товарищество Рабочих, которое понимает под негативным действием разрушение, а под позитивным - новую организацию, является в главном и независимо от своей воли революционным. Подготавливая и организуя основы нового общества, оно активизирует разрушение старого мира, а сталкивая его в бездну, оно делает все более и более осуществимым позитивное дело организации.

Эти две тенденции Интернационала, одна негативная и другая позитивная, таким образом, неотделимы. Ни одной из них нельзя пренебречь или извратить ее так, чтобы другая от этого незамедлительно не пострадала. От второй зависит сила разрушения и, одновременно, ее право разрушать; от первой - сама возможность полной и окончательной организации.

В статье, озаглавленной: «Съезд в Сонвилье и Интернационал», «Фольксштат» от 10 января 1872 года, вылив, естественно, на нас всю свою обычную гнусную клевету, на которую я отвечу здесь же, с высоты своей патриотической и буржуазной политики объявляет весьма нелепым следующий параграф циркуляра Юрского съезда, из которого была предусмотрительно изъята главная фраза, которую я воспроизвожу подчеркнутой, и которая протестует против авторитарной организации, которую Генеральный совет в Лондоне хотел бы навязать Интернационалу. Вот, прежде всего, параграф циркуляра: «Будущее общество должно представлять собой не что иное, как сделанную всеобщей форму организации, которую придаст себе Интернационал. Мы должны поэтому добиться того, чтобы эта организация была возможно ближе к нашему идеалу. Как может свободное общество равных выйти из авторитарной организации? Это невозможно. Интернационал, зародыш будущего человеческого общества, должен быть уже сейчас верным отображением наших принципов свободы и федерации и должен выбросить всякий закравшийся в него принцип, который ведет к авторитарности и диктатуре».

Возмущенный вашим энергичным протестом во имя свободы, богини, пока неизвестной в Германии, против этого проклятого принципа авторитарности, управляемости и дисциплинарного рабства, который, кажется, был передан, как историческое национальное наследие, даже социал-демократам этой великой страны, «Фольксштат» воскликает:

«Нас, немцев, оставили за наш мистицизм, но до такого мистицизма нам далеко!»

Пусть «Фольксштат» успокоится. Обвинение в мистицизме могло быть адресовано немцам до 1848 года. Но с того времени, ставшего для всей Германии эпохой резкого перехода от теории к практике, никто больше и не мечтает о том, чтобы упрекнуть их в этом. На самом деле, они стали очень практическими. К несчастью, как я, кажется, уже констатировал и показал, этот новый совершенно практический разум, которым

они были озарены, начиная с этого памятного года, поставил их в абсолютное противоречие со всеми их прошлыми гуманитарными мечтами. Насколько те были красивы, справедливы, человечны, настолько внушения первого злобны, недалеки и безобразны. Немецкие мечты сделали из Германии глубоко симпатичную нацию, уважаемую всем миром. Ее реальность, ее недавняя практика превратили ее в ненавидимую нацию, сделали из нее угрозу для всего мира.

В 1848 году я часто слышал в Германии, как на все многочисленные протесты, которые еще поднимались под влиянием чего-то вроде воспоминаний о прошлом даже из стана буржуазии, апостолы, доктринеры этого нового политического разума отвечали такими значительными словами, которые разносились потом во всей стране, единогласно повторялись ею, как грозный приказ: «Будем практическими! Хватит восторженных увлечений, хватит юношеских мечтаний, так как мы должны основать великое государство Германии. Будем же практическими!»

И они действительно были практическими. Вследствие молчаливого соглашения между либеральной и умеренной буржуазией и буржуазными и даже социал-демократами городов, первое, что они сделали во всей Германии, это парализовали революционное движение крестьян, которые, как и в 1830 году, крайне недовольные своим экономическим положением, еще не полностью свободным от феодального рабства, кажется, были готовы повторить великое восстание 1524-1525 годов. Для меня нет никакого сомнения в том, что, если бы немецкие демократы были большими революционерами и меньшими доктринерами, чем в действительности, и вместо того, чтобы искать спасения в своих национальных и местных парламентах, протянули бы руку этому стихийному движению деревни, как всегда, направленному, естественно, против замков благородных вельмож и других крупных землевладельцев; прибавив к этому еще и возмущение черни городов, посреди всеобщего беспорядка и полного бессилия правительства в течение марта и апреля, они могли бы обеспечить триумф серьезной революции в Германии.

Но великая революция, настоящая, живая, энергичная, искренне народная, революция событий, а не фраз шла слишком вразрез с привычкой к порядку и социально-консервативными инстинктами даже самых социалистических буржуазных демократов Германии, которые, возможно, сами того не подозревая, являются почитателями прежде всего общественного порядка. Они не допускают, что народные массы, невежественная и грубая толпа, может хотеть, действовать и самоорганизоваться. Она им нужна дисциплинированной и, следовательно, они хотят любой ценой ею управлять. Таким образом им нужна или диктатура - и какими бы мечтателями они себя ни называли, они сегодня мечтают о ней больше, чем когда-либо - или парламентское правительство. В 1848 году диктатура была, разумеется, невозможна, вследствие чего они пытались сделать то, что они называли революцией, посредством своих парламентов.

Парламенты Германии в 1848 году делали то, что все парламенты мира делают во время революции: много революционных фраз и много дел, если не прямо реакционных, то, по крайней мере, всегда благоприятных окончательному триумфу реакции. Правительства Германии позволили им заниматься этим довольно долго, чтобы они совершенно дискредитировали себя во мнении народных масс, и когда равнодушие, чтобы не сказать полное недружелюбие этих масс к этим академиям буржуазных болтунов стало достаточно очевидным фактом, они предписали и выполнили распуск парламентов без какого-либо затруднения.

Постоянно вдохновленные этим новым практическим духом, который, начиная с этой эпохи, просто не прекращал озарять политических деятелей и партии Германии, парламенты образца 1848 года, естественно, не смогли сделать ничего серьезного и прочного для свободы, но зато они подготовили основы нынешнего германского единства. В этом смысле можно сказать, что псевдореволюционность немецких патриотов 1848 года была для Бисмарка в 1871 году тем же, чем был во Франции генерал Кавеньяк для Наполеона III - предшественником.

Сегодня, как всегда во имя все того же практического духа, глашатаи и руководители партии социал-демократов Германии осуждают то, что они называют «нашим мистицизмом», нашими мечтами. Как и буржуазные демократы в 1848 году, или как уже сегодня видный итальянский патриот и теолог Мадзини, хотя и иначе, чем Мадзини, обращаясь к свидетельству атеистической науки, а не поверженного Бога, они прежде всего являются авторитарными центристами и доктринерами, и как таковые, опираясь на научную теорию К. Маркса, которую они, конечно, не осмеливаются провозгласить безупречной, но которую они недалеки от того, чтобы обожать, как христиане обожают свою Библию, или как сторонники Мадзини делают это с каждым словом, упавшим с пророческих губ их учителей, немецкие социал-демократы полагают и серьезно, страстно убеждены, что для собственного блага пролетариата необходимо, чтобы освобождение и вся будущая организация упали на народ как нечто вроде официального благословения с высоты центрального правительства, несомненно, весьма революционного, но в то же время очень сильного. Они рассматривают организацию этой новой власти и ее неоспоримое и сильное действие, по крайней мере в течение первых десяти или двадцати лет, которые последуют за необходимым, более или менее жестоким разрушением нынешней системы, как единственное средство обеспечить триумф социальной революции и установить на неколебимых основаниях новый порядок. Это кажется им настолько прозрачным и ясным, что исключает все недомолвки, и столь же простым, как выпить стакан воды. Они наивно удивляются, как можно сомневаться в том, чтобы признать добротность системы, которая, кажется, очевидна сама по себе, и они даже не подозревают об ужасных противоречиях, которые ей присущи и которые сводят ее к нулю, делая из нее утопию столь же обманчивую, сколь и опасную.

Эти противоречия, я не премину указать на них позже, ограничившись теперь лишь постановкой следующей дилеммы: или социализм социал-демократов искренен, и тогда им надо готовиться к огромному разочарованию, так как, если этот диктаторский, авторитарный, правительственный путь превосходен, чтобы основывать великие и мощные государства, именно потому, что он превосходит для этой цели, он негоден для основания и организации социального и экономического равенства, для реального освобождения народных масс; потому что это равенство и это освобождение могут быть лишь продуктом самой широкой свободы, то есть действия стихийной организации и естественного, а не искусенного и декретированного сверху объединения этих масс. Или их социализм лишь весьма вторичная страсть, и их желание осуществить полное освобождение народа уступает место желанию основать на спине народа и под предлогом социальной революции великое германское республиканское унитарное государство; тогда они, действительно, очень практические люди, так сумеют использовать социалистическую пропаганду, эту грозную разрушительницу государств, в целях строительства государства. Они еще раз пожертвуют благополучием и свободой трудящихся ради политической державы.

Мы предпочитаем первое предположение второму. Они обманывают, но не обманывают. Они твердо верят, что диктатура необходима для освобождения пролетариата; и с того момента, как они обрели эту веру, не естественно ли, что вначале они стараются ввести ее принцип в саму организацию Интернационала, а затем считают нас противниками всякой власти, анархистами, заклятыми врагами любого правительства, крайне опасными врагами Интернационала?

Если бы они удовольствовались тем, чтобы атаковать нас на этом поле, в области наших принципов со всей возможной энергией, у нас не было бы никакого права жаловаться. Мы их атакуем и атакуем их точно так же, со всей силой, на которую мы способны. Так как наши убеждения по крайней мере так же серьезны и сильны, как и их. Но, видимо, сомневаясь в силе своих аргументов, они противопоставили нам гнусную клевету, грязные оскорблении, и это крайне гадко с их стороны.

Оставим эти неприятности и возвратимся к вопросу.

Если быть мистиком и мечтателем означает полагать, что Интернационал содержит зародыш всей организации будущего человеческого общества, мы смиренно признаем себя и мистиками, и мечтателями. Но сначала утешим себя, дорогие друзья, мы не абсолютно одиноки в своей вере. Я даже думаю, что она родилась или по крайней мере впервые самовыразилась вовсе не в горах Юры, а в бельгийском интернационале. В действительности, именно в обоих главных органах этой настолько уважаемой федерации, что сами н, которая, впрочем, стала полностью нашей. Я думаю, что сейчас у нее много сторонников в Испании, Италии и во Франции.

Что касается этой последней страны, несомненным тому доказательством для нас служит единодушное членство женевской секции пропаганды и революционного социалистического действия, составленной в большей своей части из беженцев из Франции - преданных слуг Парижской коммуны, так же как Французской федералистской секции 1871 года, находящейся в Лондоне, обеих запрещенных произволом Генерального совета.

Находясь в столь приличном обществе, мы можем не беспокоиться о проклятиях, которые летят на наши бедные головы со стороны социал-демократов Германии. Но давайте посмотрим, не найдем ли мы еще большего утешения в самой сущности нашей веры.

Что, в действительности, она содержит? Прежде всего, полное недоверие ко всему, что прямо или косвенно относится к буржуазной цивилизации, политическому миру; и, одновременно, столь же мощная вера в необходимость реорганизации общества на единой основе уравнительного и свободного труда; свободного и в то же время обязательного для каждого и всех; но обязательного фактически и только самой силой вещей, а не по праву в политическом или юридическом смысле этого слова; никакой закон, даже непосредственно проголосованный народом, по нашему мнению, не имеет права заставить человека делать то, что он не хочет делать. Существование подобного закона было бы достаточным, чтобы сделать иллюзорной любую свободу.

Правы мы или нет, чтобы с отвращением и презрением отталкивать политический мир? Мы не нанесем нашим немецким противникам оскорблений, доказывая им, что этот мир мертв и гнил. Они знают это так же хорошо, как и мы, и все больше утверждают в этом с каждым днем. Хотя они это видят сейчас, четыре или даже три года назад они, несомненно, так не считали. Тогда, наверняка следя своим вполне буржуазным предшественникам, они посчитали полезным заключить, от имени новой рабочей социал-демократической партии, образовавшейся, главным образом, в центре и частично

также на севере Германии, оборонительный и наступательный союз с почившей ныне в Бозе партией буржуазных демократов, называвшейся Volkspartei¹, которая была представлена, главным образом, двумя газетами: «Beobachter»² в Штутгарте, на юге Германии, и «Zukunft»³ в Берлине, органом, основанным респектабельным и всеми уважаемым главой буржуазной демократии Германии, доктором Якоби из Кенигсберга, основной центр которого был в Штутгарте. Тогда у социал-демократов Германии, очевидно, еще была жива вера в жизненную силу и действия радикальной буржуазии. Эту веру, как доказывают все их оценки дел во время последней войны во Франции и их слепое доверие революционному гению господина Гамбетты, последнего хоть сколько-то героического представителя буржуазного радикализма, эту веру и это предрасположение, достаточно проявляющие естественные наклонности и буржуазную природу всех их инстинктов, они сохраняли слишком долго, с упорством, достойным лучшего применения. Но, наконец, в марте 1871 года они должны были открыть глаза и были вынуждены выбирать между народной и, по существу, социалистической революцией Парижской коммуны и буржуазной реакцией, представленной Версалем. Они открыто приняли сторону первой, реабилитировав тем самым предыдущие восстания в Лионе и Марселе, которые вначале они столь строго осудили.

Лучше поздно, чем никогда, и мы должны быть им благодарны за эту перемену веры в последний момент, тем более, что они сделали это с искренностью, мужеством и твердостью, достойными всякого восхищения. Одни, посреди бисмарканизированной Германии, они не боялись навлечь на себя гнев жестокого, деспотичного правительства, ставшего сильнее, чем когда-либо, после всех побед, одержанных во Франции, и поддерживаемого неистовым и рабским энтузиазмом своей великой нации, добровольно превратившейся в раба.

Таким образом, сегодня иллюзия для них тоже стала невозможной; и, если мы можем справедливо упрекнуть их в сохранении в своей нынешней программе, в качестве какого-то рокового наследства, еще слишком многих буржуазных принципов и тенденций, мы должны признать, что они открыто и окончательно порвали все свои предыдущие буржуазные союзы, и что у них нет больше никакой веры в жизненность и силу буржуазного радикализма. Они оставляют эту веру господам Ш. Лемонье, Аманду Гёггу и другим невинным мечтателям из Лиги Мира и Свободы, их бывшей союзницы несколько лет тому назад.

Буржуазная цивилизация, политический мир мертвы и гнилы в том смысле, что никто, и менее всего их представители, те, кто получает выгоду или привилегии от того и другого, не верит больше в их справедливость, их общественную полезность, их интеллектуальное и духовное право на существование. Они потеряли даже тень веры в самих себя, и потому они сегодня столь циничны и грубы. Зная, что они больше никого не могут обмануть, они почти не дают себе труда больше обманывать. Их порок не видит больше никакого смысла в том, чтобы оказывать это почтение добродетели, когда-то необходимое, но сегодня ставшее бесполезным. Скорее по привычке, чем от стыда, он еще прикрывается некоторыми прозрачными вуальями, не опасаясь выставить на глаза публики, которая не удивляется и не возмущается больше ничему, свою безобразную наготу. Поскольку столь сильно действовавшие когда-то на воображение масс религиозные, метафизические, юридические, политические и патриотические верования

¹ Фолькспартай - партия народа.

² «Beobachter» - наблюдатель.

³ «Цукунфт» - будущее.

сегодня бессильны их загипнотизировать, все доводы этого мира привилегированных сводится к следующему: «Мы уже здесь, нам тут очень хорошо, и даже ценой изнеможения и гибели человечества, мы хотим тут осться». Дойдя до такой простоты доводов, не позволяя себе отныне останавливаться или отклоняться из-за какой-то щепетильности, они прямо используют любые средства, пригодные для их цели. Насколько их credo цинично, настолько их действие должно быть грубым. Это действие, как я уже говорил, выражается в трех вещах: финансовая эксплуатация, полицейская травля и военное подавление, сконцентрированные в руках какой-нибудь коллективной или индивидуальной диктатуры. Вот реальность, все остальное лишь нелепая иллюзия, ложь, способная обмануть только идиотов.

Кто может сомневаться в том, что этот мир, несмотря на огромные материальные ресурсы, и несмотря на все свои грозные средства подавления должен рухнуть? Он не может быть концом и последним словом в истории человечества. Потрескавшийся и прогнивший, он не сможет выстоять при первом же серьезном ударе, полученном извне. Но если вне него не найдется никакой силы, способной его прикончить, он может тянуть свое дряхлое и позорное существование еще в течение веков; так как социальные организации, даже самые старые и разложенные, почти никогда не умирают сами по себе, будучи наделены силой инерции и чем-то вроде привычного существования, которые им заменяют живую силу.

В настоящее время есть только две силы, способные опрокинуть этот разложившийся политический и буржуазный западный мир. Это - варвары извне, возможно, славяне, руководимые русскими, которые проследуют по пути, который им подготовят и покажут пруссифицированные немцы; или варвары изнутри, пролетариат. Если это будут славянские варвары, предназначенные оказать последнюю услугу старому миру Европы, как германские варвары оказали ее пятнадцать веков назад греко-римскому миру, безусловно, человеческая цивилизация откатится, по крайней мере, на несколько сотен лет назад. Это будет естественное явление, как им было победоносное вторжение германцев, но, одновременно, огромное несчастье для завоевателей, не менее, чем для завоеванных народов. В течение, по крайней мере, нескольких десятков лет кнут, который цари унаследовали от татар, и дисциплинарная наука, которую им привнесли немцы, будут двумя ангелами-хранителями общественного порядка в Европе.

Таким образом, в интересах человечества, цивилизации и всемирного освобождения, мы должны направить все наши усилия на то, чтобы неизбежное свержение политического и буржуазного мира было осуществлено не вторжением славян, а восстанием пролетариата, и пусть первое, которое неминуемо нагрянет на Запад, если второе не случится или случится слишком поздно, будет упреждено этим последним. Насколько дело разрушения, если оно будет завершено вторжением варваров извне, было бы губительным для человеческой цивилизации, настолько оно будет для нее спасительным, когда оно будет выполнено варварами изнутри, самим пролетариатом Запада.

Пролетарии Запада и, главным образом, пролетарии городов, рабочие собственно промышленности, поскольку они отделены от крестьян, то есть работающих на земле, имеют огромное преимущество перед своими братьями из более варварских стран. Их объединяет с ними нищета, кабала, ужас их рабства, ненависть к своим угнетателям и эксплуататорам, ненависть ко всем существующим институтам и потребность в освобождении. Вот общая, очень широкая, очень прочная почва, которая, несмотря на самые большие различия в культуре, делает возможной и даже необходимой реальную соли-

дарность между трудящимися всего мира, если не в идеях, то по крайней мере в инстинктах, чаяниях, естественных тенденциях и, следовательно, также в окончательной цели. Вот основа для всемирного братства. И горе западному рабочему, который, либо дав захватить себя глупой спеси полу образования, обязательно буржуазного, либо позволив себя распропагандировать своим руководителям, обманщикам и обманутым, настолько, чтобы дать поставить себя в загон в качестве эксплуатируемого или добровольного выночного животного на какой-нибудь политической родине, отрывается от этой основы, забывает, отрекается, презирает это огромное братство, которое связывает его судьбу с судьбой пролетариата всего мира. Он тотчас же теряет живые источники своей силы, своей мысли, своего плебейского права, и становится мелким нелепым буржуа, если не фактически, то, по крайней мере, по намерению; как всегда, бедный с экономической точки зрения, он морально еще более убог: тщеславный простофилия, глупый инструмент в руках какой-нибудь вполне буржуазной политической партии.

Но помимо или скорее поверх этой общей основы, пролетариат Запада обладает силой инициативы, которая не развилась еще, по крайней мере в той же степени, в пролетариате более варварских стран. Помимо социалистических инстинктов, которые одинаковы у всех закабаленных народов, он начинает обладать мыслью и серьезной волей к своему освобождению, он начинает понимать природу и конечную цель своих собственных инстинктивных чаяний, и, видя это сам, он способен и в каком-то смысле даже призван показать ее всем другим. Инициатива освобождения пролетариата, освобождения человечества, принадлежит ему по полному праву, поскольку развитие его коллективного сознания является несравненно более передовым, чем у пролетариата Восточной Европы.

Оно является таким в тройном смысле: в области религиозных идей, политических институтов и экономического опыта. Не надо думать, что пролетариат Запада обязан этим несомненным превосходством подготовке, которую он получил в народных школах. Эта подготовка ничтожна. В большинстве даже самых цивилизованных стран Европы, во Франции, например, большинство школ существуют лишь на бумаге и в министерских речах; а в Англии, где начали, наконец, делать вид, что хотят серьезно заняться образованием народа, до последнего времени не было даже этой видимости их существования. В тех же странах, которые, как Германия, например, гордятся, что уже давно учредили некое количество народных школ, настоящее образование, то, что освобождает умы и сердца, и которое зажигает в душах любовь к свободе, не только не более передовое, но даже, можно сказать, более отсталое, чем в Англии и Франции, где пролетариат, возможно, менее рассудителен, но, бесспорно, более революционен, чем в Германии. Это отчасти связано с его темпераментом и особенно с его историческим воспитанием. Но в большой степени это зависит от его школьного образования. То, что в народных школах Германии выливается потоком на массы, жадные к знаниям, это не образование, а отрава; это не наука, а безнравственная, абсурдная и тщательно отфильтрованная ложь.

Читать, писать, считать - вот единственно полезные вещи, которые дети народа находят там. Это уже что-то, я не отрицаю, так как преимущества их применения - в повседневной жизни каждого; эти три возможности, какими бы формальными они ни были, бесспорно способствуют развитию разума, приучая его, по крайней мере хотя бы немного, к абстракции или обобщению, первому источнику всех идей. Кроме того, они предоставляют очень малому числу тех, у кого есть время и материальные средства для этого, возможность обучиться позже самостоятельно. Но все эти преимущества более

чем перевешиваются катастрофическим, оглушающим и отупляющим эффектом чудовищной лжи, которая под видом исторической и божественной истины просачивается в сознание и представления детей народа. Это интеллектуальное и духовное отравление, научно рассчитанное и систематически, сознательно применяемое. Последнее слово этого народного образования, это смирение и повиновение: идеал буржуа, не для них самих, но для народа.

То, чем надо восхищаться в пролетариате Германии, это тем, что он настолько передовой, несмотря на то образование, что ему дают. И он стал таким только благодаря обширному, не школьному, а историческому воспитанию, которое он разделил со всеми другими народами Западной Европы.

Великого народа, великой расы никогда не бывает без истории. Славянские народы, в том числе русские, также имеют очень длинную и очень болезненную историю, которая многому их научила. Но в этом образовании недоставало одного большого урока: спектакля освобождения среднего класса, развития его богатства, его моци, затем его упадка.

Давайте договоримся, что это вовсе не позитивный урок; и пролетариат Запада был бы безнадежен, он неминуемо разделил бы судьбу буржуазии, обреченной погибнуть, если бы захотел, если бы мог воспринять его в этом смысле. Это урок совершенно негативного рода, исторический пример, которому надо не следовать, а отталкивать его со всей энергией, на которую пролетариат способен; и тем не менее несомненно, что этот урок в огромной мере способствовал не столько пробуждению инстинктов освобождения, которые клокочут сегодня, по крайней мере также мощно, как в нем самом, в пролетариате Восточной Европы, сколько развитию в его рядах социалистической мысли. Обученный на опыте буржуазии, для которой он был вначале сообщником, инструментом и одновременно жертвой, и врагом которой он стал по необходимости сегодня, чтобы обрести свое право человека и найти собственный путь - путь всемирного социального освобождения, пролетариат Запада должен поступать сейчас совершенно противоположно тому, что сделали, и тому, чего хотят буржуа¹.

Цюрих, Швейцария 1-8 октября 1872 года В редакцию «Свободы»

Сего 5 октября 1872 года. Цюрих.

Господа редакторы, опубликовав решение об отлучении от церкви, которое Конгресс почитателей Маркса в Гааге только что произнес против меня, будет справедливым, не так ли, опубликовать мой ответ. Вот он: триумф господина Маркса и его приближенных был полным. Будучи уверенными в большинстве, которое они давно готовили и организовали с большой ловкостью и заботой, если не с большим уважением к тем принципам морали, правды и справедливости, которую столь часто находят в их речах и столь редко в их действиях, поклонники Маркса сняли маску и, как и подобает людям, влюбленным во власть, как всегда во имя того самого суверенитета народа, который отныне будет служить подножкой для всех претендентов на правление массами, они нагло декретировали рабство народа Интернационала.

Если бы Интернационал был менее жизнеспособен, если бы он был основан, как они себе это вообразили, лишь на организации руководящих центров, а не на реальной солидарности интересов и подлинных чаяний пролетариата всех стран цивилизован-

¹ Здесь рукопись обрывается.

ного мира, стихийной и свободной федерализации секций и рабочих федераций независимо от любой руководящей опеки, декретов этого пагубного Гаагского конгресса, этого столь усердивого и верного воплощения марксовых теорий и практики, хватило бы, чтобы его убить. Они сделали одновременно нелепым и гнусным это великолепное Товарищество, в основании которого, и я люблю это констатировать, господин Маркс принял столь же толковое, сколь и энергичное участие.

Государство, правительство, всемирная диктатура! Мечта Григориев VII, Бонифациев VIII, Карлов Пятнадцатых и Наполеонов, воспроизводящаяся в новых формах, но всегда с теми же претензиями, в лагере социалистической демократии! Можно ли представить себе нечто более шутовское и в то же время более возмутительное?

Утверждать, что группа индивидов, даже самых разумных и благонамеренных, будет способна стать мыслью, душой, руководящей и объединяющей волей революционного движения и экономической организации пролетариата всех стран, это такая ересь против здравомыслия и исторического опыта, что можно с удивлением спросить себя, как такой умный человек как господин Маркс мог ее излагать?

У пап, по крайней мере, в качестве оправдания была абсолютная истина, которую, по их словам, вручил им Святой Дух, и в которую, как предполагается, они верят. У господина Маркса этого оправдания просто нет, и я не оскорблю его, сказав, что он вообразил, будто научным путем изобрел нечто, приближающее абсолютную истину. Но так как абсолютного не существует, для Интернационала не может быть незыблемой догмы, ни, следовательно, официальной политической или экономической теории, и наши Конгрессы никогда не должны стремиться к роли вселенских соборов, провозглашающих принципы, обязательные для всех участников и верующих.

Существует лишь один действительно обязательный закон для всех членов, индивидов, секций и федераций Интернационала, для которых этот закон составляет подлинное, единое основание. Это, во всей своей широте, во всех последствиях и применениях, интернациональная солидарность трудящихся всех профессий и всех стран в их экономической борьбе против эксплуататоров труда. Именно в реальной организации этой солидарности стихийным действием и абсолютно свободной федерацией рабочих масс всех языков и всех наций, которая будет тем мощнее, чем свободнее, а не в их унификации декретами и по указке какого-то руководства, только и заключается реальное и живое единство Интернационала.

Кто может сомневаться в том, что из этой всё более и более широкой организации боевой солидарности пролетариата против буржуазной эксплуатации должна выйти и действительно появляется политическая борьба пролетариата против буржуазии? Поклонники Маркса и мы едины в этом пункте. Но незамедлительно встает вопрос, который отделяет нас столь глубоко от сторонников Маркса.

Мы думаем, что политика пролетариата, обязательно революционная, должна иметь непосредственной и единственной целью разрушение государств. Мы не понимаем, как можно говорить об интернациональной солидарности при желании сохранить государства, - если только не мечтать о всемирном государстве, то есть о всемирном рабстве, как великие императоры и папы. Государство по самой своей природе есть нарушение этой солидарности и, следовательно, постоянная причина войны. Мы также не считаем, что можно говорить о свободе пролетариата или реальном освобождении масс в государстве и государством. Государство означает господство, а любое господство предполагает подчинение масс и, следовательно, их эксплуатацию в пользу какого-либо правящего меньшинства.

Мы не допускаем, даже в качестве революционного перехода, ни национальных соглашений, ни учредительных собраний, ни временных правлений, ни так называемых революционных диктатур; поскольку мы убеждены, что революция искренна, честна и реальна только в массах, и что, когда она оказывается сосредоточенной в руках нескольких руководящих индивидов, она неизбежно и незамедлительно становится реакцией. Таковы наши убеждения, но не о них сейчас речь.

Поклонники Маркса исповедуют совершенно противоположные идеи. Они - поклонники власти государства, и, как следствие, также пророки политической и общественной дисциплины, чемпионы порядка, установленного сверху вниз, как всегда от имени всеобщего избирательного права и суверенитета масс, которым предоставляется счастье и честь повиноваться руководителям, избранным хозяевам. Поклонники Маркса совершенно не допускают иного освобождения, чем то, которое они ожидают от своего так называемого народного государства. Они в столь малой степени враги патриотизма, что их Интернационал слишком часто окрашивается в цвета пангерманизма. Между бисмарковской и марковской политикой без сомнения существует весьма чувствительная разница, но между поклонниками Маркса и нами лежит пропасть. Они - сторонники правительства, а мы все-таки анархисты.

Таковы две главные политические тенденции, которые разделяют сегодня Интернационал на два лагеря. С одной стороны, имеется, собственно говоря, одна только Германия; с другой в различных степенях Италия, Испания, швейцарская Юра, большая часть Франции, Бельгии, Голландии и в очень близком будущем славянские народы. Эти две тенденции столкнулись на Гаагском конгрессе, и благодаря большой ловкости господина Маркса, благодаря абсолютно искусственной организации его последнего Конгресса, германская тенденция победила.

Значит ли это, что пресловутый вопрос был решен? Он даже, собственно, не обсуждался; большинство голосовало как хорошо обученный полк, оно давило любое обсуждение своим голосованием. Таким образом, противоречие существует в еще более живой и угрожающей форме, чем когда-либо, и сам господин Маркс, несмотря на все опьянение триумфом, без сомнения не думает, что сможет отделаться от него столь дешево. И даже если бы он смог затаить в какой-то момент столь безумную надежду, совместный протест юрских, испанских, бельгийских и голландских делегатов¹, этот протест столь умеренный по форме, но тем более энергичный и значительный по существу, должен был быстро его разочаровать.

Этот протест сам по себе, очевидно, лишь только слабый предвестник огромной оппозиции, которая разразится во всех странах, действительно пронизанных принципом и страстью социальной революции. И вся эта буря будет поднята столь злополучным стремлением поклонников Маркса сделать из политического вопроса основу, обязательный принцип Интернационала.

Действительно, между обеими вышеуказанными тенденциями никакое примирение сейчас невозможно. Только практика социальной революции, новые великие исторические испытания, логика событий смогут рано или поздно привести их к совместному решению; и, будучи твердо убежденными в правоте нашего принципа, мы надеемся, что тогда сами немцы, трудящиеся Германии, а не их руководители, дойдут до

¹ Примечание Бакунина: «не говоря уже об Италии, которая даже не соизволила послать своих делегатов на этот слишком явно сфабрикованный конгресс».

того, чтобы присоединиться к нам в уничтожении этих тюрем народов, называемых государствами, и в осуждении политики, которая, в действительности, не что иное, как искусство господствовать и обдирать массы.

Но что делать сегодня? Поскольку сегодня разрешение и примирение на политической почве невозможно, нужно быть взаимно терпимыми, оставляя каждой стране неоспоримое право следовать тем политическим тенденциям, которые ей будут больше нравиться, или которые ей покажутся более приспособленными к ее конкретной ситуации. Как следствие, отвергая все политические вопросы обязательной программы Интернационала, надо искать единства этого великого товарищества только на почве экономической солидарности. Эта солидарность нас объединяет, в то время как политические вопросы неизбежно нас разделяют.

Очевидно, что ни итальянцы, ни испанцы, ни юрцы, ни французы, ни бельгийцы, ни голландцы, ни славянские народы, эти исторические враги пангерманизма, ни даже пролетариат Англии и Америки, никогда не подчинятся политическим тенденциям, навязанным сегодня пролетариату Германии амбициями его руководителей. Но даже если предположить, что вследствие этого неподчинения новый Генеральный Совет наложит запрет на все эти страны, и что новый вселенский собор поклонников Маркса отлучит их и объявит изгнанными из Интернационала - разве уменьшится от этого та экономическая солидарность, которая обязательно и естественно существует между пролетариатами всех этих стран? Если рабочие Германии начнут забастовку, если они восстанут против экономической тирании своих хозяев, или если они восстанут против политической тирании правительства, которое является естественным защитником капиталистов и других эксплуататоров народного труда, неужто пролетариат всех этих стран, отлученных поклонниками Маркса, останется сидеть сложа руки, как зритель, безразличный к этой борьбе? Нет, он отдаст им все свои гроши, и более того, он отдаст всю свою кровь своим германским братьям, не спрашивая их предварительно, каким будет политический строй, в котором они хотят найти свое освобождение.

Вот в чем состоит настоящее единство Интернационала; оно в общих чаяниях и в стихийном движении народные масс всех стран, а не в каком-то руководстве, ни в единообразной политической теории, навязанной генеральным конгрессом этим массам. Это настолько очевидно, что надо быть полностью ослепленным страстью к власти, чтобы совершенно этого не понимать.

Я понимаю, по крайней мере, что коронованные или некоронованные деспоты могли мечтать о скипетре мира; но что сказать о друге пролетариата, о революционере, который намеревается серьезно желать освобождения масс, и который, ставя себя в качестве руководителя и высшего судьи всех революционных движений, какие бы ни разразились в различных странах, осмеливается мечтать о подчинении пролетариата всех этих стран единой мысли, возникшей в его собственном мозгу!

Я думаю, что господин Маркс - очень серьезный революционер, во всяком случае, всегда очень искренний, что он действительно хочет восстания масс; и я спрашиваю себя, как ему удается совершенно не видеть, что учреждение всемирной диктатуры, коллективной или индивидуальной, диктатуры, которая бы, так сказать, осуществила работу главного инженера мировой революции, регулируя и управляя бунтарским движением масс во всех странах, как управляют машиной, - что учреждения подобной диктатуры было бы само по себе достаточно, чтобы убить революцию, чтобы парализовать и извратить все народные движения? Какой человек, какая группа индивидов, каким бы большим ни был их талант, смела бы похвастаться умением лишь только обобщить и

понять бесконечное множество интересов, тенденций и столь различных действий в каждой стране, в каждой провинции, в каждом населенном пункте, в каждой профессии, огромная совокупность которых, объединенная, но не унифицированная великим общим чаянием и несколькими фундаментальными принципами, проникшими отныне в сознание масс, составит будущую общественную революцию?

И что думать об интернациональном конгрессе, который, так сказать, в интересах этой революции, навязывает пролетариату всего цивилизованного мира руководство, снабженное диктаторскими полномочиями, с инквизиторским и папским правом прекращать деятельность региональных федераций, отлучать целые нации во имя так называемого официального принципа, который является ни чем иным, как собственной мыслью господина Маркса, превращенной голосованием искусственно созданного большинства в абсолютную истину? Что думать о конгрессе, который, без сомнения, для того, чтобы проявить свое сумасшествие еще более явно, отправляет в Америку это диктаторское руководство, составив его из людей, вероятно, очень честных, но темных, достаточно невежественных и абсолютно неизвестных ему самому! Наши враги буржуа, таким образом, были бы правы, насмехаясь над нашими конгрессами и утверждая, что Международное Товарищество Рабочих борется со старыми тираниями только для того, чтобы установить новую, и что для достойной замены существующего абсурда, оно хочет создать другой!

Ради чести и самого спасения Интернационала, мы не должны, следовательно, торопиться громко провозглашать, что этот злополучный Гаагский конгресс, вместо того, чтобы быть выражением чаяний всего пролетариата Европы, был в действительности, несмотря на всю видимость строго соответствия нормам, которой хотели его окружить, ничем иным как жалким продуктом лжи, интриги и возмутительного злоупотребления доверием и властью, которую предоставляли, к несчастью, слишком долго умершему Генеральному Совету. Это был, в действительности, не конгресс Интернационала, а конгресс этого Генерального Совета, марксистские и бланкистские члены которого, об разуя почти треть от общего числа делегатов и таща за собой, с одной стороны, хорошо дисциплинированный батальон немцев и, с другой, несколько сбитых с пути французов, прибыли в Гаагу не для обсуждения там всерьез условий освобождения пролетариата, а для установления своего господства в Интернационале.

Господин Маркс, более ловкий и тонкий, чем его союзники бланкисты, играл с ними, как прежде господин Бисмарк играл с дипломатами Империи и Французской Республики. Бланкисты, очевидно, отправились на Гаагский конгресс в надежде, без сомнения поддержанной в них самим господином Марксом, обеспечить себе руководство социалистическим движением во Франции посредством Генерального Совета, весьма влиятельными членами которого они поручились друг другу остаться. Господин Маркс вовсе не любит делить власть, но более, чем вероятно, что он дал положительные обещания своим французским коллегам, без помощи которых у него совсем не было бы большинства на Гаагском конгрессе. Но после того, как он ими попользовался, он их вежливо выпроводил, и в соответствии с планом, заранее составленным им и его настоящими приближенными, немцами Америки и Германии, отправил Генеральный Совет в Нью-Йорк, оставляя своих вчерашних друзей, бланкистов, в весьма неприятном положении заговорщиков, ставших жертвой собственного заговора. Два подобных поражения, следующие друг за другом со столь коротким интервалом, не оказывают большой чести французскому разуму.

Но, зададим вопрос, не развенчал ли себя сам господин Маркс, отправив руководство Интернационала на прогулку в Нью-Йорк? Ничуть. Ничто не оскорбит его предположением, что он принял это самое руководство всерьез, ни что он хотел вручить в его хилые и неопытные руки судьбы Интернационала, в котором он считает себя чем-то вроде отца и, пожалуй, даже хозяина. Его амбиция, это правда, может толкнуть к тому, чтобы нанести ему большой ущерб, но он не может желать его разрушения; тогда не стало бы несомненной причиной разрушения предоставление этих диктаторских полномочий неспособным людям? Как разрешить это затруднение?

Оно разрешается очень просто для тех, кто знает или догадывается, что в тени официального, видимого руководства в Нью-Йорке, сразу же было установлено анонимное правление так называемых агентов этого руководства в Европе, абсолютно безответственных, темных, но, тем не менее, всемогущих, или, чтобы выразиться ясно, оккультная и реальная власть господина Маркса со свитой. Весь секрет гаагской интриги в этом. Он объясняет одновременно триумфальное и спокойное отношение господина Маркса, который полагает, что теперь держит весь Интернационал в своих руках, и, если только это не станет самой большой иллюзией с его стороны, ему действительно можно радоваться, так как, тайно предаваясь божественным удовольствиям власти, он может перекладывать все ее неудобства и гнусность на этот несчастный Генеральный совет в Нью-Йорке.

Чтобы убедиться, что такова в действительности надежда, мысль господина Маркса, нужно только чуть внимательнее прочитать один из сентябрьских номеров «Фольксштата»¹, главного органа социал-демократической партии немецких рабочих, который в этом качестве получает прямые наставления господина Маркса. В полуофициальной статье с чисто немецкой наивностью и угловатостью говорится обо всех причинах, которые подтолкнули диктатора этой партии и его самых близких друзей к тому, чтобы перевести руководство Интернационала из Лондона в Нью-Йорк. Для осуществления этого государственного переворота имелось, в принципе, два мотива.

Первым была невозможность договориться с бланкистами. Если господин Маркс пронизан с головы до ног пангерманским инстинктом, который принял столь большой размах в Германии с поры завоеваний господина Бисмарка, бланкисты - прежде всего французские патриоты. Невежественные и пренебрежительные к Германии, как и подобает настоящим французам, они действительно могли оставить ее в абсолютное правление господину Марксу, но ни за что на свете они не предоставили бы ему его во Франции, которая, естественно, предназначалась для них самих. Но именно этой диктатуры во Франции господин Маркс, как настоящий немец, которым он и является, страстно желает более всего, даже гораздо больше, чем диктатуры в Германии.

Немцы будут напрасно стараться одерживать материальные, или даже политические победы над Францией, в душе, как общество они всегда будут чувствовать себя низшими. Это непобедимое чувство неполноты - вечный источник всей зависти, не дружелюбности, а также всех грубых или скрытых вожделений, которые пробуждает в них одно имя Франции. Немец не считает себя достаточно состоявшимся в мире, пока его репутация, его слава, его имя не будут признаны Францией. Быть признанным общественным мнением этой нации и, главным образом, общественным мнением Парижа, такой была всегда горячая и тайная мысль всех известных немцев. А управлять Францией, и через Францию мнением всего мира, какая слава и, главным образом, какая мощь!

¹ «Volksstaat» - «Народное государство» - прим.

Господин Маркс - немец, который слишком умён, но также слишком тщеславен и слишком честолюбив, чтобы этого не понять. Нет такого кокетства, которым бы он не пользовался, чтобы заставить принять себя революционным и социалистическим мнением Франции. Кажется, он в этом частично преуспел, так как бланкисты, движимые, впрочем, своими собственными амбициями, заставлявшими их искать союз с этим претендентом на диктатуру в Интернационале, вначале на это купились. Благодаря его всемогущему покровительству, они сами стали членами Генерального совета в Лондоне.

Вначале это соглашение должно было быть прекрасным, так как, будучи авторитарными и влюбленными во власть, и те, и другие были объединены общей ненавистью к нам - непримиримым противникам любой власти и любого правительства и, следовательно, также того, которое они намеревались установить в Интернационале. И тем не менее их союз не мог быть долгосрочным. Поскольку господин Маркс вовсе не желал делить свою власть, а они не желали уступать ему диктатуру Франции, было невозможно, чтобы они оставались друзьями надолго. Таким образом, даже до Гаагского конгресса, когда еще между ними существовала вся видимость самой нежной дружбы, господин Маркс и его приближенные задумали вывести бланкистов из Генерального совета. «Фольксштат» лихо признает это и добавляет, что поскольку было невозможно их оттуда удалить, пока Генеральный Совет оставался в Лондоне, было решено перенести сам Совет в Америку.

Другая причина, также признанная «Фольксштатом», - это теперь уже открытое неподчинение рабочих Англии. Вот признание, которое тягостно господину Марксу, поскольку оно свидетельство очень крупного провала. Не считая экономической науки, бесспорно очень серьезной, очень глубокой, и помимо своего столь же значительного и несомненного таланта политического интригана, у господина Маркса для гипноза и господства над своими соотечественниками всегда были две струны в арфе: одна французская, другая английская. Первая состояла в довольно неудачной имитации французского духа, вторая - в гораздо более успешном использовании практического разума англичан. Господин Маркс провел более двадцати лет в Лондоне среди английских трудящихся, и как случается всегда с немцами, которые, стыдясь в глубине души собственной страны, принимают и довольно неловко преувеличивают обычай и язык страны, в которой живут, господин Маркс зачастую любит показать себя большим англичанином, чем сами англичане. Я спешу добавить, что, прилагая в течение стольких лет свой блестящий ум к изучению экономических явлений в Англии, он приобрел очень подробные и очень глубокие знания об экономических отношениях труда и капитала в этой стране. Все его рукописи тому свидетельством, и если абстрагироваться от некоторого гегельянского жаргона, от которого он не смог отделаться, то можно увидеть, что под благовидным предлогом, что все другие страны, будучи более отсталыми с точки зрения крупного капиталистического производства, следовательно, также отстают в области социальной революции, господин Маркс исследует, главным образом, только английские факты. Похоже на англичанина, говорящего исключительно для англичан.

Конечно, это не слишком большая заслуга с точки зрения интернационализма, но, по крайней мере, из этого можно было бы сделать вывод, что господин Маркс должен был иметь сколь заслуженное, столь и благотворное влияние на рабочих Англии. И, действительно, очень серьезная близость и большое взаимное доверие, похоже, существовали в течение многих лет между ним и большим числом английских рабочих,

весьма активных, что заставляло весь мир поверить, что он пользовался в целом значительной властью в Англии, и это не могло не увеличивать его престиж на континенте. Поэтому, с таким нетерпением и стольким доверием во всем Интернационале ожидали момента, когда, благодаря его энергичной и умной пропаганде, миллион трудящихся, составляющих сегодня огромное товарищество тренд-юнионов, перейдут со своим оружием и багажом в наш лагерь.

Эта надежда в стадии реализации, по крайней мере, частично. Уже образовалась английская Федерация, формально членствующая в Интернационале. Но странная вещь! Своим первым актом эта Федерация открыто рвет любые отношения солидарности с господином Марксом; и, если судить по тому, что выдает «Фольксштат», и, в особенности, по тем горьким словам, ругательствам, которые господин Маркс на Гаагском конгрессе неосторожно бросил в сторону английских трудящихся, приходим к заключению, что пролетариат Великобритании решительно отказался подставлять свою шею под ярмо диктатора-социалиста из Германии. Обхаживать народ более двадцати лет, чтобы прийти к такому результату! Распевать на все голоса похвалы английским трудящимся, рекомендовать их в качестве примера для подражания пролетариату всех стран: и вдруг оказаться вынужденным проклинать их и объявлять продавшимися всем реакциям! Какой неприятный случай и какое падение, не для английских рабочих, а для господина Маркса!

Падение, впрочем, вполне заслуженное. Господин Маркс слишком долго мистификовал английских членов Генерального совета! Пользуясь отчасти их незнанием дел континента, но и отчасти их столь досадным равнодушием к этим делам, ему удавалось в течение многих лет заставлять их принимать все, что он хотел. Похоже, между господином Марксом и этими английскими членами существовало нечто вроде молчаливого уговора, в соответствии с которым господин Маркс не должен был вмешиваться в чисто английские вопросы, или должен был вмешиваться только так, как им это нравилось; в ответ же они оставляли ему все руководство Интернационалом на континенте, который их очень мало интересовал. К чести этих граждан надо предположить, что они испытывали самое большое доверие к верности и справедливости господина Маркса.

Сегодня известно, до какой степени господин Маркс злоупотребил этим доверием. Известно, что все дела Интернационала, точнее даже все интриги, которые разжигались и плелись в нашем великом Товариществе от имени Генерального Совета, были задуманы и сдирожированы кружком приближенных господина Маркса, составленным почти исключительно из немцев, который выполнял в некотором роде функции исполнительного комитета: этот комитет знал все, решал все, делал все. Другие члены, образующие подавляющее большинство Генерального Совета, напротив, не знали абсолютно ни о чем. Любезность по отношению к ним дошла¹ до того, что их избавили от труда подписывать свои имена на циркулярах Генерального Совета; их ставили туда за них, так, что до последнего момента у них не было даже малейшей идеи обо всех гнусностях, за которые их сделали ответственными без их ведома.

Стоит задуматься, какую выгоду должны были извлечь из столь благоприятного положения такие люди как господин Маркс и его друзья, слишком ловкие политики, чтобы останавливаться перед какими-то угрызениями совести. Думаю, не нужно говорить, какова была цель большой интриги. Установление революционной диктатуры господина Маркса в Европе посредством Интернационала. Как новый Альберони, госпо-

¹ Здесь начинается сохранившаяся часть оригинальной рукописи (пронумерованной 17-36).

дин Маркс чувствовал в себе достаточную отвагу, чтобы задумать и осуществить подобную мысль. Что же до средств ее исполнения, то должен заметить, что он говорил о них с мало искренней легкостью и презрением в своей последней речи в Амстердаме. Это правда, как он сказал, что для подчинения мира, у него вовсе нет в распоряжении ни армий, ни финансов, ни винтовок системы Шаспо, ни орудий Круппа. Но зато у него есть замечательный талант к интриге и решительность, которая не останавливается ни перед какой низостью; кроме того, в его распоряжении многочисленный корпус агентов, иерархически организованных и тайно действующих по его прямым приказам; нечто вроде социалистического и литературного франкмасонства, в котором его соотечественники, немецкие и иные евреи, занимают значительное место и проявляют усердие, достойное лучшего применения. Наконец, у него было великое имя Интернационала, которое обладает столь магической мощью для пролетариата всех стран, и которым ему в течение столь долгого времени было позволено пользоваться, чтобы осуществлять свои честолюбивые проекты.

С 1869 года, но, главным образом, с 1871 года господин Маркс приступил к делу. До Базельского конгресса¹, он умел скрывать свои планы. Но решения этого Конгресса, вызвав его гнев и опасения, побудили его послать всех своих верных друзей общую и яростную атаку против тех, кого он начал отныне ненавидеть как непримиримых противников своего принципа и своей диктатуры. Огонь открылся последовательно против моих друзей и меня, но, главным образом, против меня, вначале в Париже, затем в Лейпциге и Нью-Йорке, наконец, в Женеве. Вместо ядер артиллеристы, поклонники Маркса, бросали в нас грязью. Это был потоп глупой и грязной клеветы.

Уже весной 1870 года я знал, что господин Утин² рассказывал любому, кто хотел его услышать, что господин Маркс написал ему конфиденциальное письмо, в котором он рекомендовал ему собрать против меня все факты, то есть все сказки, все обвинения, как можно более гнусные, с видимостью доказательств, добавляя, что, если эта видимость будет правдоподобной, ей воспользуются против меня на ближайшем конгрессе. Именно с тех пор начали выковывать знаменитую клевету, основанную на моих прошлых отношениях с несчастным Нечаевым, отношениях, о которых мне пока не стоит говорить, и которыми поклонники Маркса из Следственной комиссии только что воспользовалось, чтобы продиктовать марксистскому Гаагскому конгрессу заранее подготовленное постановление о моем исключении.

Чтобы показать меру добросовестности марксовых агентов и газет, да будет мне позволено рассказать другой анекдот. Я настолько привык видеть себя систематически и регулярно опороченным почти в каждом номере «Фольксштата», что обычно даже не стараюсь читать глупости, которые он выкладывает обо мне. В качестве исключения, мои друзья показали мне одну из них, которую я считаю полезным процитировать здесь, поскольку она, как мне кажется, весьма способна проявить верность и правдивость господина Маркса. Республебельная газета Лейпцига, официальный орган Социал-демократической партии Германии, похоже, возложила на себя миссию доказать, что я ничто иное, как агент, оплаченный русским правительством. Она опубликовала с этой целью самые неслыханные вещи, например, то, что мой умерший соотечественник Александр Герцен и я, мы оба получали значительные субсидии от панславистского комитета, учрежденного в Москве под прямым руководством правительства в Санкт-Петербурге,

¹ Сентябрь 1869 г.

² Примечание Бакунина: «маленький русский еврей, который любыми видами низости старается снискать себе положение в этом несчастном женевском Интернационале».

и что вследствие смерти Герцена у меня удвоилось содержание. Как понимаете, на столь решающие доводы мне было нечего ответить.

В номере 71 от 4 сентября 1872 г. «Фолькштата», был рассказал следующий анекдот. В 1848 году Бакунин, оказался в Бреслау, где немецкие демократы имели глупость принимать его с полным доверием, не замечая, что он занимался панславистской пропагандой. Кельнская газета¹, редактируемая господами Марксом и Энгельсом, опубликовала корреспонденцию из Парижа, в которой было написано, что госпожа Жорж Санд весьма тревожно высказалась на счет Бакунина, говоря, что его надо остерегаться, что не известно, кем он является, и чего хочет, что, одним словом, это весьма двусмысленный персонаж и т.д. и т.д. «Фольксштат» добавляет, что Бакунин так никогда и не ответил на столь прямое обвинение, что, напротив, он исчез, а именно скрылся в России после публикации этой корреспонденции, и что он вновь появился в Германии только в 1849 году, чтобы принять участие, без сомнения как провокатор, в повстанческом движении Дрездена.

А вот теперь подлинные факты. Г-да Маркс и Энгельс действительно опубликовали это сообщение из Парижа против меня, что только доказывает, что уже тогда они пылали очень нежной дружбой по отношению ко мне и таким же духом верности и справедливости, который их отличает сегодня. Я не вижу необходимости излагать здесь факты, которые привлекли ко мне тогда эта знаки благосклонности; но вот то, что я должен добавить, и что «Фольксштат», забыл или не стал говорить. В 1848 году, я был моложе, впечатлительнее и, как следствие, намного менее вынослив и безразличен, чем сегодня; потому, едва прочитав это парижское сообщение газеты господ Маркса и Энгельса, я бросился писать письмо госпоже Жорж Санд, которая была тогда намного революционнее, чем она кажется теперь, и к которой я испытывал очень искреннее и очень живое чувство восхищения. Это письмо, в котором я в очень энергичных и твердых выражениях просил у нее объяснения словам, которые ей приписывали на мой счет, было ей передано моим другом Адольфом Рейшелем, в настоящее время музыкальным директором в Берне. Госпожа Санд ответила прелестным письмом, выражющим мне самую верную дружбу. В то же время она направила господам Марксу и Энгельсу энергичное письмо, в котором она с возмущением требовала у них отчета о злоупотреблении ее именем, которое они осмелились совершить, чтобы оклеветать ее друга Бакунина, к которому она испытывает столько же дружбы, сколько и уважения. Со своей стороны, я попросил друга, поляка Косцельского, который по своим делам отправлялся в Кельн, потребовать от моего имени от господ редакторов Новой Рейнской Газеты либо публичного опровержения, либо сatisфакции с оружием в руках. Под этим двойным давлением эти господа проявили себя весьма покладистыми и очень любезными. Они опубликовали письмо, которое им направила госпожа Санд, - очень неприятное письмо для их самолюбия - и они добавили к нему несколько строк, в которых они выражали свое сожаление в том, что в их отсутствие, в их газету вставили бессмысленное сообщение, направленное против чести их «друга Бакунина», к которому они также от всей души испытывают привязанность и уважение. Как понимаете, после подобного заявления, которое «Фольксштат» может обнаружить в одном из июльских или августовских номеров 1848 года «Новой рейнской газеты», равно как в памяти господ Маркса и Энгельса, которые, наверняка, не совершают оплошности его отрицать, - как понимаете, мне нет больше необходимости требовать от них какого-либо удовлетворения. Что касается моего так называемого исчезновения в России, эти господа знают лучше, чем кто-либо,

¹ «Новая рейнская газета».

что я оставил Германию только в 1850 году, после года заключения в крепости Кёнигштайн, откуда меня перевезли в цепях в Прагу, затем в Олмоуц, откуда в 1851 году я был перевезен, как всегда в цепях, в Санкт-Петербург.

Я испытываю настоящее отвращение, будучи вынужденным рассказывать все эти истории. Я это делаю сегодня в первый и последний раз, для того, чтобы показать публике, с людьми какого сорта я вынужден бороться. Их ожесточение против меня, того, кто никогда не атаковал их лично, кто никогда об этом даже не говорил, и кто систематически воздерживался даже от ответа на их грязные нападки, эта злобная настойчивость, с которой, со временем моего бегства Сибири в 1861 году, меня стараются оклеветать и опорочить во всей своей внутренней переписке и во всех своих газетах, представляя в моих глазах столь странное явление, что даже сегодня я еще не в состоянии его понять. То, что они делают против меня, не только гнусно, отвратительно, это глупо. Как эти господа не поняли, что, атакуя меня с таким невероятным ожесточением, они сделали гораздо больше для моей славы, чем я мог бы сделать сам; так как все эти возмутительные сказки, которые они распространяют с такой увлеченной ненавистью против меня во всех частях света, падут сами собой под весом своего собственного абсурда. Но мое имя останется, и этому имени, которому они столь мощно содействовали, ознакомив с ним мир, останется присуща реальная, законная слава безжалостного и непримиримого противника, не их личностей, которые меня очень мало занимают, но их авторитарных теорий и их нелепых и гнусных претензий на руководство миром. Если бы я был искателем почестей, тщеславен, честолюбив, то вместо того, чтобы обижаться на все эти нападки, я должен был бы им быть бесконечно признателен, так как, стараясь меня дискредитировать, они сделали то, чего никогда не было ни в моих намерениях, ни в моем вкусе: они создали мне положение.

В марте 1870 года, как всегда от имени Генерального Совета и за подписью всех его членов, господин Маркс выпустил против меня клеветнический циркуляр, составленный на французском и немецком языках и направленный региональным Федерациям. Я ознакомился с этим циркуляром только шесть или семь месяцев назад, по случаю последнего процесса господ Либкнекта и Бебеля, в котором он фигурировал и был публично зачитан как обвинительный документ против них. В этом меморандуме, направленном, кажется, исключительно против меня и детали которого мне незнакомы даже сейчас, господин Маркс рекомендует помимо всего прочего своим приближенным вести подземную работу в Интернационале; затем он обращается против меня, и среди многих других любезностей бросает мне обвинение в основании внутри Интернационала и с очевидной целью его разрушить зловредного тайного общества, называемого Альянсом. Но что мне показалось верхом нелепости, так это то, что пока я преспокойно оставался в Локарно, вдали от всех секций Интернационала, господин Маркс обвинял меня в том, что я вел ужасную интригу - видите, как иногда ошибаются, судя людей по себе! - интригу, имеющую целью перенести Генеральный Совет из Лондона в Швейцарию, с очевидным намерением установить там мою диктатуру. Циркуляр заканчивается весьма искусной и совершенно неопровергимой демонстрацией необходимости, которая была тогда, и которой, похоже, более не существует сегодня, - содержать Генеральный Совет в Лондоне, этом городе, казавшемся господину Марксу до Гаагского конгресса высшим естественным центром, настоящей столицей мировой торговли. Похоже, он перестал ей быть с тех пор, как английские рабочие восстали против господина Маркса, или, скорее, с тех пор, как они разгадали его тягу к диктатуре и познали не слишком умелые средства, которые он использует, чтобы ее завоевывать.

Но, начиная с сентября 1871 года, эпохи знаменитой Лондонской конференции, началась открытая, решающая война против нас; открытая настолько, насколько со стороны столь руководящих и осторожных людей, как господин Маркс и его сторонники, она могла быть.

Катастрофа Франции, кажется, разбудила в сердце господина Маркса сильные надежды, в то время как триумф господина Бисмарка¹ разбудил в нем огромную зависть. Как немец он этим, естественно, гордился, как социал-демократ - утешился с господином Энгельсом мыслью о том, что, в конце счетов, этот триумф прусской монархии должен рано или поздно обернуться триумфом великого республиканского и народного Государства с ним во главе; но как личность он был безжалостно уязвлен, видя, как кто-то иной, а не он, производит столько шумихи и поднимается столь высоко.

Язываю к памяти всех тех, кто имел возможность слышать и видеть немцев в 1870 и 1871 годах. Если только они сделают немного усилий, чтобы вычленить их подлинные мысли сквозь противоречия двусмысленного языка, они скажут вместе со мной, что за очень малыми исключениями не только у радикалов, но и у огромного большинства самих социал-демократов, вместе с весьма реальной печалью, испытанной при виде республики, павшей под ударами деспота, было общее удовлетворение, настоящий национальный триумф при виде Франции, павшей так низко, и Германии, поднявшейся так высоко. Даже у тех из них, кто наиболее отважно боролся против патриотического течения, захватившего всю Германию, даже у господ Бебеля и Либкнехта, которые заплатили и еще платят своей свободой за энергичные протесты против прусского варварства во имя прав Франции, можно было заметить несомненные следы этого национального триумфа. Например, я вспоминаю, как прочитал в одном из номеров «Фольксштата» от сентября 1870 года следующую фразу, которую, не имея этот номер перед глазами, мне трудно теперь воспроизвести в точности, но суть которой меня поразила слишком сильно, чтобы я смог забыть ее общий смысл и тон: «Теперь, говорилось там, поскольку из-за поражения Франции инициатива социалистического движения перешла из Франции в Германию, на нас возлагаются великие задачи».

В этих словах заключена вся мысль, вся надежда, все амбиции поклонников Маркса. Они серьезно считают, что военный и политический триумф, полученный в последнее время немцами над Францией, означает начало великой эпохи в истории, начиная с которой Германия призвана играть во всех отношениях первую роль в мире, несомненно ради спасения его самого: Франция и все латинские народы были, славян еще нет и, впрочем, они слишком большие варвары, чтобы стать чем-то самостоятельно, без помощи Германии. Одна Германия сегодня есть. Из всего этого у немцев следует тройное чувство. По отношению к латинским народам, «в былые времена умным и мощным, но сегодня пришедшим в упадок», они испытывают нечто вроде милосердного уважения, смешанного со снисходительностью; они вежливы или скорее стараются быть вежливыми с ними, так как вежливости нет ни в привычках, ни в природе немцев. По отношению к славянам они испытывают презрение, но в этом презрении есть много страха; их реальное чувство к ним - это ненависть. Ненависть, которую угнетатель испытывает к тем, кого он угнетает и чьих грозных бунтов он опасается. По отношению, наконец, к самим себе они стали чрезмерно высокомерными, самовлюбленными, что

¹ Примечание Бакунина: «которого в полуофициальном письме, что лежит у меня перед глазами, господин Энгельс; «второе я» и самый приближенный друг господина Маркса, превозносит как очень полезного помощника социальной революции».

вовсе не делает их более любезными, они полагают быть чем-либо и мочь что-либо под единственным и «революционным»¹ ярмом своего пангерманского императора.

То, что господин Бисмарк сделал для политического и буржуазного мира, господин Маркс намеревается сделать сегодня для социалистического мира, внутри пролетариата Европы: заменить французскую инициативу немецкой инициативой и господством, и так как с точки зрения его самого и его учеников, нет более продвинутой немецкой мысли, чем его собственная, он посчитал, что наступил момент, чтобы она восторжествовала теоретически и практически в Интернационале. Таким был главный, единственный предмет конференции, которую он собрал в сентябре 1871 года в Лондоне.

Эта марксова мысль достаточно развита в знаменитом Манифесте немецких коммунистов, составленном и опубликованном в 1848 году господами Марксом и Энгельсом. Это теория освобождения пролетариата и организации труда государством. Кажется, на Гаагском конгрессе, господин Энгельс, испуганный отвратительным впечатлением, которое произвело чтение некоторых пассажей этого Манифеста, поспешил заявить, что это устаревший документ, теория, оставленная ими самими. Если он сказал это, то не был искренен; так как даже накануне этого Конгресса, поклонники Маркса старались распространять его во всех странах. Впрочем, он оказался буквально воспроизведен во всех своих главных чертах в программе Социал-демократической партии немецких рабочих. Принципиальный пункт, который встречается также в манифесте, составленном господином Марксом в 1864 году от имени временного Генерального совета и который был устранен из программы Интернационала Женевским конгрессом, это «завоевание политической власти рабочим классом»

Понятное дело, что столь необходимые люди как господа Маркс и Энгельс были сторонниками программы, которая, сохраняя и превознося политическую власть, открывает двери всем амбициям. Поскольку будет политическая власть, обязательно будут подданные, правда, по-республикански переименованные в граждан, но, тем не менее, подданные, которые как таковые будут вынуждены повиноваться, потому что без повиновения вообще нет возможности для власти. Мне возразят, что они будут повиноваться не людям, а законам, которые они примут сами. На это я отвечу, что весь мир знает, как в наиболее свободных, наиболее демократических, но политически управляемых странах, народ создает законы, и что означает его повиновение этим законам. Каждый, кто не будет предвзято принимать фикции за реальность, должен признать, что даже в этих странах народ повинуется не законам, действительно созданным им самим, а принятым от его имени, и что повинование этим законам никогда не имеет для него иного смысла, чем подчинение произволу некого опекающего и управляющего им меньшинства, что одно и то же, что быть добровольно рабом.

В этой программе имеется другое выражение, которое нам глубоко антипатично, нам, революционным анархистам, искренне желающим полного освобождения народа; это - пролетариат, мир трудящихся, представленный как класс, а не как масса. Знаете, что это означает? Ни что иное, как новую аристократию, аристократию рабочих фабрик и городов, за исключением миллионов, составляющих деревенский пролетариат, которые в прогнозах господ социал-демократов Германии станут просто подданными в их великом так называемом народном государстве. Класс, власть, государство - три неотделимых термина, из которых каждый необходимо предполагает два других, и которые совместно, в итоге, можно кратко выразить следующими словами: политическое подчинение и экономическая эксплуатация масс.

¹ Примечание Бакунина: «добавил бы без сомнения господин Энгельс».

Поклонники Маркса думают, что так же как в прошлом веке, когда класс буржуазии сверг с трона дворянский класс, чтобы занять его место и медленно поглотить его в своем теле, разделив с ним господство и эксплуатацию трудящихся как городов, так и деревень, пролетариат городов призван сегодня свергнуть с престола буржуазный класс, поглотить его и разделить с ним господство и эксплуатацию сельского пролетариата, этого последнего парии истории, пока тот не восстанет и не уничтожит позже все классы - все господства, все власти, короче все государства.

Таким образом, они не отвергают абсолютно нашей программы. Они нас упрекают только за желание поторопить, обогнать медленный ход истории, и недооценку положительного закона последовательных эволюций. Имея чисто немецкое мужество провозгласить в трудах, посвященных философскому анализу прошлого, что кровавое поражение восставших немецких крестьян и триумф деспотических государств XVI века составил большое революционное достижение, сегодня они довольствуются учреждением нового деспотизма ради так называемой выгоды рабочих городов и в ущерб трудящимся деревни.

Как всегда, все тот же немецкий темперамент и та же логика ведут их прямо и неизбежно к тому, что мы называем буржуазным социализмом, к заключению нового политического пакта между буржуазией, радикальной, или вынужденной стать таковой, и между умным, респектабельным меньшинством, то есть надлежащим образом обуржуазенным пролетариатом городов, за исключением и в ущерб массе не только сельского, но и городского пролетариата.

Таков настоящий смысл рабочих кандидатур в парламенты существующих государств, и завоевания политической власти рабочим классом. Так как даже с точки зрения только городского пролетариата, к исключительной выгоде которого хотят захватить политическую власть, разве не ясно, что народная природа этой власти будет ничем иным, как фикцией. Разумеется, невозможно, чтобы несколько сотен или даже десятков тысяч, не говоря уже о миллионах людей, могли бы действительно осуществить эту власть. С необходимостью они должны будут осуществлять ее по доверенности, то есть поручить ее группе людей, избранных ими самими, чтобы их представлять и чтобы ими управлять, что заставит их снова неминуемо погрузиться во всю ложь и все виды рабства представительного, то есть буржуазного, режима. После короткого момента свободы или революционной оргии, граждане нового государства проснутся рабами, игрушками и жертвами новых честолюбцев.

Можно понять, как и почему ловкие политики с большой страстью стремятся к программе, которая открывает их амбициям столь широкий горизонт; но чтобы серьезные рабочие, несущие в своём сердце как живой огонь чувство солидарности со своими товарищами по рабству и нищете во всем мире, которые хотят освободиться не в ущерб всем, но через освобождение всех, чтобы самим быть свободными вместе со всеми, а не чтобы становиться в свою очередь тиранами; чтобы трудящиеся искренне могли прийти в восторг от такой программы, вот что гораздо труднее понять.

Я также твердо верю, что через несколько лет рабочие Германии сами, признав гибельные последствия теории, которая может благоприятствовать только амбициям их буржуазных руководителей или лишь некоторых редких рабочих, которые пытаются подняться на их плечи, чтобы в свою очередь стать буржуазными властителями и эксплуататорами, оттолкнут эту теорию пренебрежительно и гневно и присоединятся с та-

кой же страстью, как это делают сегодня рабочие крупных южных стран, Франции, Испании, Италии, а также голландские и бельгийские рабочие, к настоящей программе рабочего освобождения, программе разрушения государств.

Пока же мы вполне признаем их право идти путем, который кажется им наилучшим, если только они предоставляют нам ту же свободу. Мы признаем даже вполне возможным, что по всей их истории, их особой натуре, состоянию их цивилизации и всему их нынешнему положению, они принуждены идти этим путем. Пусть немецкие, американские и английские трудящиеся стараются, таким образом, завоевать политическую власть, если им это нравится. Но пусть они позволят трудящимся других стран действовать с той же энергией для разрушения всех политических властей. Свобода для всех и взаимное уважение этой свободы, говорю я, есть основные условия интернациональной солидарности.

Но господин Маркс, очевидно, не хочет этой солидарности, так как он отказывается от того, чтобы признать эту свободу. Чтобы поддерживать этот отказ, у него есть совершенно особая теория, которая является, впрочем, лишь логическим следствием всей его системы. Политическое государство каждой страны, говорит он, всегда продукт и отражение ее экономического положения; чтобы изменить первое, нужно только преобразовать второе. Вся тайна исторических эволюций, согласно господину Марксу, там. Он совершенно не берет в расчет другие элементы истории, такие как реакцию, между тем очевидную, политических, юридических и религиозных институтов общества на экономическую обстановку. Он говорит, что нищета порождает политическое рабство, государство, но он не позволяет перевернуть эту фразу и сказать: политическое рабство, государство, воспроизводит в свою очередь и поддерживает нищету, как условие своего существования; таким образом, чтобы уничтожить нищету, надо разрушить государство. И, странная вещь, он, запрещающий своим противникам нападать на политическое рабство, на государство, как настоящую причину нищеты, он приказывает своим друзьям и сторонникам из социал-демократической партии Германии рассматривать завоевание власти и политических свобод как предварительное, абсолютно необходимое условие экономического освобождения. Господин Маркс также совершенно недооценивает очень важный элемент в историческом развитии человечества: темперамент и исключительность каждой расы и каждого народа, темперамент и характер, которые сами по себе являются, естественно, продуктами множества этнографических, климатологических, экономических, равно как и исторических причин, но которые будучи однажды данными, оказываются даже помимо и независимо от экономических условий каждой страны значительное влияние на ее судьбы, и даже на развитие ее экономических сил. Среди этих элементов и этих, образно говоря, естественных черт, есть один, имеющий совершенно решающий характер в собственной истории каждого народа: это сила бунтарского инстинкта, и, в зависимости от нее, той свободы, которой он наделен, или которую он сохранил. Этот инстинкт является совершенно животным, первородным явлением; его можно обнаружить в различной степени в каждом живом существе, и энергия, жизненная мощь каждого измеряется его силой. В человеке, наряду с экономическими потребностями, которые его движут, он становится наиболее мощным фактором всего человеческого освобождения. И так как это дело темперамента, а не интеллектуальной и духовной культуры, хотя и вызывающее обычно и то, и другое, случается иногда, что цивилизованные народы обладают им только в слабой степени, либо он ис-

черпался в их предшествующем развитии, либо сама природа их цивилизации его повредила, либо, наконец, с самого начала своей истории они были наделены им менее, чем другие.

В предыдущей работе¹, я пытался доказать, что немецкая нация находится как раз в этом положении. Она обладает многими другими серьезными качествами, которые делают из нее вполне респектабельную нацию: она трудолюбива, экономна, разумна, прилежна, вдумчива, учена, весьма рассудительна и влюблена в иерархическую дисциплину, и в то же время наделена значительной силой экспансии; немцы, будучи мало привязаны к своей собственной стране, отправляются искать средства к существованию повсюду и, как я уже заметил, они легко и даже с удовольствием принимают нравы и обычай других стран, в которых они живут. Но рядом со всеми этими несомненными преимуществами, им не хватает одного - любви свободы, бунтарского инстинкта. Они - самый безропотный и самый послушный народ мира. К этому добавляется другой большой дефект - это дух захватчика, систематического и медленного поглощения и господства, что из них делает, особенно в этот момент, нацию, наиболее опасную для свободы мира.

Такова была во всем своем прошлом, такова еще и сегодня дворянская и буржуазная Германия. Немецкий пролетариат, вечная жертва и той, и другой, может ли он солидаризоваться с духом завоевания, который проявляется сегодня в высших эшелонах этой нации? По сути дела, без сомнения нет. Так как народ-завоеватель - обязательно народ-раб, и рабом всегда будет он. Завоевание, таким образом, полностью противоположно его интересам и его свободе. Но он солидаризуется с ним в своем воображении, и останется с ним солидарным до тех пор, пока не поймет, что это так называемое народное и республиканское пангерманское государство, которое ему обещают в более или менее близком будущем, будет ничем иным, как новой формой очень тяжелого рабства для него самого, если вообще оно сможет осуществиться.

По крайней мере до настоящего времени он, кажется, этого не понял, и никто из его вождей, никто из его ораторов, никто из его публицистов не постарался еще это ему объяснить. Напротив, все стараются увлечь его на путь, где он сможет найти только ненависть мира и свое собственное порабощение; и пока, повинуясь их руководству, он продолжит питаться этой жуткой иллюзией народного государства, он, конечно, не станет инициатором социальной революции. Эта революция придет к нему с другой стороны, возможно с юга, и тогда, уступая всемирному порыву, он развязет свои народные страсти, и опрокинет одним ударом господство своих тиранов и своих так называемых освободителей.

Рассуждение господина Маркса приводит к совершенно противоположным результатам. Принимая во внимание единственно только экономический вопрос, он говорит себе, что наиболее передовые страны и, следовательно, наиболее способные совершить социальную революцию - те, в ком современное капиталистическое производство достигло наивысшей степени своего развития. Именно они, за исключением всех других, - цивилизованные страны, единственные, призванные начать и руководить этой революцией. Эта революция будет состоять в экспроприации, либо постепенной, либо насилиственной нынешних собственников и капиталистов и в присвоении всех земель и всего капитала государством, которое для выполнения своей великой экономической, а также политической миссии должно быть по необходимости очень обширным, очень

¹ Примечание Бакунина: ««Кното-германская империя», первую часть которой я опубликовал, и продолжение которой я намереваюсь опубликовать в скором будущем».

мощным и очень сильно сконцентрированным. Государство будет управлять и направлять земле обработку посредством оплаченных им инженеров, командуя армиями сельских трудящихся, организованных и дисциплинированных для этой обработки. Одновременно, на руинах всех существующих банков, оно учредит единый банк, финансирующий всю работу и всю национальную торговлю.

С первого взгляда понятно, что столь простой, по всей видимости, организационный план может покорить воображение рабочих, более жаждущих справедливости и равенства, чем свободы. Они безумно полагают, что и то, и другое может существовать без свободы, как если бы, для завоевания и закрепления справедливости и равенства, можно было оставить в покое все остальное и, главным образом, правителей, какими бы избранными и подконтрольными они ни называли себя народу во имя справедливости и равенства! В действительности, это был бы для пролетариата режим казарм, где унифицированная масса работников и работниц просыпалась бы, засыпала, работала и жила под бой барабана; для ловких и ученых - привилегия правления; а для евреев, привлеченных безграничностью международных спекуляций национальных банков, - обширное поле доходных махинаций.

Внутри это будет рабство, снаружи - война без передышки, если только все народы низших рас, латинской и славянской, одной, уставшей от буржуазной цивилизации, другой практически не знающей ее, но инстинктивно отвергающей, не смиряется с ярмом в основном буржуазной нации и государства еще более деспотичного оттого, что называется народным.

Социальная революция, такая, как ее представляют себе, желают и на которую надеются латинские и славянские трудящиеся, бесконечно шире, чем та, которую им обещает немецкая или марксова программа. Для них речь вовсе не идет о бережливо отмеренном освобождении только рабочего класса, реализуемом лишь в очень далекой перспективе, но о полном и реальном освобождении всего пролетариата, не только нескольких стран, но всех наций, цивилизованных или нет, и новая, подлинно народная цивилизация, должна начаться этим актом всемирного освобождения. И первым словом этого освобождения может быть только свобода, не та политическая, буржуазная свобода, столь превозносимая и рекомендованная как предмет предварительного завоевания господином Марксом и его соучастниками, но великая человеческая свобода, которая, разрушая все догматические, метафизические, политические и юридические цепи, которыми сегодня угнетен весь мир, даст всем, как коллективам, так и личностям, полную самостоятельность их действий и их развития, освобожденного раз и навсегда от всех инспекторов, руководителей и опекунов.

Второе слово этого освобождения - солидарность; не марксова солидарность, организованная сверху донизу каким-то правительством и навязанная либо хитростью, либо силой народным массам; не та солидарность всех, что является отрицанием свободы каждого, и которая даже там становится ложью, фикцией, имеющей в качестве реальной подкладки рабство; но солидарность, которая, напротив, является подтверждением и осуществлением любой свободы, берущая свой исток не в каком-то политическом законе, но в собственной коллективной природе человека, в силу которой никто не свободен, если все люди, которые его окружают, и кто оказывает хоть малейшее влияние, будь то прямое или косвенное, на его жизнь, тоже не свободны. Эта истина была великолепно выражена в правах человека, написанных Робеспьером, который объявил, что «рабство презреннейшего из людей - это рабство всех».

Солидарность, которую мы требуем, вовсе не должна быть результатом искусственной или какой-то авторитарной организации, она может быть только стихийным продуктом общественной жизни, как экономической, так и духовной; результатом свободной федерации интересов, чаяний и общих тенденций. Ее основы - равенство, коллективный труд, становящийся обязательным для каждого не в силу законов, но в силу вещей и коллективной собственности; в качестве направляющего света - опыт, то есть практика коллективной жизни и науки; и, как конечная цель, учреждение человечества и, следовательно, крах всех государств.

Вот идеал, не божественный, не метафизический, но человечный и осуществимый, только он соответствует нынешним чаяниям латинских и славянских народов. Они хотят полной свободы, полной солидарности, полного равенства; одним словом, они хотят всего человечества, и они не удовлетворятся, даже на временной и переходной основе, меньшим, чем это. Поклонники Маркса назовут их чаяния сумасшествием и это уже давно делается; но это вовсе не отклонит их от цели, и они никогда не променяют ее великолепие на явно буржуазную нищету марксова социализма.

Восстание коммуналистов в Париже положило начало социальной революции. Значение этой революции состоит даже не в довольно слабых опытах, которые у нее была возможность и время осуществить, а в идеях, которые она возбудила, в живом свете, который она пролила на подлинную природу и цель этой революции, в надеждах, которые она повсюду пробудила, и тем самым в мощном потрясении, которое она произвела в народных массах всех стран, но, в особенности, в Италии, где пробуждение народа датируется этим восстанием, главная черта которого - бунт Коммуны и рабочих товариществ против государства. Этим восстанием Франция одним махом возвысилась в своем статусе, и Париж вновь прославился как столица мировой революции под носом и под пушками натасканных Бисмарком немцев.

Эффект его был столь огромен повсюду, что сами поклонники Маркса, все идеи которых были опрокинуты этим восстанием, оказались вынужденными снять перед ним шляпу. Они сделали больше, наперекор элементарной логике и своим настоящим чувствам, они провозгласили, что его программа и цель совпадают с их собственными. Это была действительно потешная, хотя и вынужденная смена образа. Они должны были это сделать, под угрозой быть захлестнутыми и покинутыми всеми, настолько мощными были страсти, которые эта революция пробудила во всем мире.

Также надо восхититься смелостью, равно как и ловкостью господина Маркса, который, двумя месяцами позже, имел дерзость созвать конференцию Интернационала в Лондоне, чтобы представить ей свою жалкую программу. Впрочем, эта дерзость объясняется двумя вещами. Прежде всего, народный Париж был истреблен, и вся революционная Франция, за очень малым исключением, была на время принуждена к молчанию. И потом, подавляющее большинство французов, приехавших ее представлять в Лондоне, были бланкистами, и я думаю, что ясно изложил причины, толкнувшие бланкистов к поискам союза с господином Марксом, который, чтобы не встретить противников в полномочных представителях Парижской коммуны в Лондоне, нашел у них в тот момент сильную поддержку.

Известно, как в остальном эта конференция была топорно сработана; она была составлена из приближенных господина Маркса, заботливо отсортированных им самим, плюс несколько одураченных. Конференция проголосовала все то, что он считал нужным ей предложить, и марксова программа, превращенная в официальную истину, оказалась навязанной как принцип, обязательный для всего Интернационала.

Но с тех пор, как в Интернационале появилась официальная истина, для ее поддержки потребовалось правительство. Это было второе предложение господина Маркса; она было проголосовано, как и первое. С тех пор Интернационал оказался привязанным к мысли и воле немецкого диктатора. Ему дали право цензуры всех газет и всех секций Интернационала. Признали срочную необходимость тайной переписки между Генеральным Советом и всеми Региональными советами; ему предоставили, кроме того, право посыпать секретных агентов во все страны, чтобы интриговать там в его пользу и вносить туда дезорганизацию ради наивысших почестей для господина Маркса. Его облекли, одним словом, полнотой тайной власти.

Чтобы обеспечить себе спокойное наслаждение ею, господин Маркс посчитал необходимым предпринять другие меры. Ему надо было любой ценой опорочить в общественном мнении противников своей диктатуры, и он оказал мне честь, предоставив мне первое место в их числе. Как следствие, он принял героическое решение меня уничтожить. Для этого он привез из Женевы своего мелкого статиста и женевского соотечественника, господина Утина, который, не принадлежа никакой официальной делегации, похоже приезжал в Лондон лишь для того, чтобы выплескивать на меня в течение Конференции все виды оскорблений и ужасов. Пока я еще не знаю, что он сказал, но сужу об этом по следующему факту. Гражданин Лоренсо Асприльо, делегат испанской Федерации, по своему возвращению в Испанию на вопросы нескольких моих друзей написал им следующий ответ:

«Если Утин сказал правду, Бакунин должен быть бесчестен; если он лгал, Утин - бесчестный клеветник».

И заметьте, все это произошло при моем полном незнании, и я узнал об этом факте лишь по этому ответу господина Лоренсо Асприльо, о котором мне сообщили только в апреле или мае.

Циркуляр Генерального Совета, превращенного, таким образом, в официальное правительство, поведал, наконец, ошеломленному Интернациональному о государственном перевороте, которому он только что подвергся.

Я думаю, что господин Маркс, самодовольный от своего триумфа, слишком легкого, чтобы быть прочным, и диктаторской власти, которой его облекли, был ослеплен настолько, что и не подозревал о той ужасной буре, которую его государственный переворот должен был поднять в независимых регионах Интернационала. Честь первого бунта принадлежит Федерации Юры.¹

Пояснения к письмам М.А. Бакунина

Александр Великий – греческий царь и полководец, в 334-323 гг. до н. э. расширил владения Македонии за счет Персии и других стран, создав огромную империю.

Альберони (Alberoni), Джулио, 1664-1752, государственный деятель, кардинал, в 1714, будучи резидентом герцога Пармского при испанском дворе, посредничал при заключении второго брака Филиппа V с Елизаветой Фарнезе, принцессой Пармской, с 1717 всемогущий испанский министр; в целях доставления детям Елизаветы престолов вне Испании, пустился в рискованные предприятия, в 1719 изгнан из Испании.

Ангулемский герцог (Angouleme) Луи-Антуан Бурбон, герцог А., старший сын Карла X (графа Артуа). 1775-1844, эмигрировал 1789 в Митаву, где женился на единственной дочери Людовика XVI Марии-Терезе Шарлотте, в 1792 командовал отрядом эмигрантов, 1823 во главе французского отряда в Испании, подавил там революционное

¹ Здесь рукопись обрывается.

движение и получил титул князя Трокадеро; в 1830 вместе с отцом отрекся от прав на престолонаследие в пользу герцога Бордосского (графа Шамфора).

Антонелли, Джакомо, 1806-76, кардинал и статс-секретарь папы Пия IX и главный руководитель его политики с 1847.

Арговия – немецкоязычный кантон Швейцарии.

Аристотель, величайший греческий философ и естествоиспытатель, имевший громадное влияние на все последующее развитие философской мысли. Род. 384 до Р. Хр. в Стагире в Македонии, умер 322 в Халкиде, на Евбее, куда бежал, будучи обвинен в атеизме. Из его многочисленных трудов до нас дошла лишь небольшая часть: его сочинения по логике и риторике, по естествознанию, «Метафизика», «Этика», «Политика» и «Поэтика».

Бебель (Bebel) Август (1840-1913) - один из наиболее выдающихся деятелей германской социал-демократии, признанный политический вождь партии в период империи.

Бейст (Beust) Фридрих-Фердинанд, 1809-86, с 1868 граф, австрийский государственный деятель, австрийский министр, президент и канцлер, противник Бисмарка в европейской политике.

Беккер (Becker) Иоганн Филипп (19.3.1809, Франкенталь, - 7.12.1886, Женева), деятель международного и немецкого рабочего движения.

Бержере (Bergeret) – деятель Парижской коммуны, позже редактор журнала «Qui Vive» (Кто идет), издававшегося в Лондоне

Берне (Borne или Lob Baruch) Людвиг, немецкий писатель, 1786-1837. Как публицист, Б. обнаружил большой талант, полемический жар и остроумие, при отсутствии самостоятельного философского и политического учения.

Бисмарк (Bismarck-Schonhausen), Отто-Эдуард-Леопольд, князь, герцог Лауэнбург (с 1890), германский государств. Деятель. Поклонники Б. считают его гениальным политиком, объединение Германии его (и Вильгельма I) делом; но существует мнение о нем как о деятеле с весьма узким пониманием задач государственного управления; объединение Германии совершилось отчасти вопреки Б. только благодаря ему приняло внешний военный характер; благодаря же ему из состава Германии исключены немецкие области Австрии и включены ненемецкие области: Эльзас-Лотарингия и часть Шлезвига и тройственный союз наложил на Германию и на всю Европу тяжкое бремя милитаризма.

Бланки (Blanqui) Луи Огюст (1.2.1805, Пюже-Тенье, близ Ниццы, - 1.1.1881, Париж), французский революционер, утопист-коммунист. Классики марксизма-ленинизма, высоко оценивая Б. как революционера и горячего сторонника социализма, в то же время подвергли критике заговорческую тактику Б., непонимание им того, что успех вооружённого восстания возможен только в том случае, если революция совершается массами трудящихся под руководством революционной партии.

Блюхер (Blucher), Гебгард Леберехт, с 1814 князь Вальштадтский, знаменитый прусский генерал, прославился энергией и быстротою своего натиска; с 1813 фельдмаршал, 1815 сначала разбит Наполеоном при Линьи, но вслед затем (18 июня) решил битву при Ватерлоо.

Бонифаций VIII (Bonifacius VIII), в миру - Бенедетто Каэтани (Benedetto Caetani) (около 1235, Ананьи, - 11.10.1303, Рим), римский папа с 1294.

Боркхейм (Borkheim), Сигизмунд Людвиг (1825 - 1885) - немецкий публицист, находился в дружественных отношениях с К. Марксом и Ф. Энгельсом.

Браунер (Brauner) Карл, чешский политический и общественный деятель, во время революции 1848 года вместе с Палацким входил в состав Временного правительства Чехии, заявившего о непризнании распоряжений венского правительства.

Брауншвейгский манифест - 3 августа 1792 года в Париже стал известен опубликованный неделей раньше манифест герцога Брауншвейгского - командующего австрийскими и прусскими войсками, - в котором провозглашалось, что его армия намерена вторгнуться на территорию Франции для подавления анархии и восстановления власти короля, а национальные гвардейцы, которые окажут сопротивление, будут расстреляны.

Варлен (Varlin) Луи Эжен (5.10.1839, Кле-Суи, - 28.5.1871, Париж), деятель французского рабочего движения. Был одним из руководителей восстания 18 марта 1871; член Парижской Коммуны 1871 г. В дни «Майской недели» возглавлял оборону 6-го и 11-го округов. Расстрелян версальцами.

Веспасиан (Vespasianus), Тит Флавий, римский император 69-79.

Виндишгрец (Windischgrez), в качестве главнокомандующего возглавлявшего поход габсбургских войск против Венгерской революции

Ворцель (Worcell) Станислав Габриэль (26.3.1799, с. Степания на Волыни, - 3.2.1857, Лондон), польский революционный демократ, социалист-утопист. В. был женен с А. И. Герценом, которому оказал помощь в создании первой вольной русской типографии, и с Дж. Мадзини.

Гайнау (Haunau), Юлиус-Яков, барон, австр. фельдмаршал, 1786-1853; 1848 комендант Вероны, подавил восстание в Брешии. 1849-50 главнокомандующий в Венгрии, разгромил революционные войска под Темешваром; известен жестокостью и казнями в Пеште.

Гамбетта (Gambetta), Леон, знаменитый французский политический деятель, 1838-82.

Гарибальди, Джузеппе, итальянский политический деятель, 1807-83, служил в сардинском флоте, за участие в тайном сообществе 1884 приговорен к казни, бежал, 1836-48 принимал участие в войнах южно-америк. республик, 1848 во главе корпуса волонтеров сражался с австрийцами в Ломбардии, 1849 командовал войсками римской республики против французов, затем бежал в Сев. Америку, служил капитаном на корабле. 1854 вернулся в Италию, 1859 во главе «альпийских егерей» в чине сардинского генерала дрался с австрийцами, затем во главе знаменитой «тысячи»¹, совершил героическую экспедицию на помощь, сицилийским инсургентам, разбил правительственные войска и занял Неаполь и на основании плебисцита присоединил королевство «Обеих Сицилий» к Пьемонту. Король Виктор-Эммануил отказался назначить его наместником королевства. 1862 Г. созвал волонтеров в поход против Рима; на помощь папе В.-Эммануил послал свои войска, Г. взят в плен при Аспромонте, но скоро освобожден. 1866 неудачно сражался против австрийцев. 1867 Г. совершил новый поход на Рим, разбил папские войска, но разбит пьемонтскими при Ментане, взят в плен, посажен в крепость, 1868 отпущен, 1870 сражался во Франции против пруссаков. Написал несколько романов «Клелия или иго монахов»² и «Memorio»³. Г. любимейший народный герой итальянцев.

¹ 1200 волонтеров.

² Русск. перев. 1870.

³ Флор., 1888.

Гейне (Heine) Генрих (13.12.1797, Дюссельдорф, - 17.2.1856, Париж), немецкий поэт, публицист, критик.

Герцен, Александр Иванович¹, знаменитый публицист, 1812-70. Жил в Швейцарии, Ницце и Лондоне, где 1857-1863 изд. газ. «Колокол», первый свободный русский политический орган, имевший огромное влияние на развитие политического сознания русского общества в эпоху реформ 1860-х гг. и сыгравши видную роль в деле освобождения крестьян.

Гесс (Hess) Моисей (21.6.1812, Бонн, - 6.4.1875, Париж), немецкий социалист. Выступал с буржуазно-националистических позиций; был одним из предшественников синизма. В 1-м Интернационале выступал с критикой бакунизма.

Гладстон (Gladstone), Вильям, знаменитый английский политический деятель, 1809-98.

Горчаков Александр Михайлович (4(15). 6.1798, Хаапсалу, - 27.2(11.3).1883, Баден-Баден, похоронен в Петербурге), князь, русский дипломат, министр иностранных дел и государственный канцлер России.

Дарвин (Darwin) Чарлз Роберт (12.2.1809, Шрусбери, - 19.4.1882, Даун, близ Лондона), английский естествоиспытатель, основоположник эволюционного учения о происхождении видов животных и растений путём естественного отбора.

Делеклюз (Delescluze) Луи Шарль (2.10.1809, Дре, - 25.5.1871, Париж), французский мелкобуржуазный революционер, член Парижской Коммуны 1871. Журналист. Погиб на баррикаде в Париже в дни последних боев с версальцами.

Евгения, Мария, графиня Монтихо-и-Теба, императрица французов, родилась в 1826; по происхождению испанка; 1853 вышла замуж за Наполеона III. 1873 овдовела; до смерти сына Луи-Наполеона² была главой бонапартистской партии.

Изабелла II (1830-1904), королева Испании, старшая дочь Фердинанда VII и его четвертой жены Марии Кристины Неапольской.

Кавеньяк (Cavaignac) Луи Эжен (15.10.1802, Париж, -28.10.1857, Урн), французский государственный деятель, генерал. Буржуазный республиканец. В мае 1848 стал военным министром Франции. Руководил подавлением Июньского восстания 1848 в Париже³; до середины декабря 1848 был главой исполнительной власти Французской республики.

Кавур, Камилло Бенсо ди (Cavour, Camillo Benso di) (1810-1861), итальянский политический деятель. В марте 1861 стал премьер-министром единого Итальянского королевства.

Капрера (Caprera), скалистый остров у северо-западных берегов Сардинии, 16 кв. км; на К. жил и умер Гарибальди.

Карл XV (швед. Karl XV, 3 мая 1826 -18 сентября 1872), третий король Швеции и Норвегии.

Кольб, (Kolb), Георг, нем. статистик и политический деятель, 1880-84, демократ.

Кример, Уильям Рандал (Cremer, William Randal) (1828-1908) - английский пацифист и лидер профсоюзного движения. Лауреат Нобелевской премии мира 1903 за «усилия по достижению мира с помощью арбитража».

Лассаль (Lassale), Фердинанд, немец. социалист и публицист, замечательный оратор; еврейского происхождения.

¹ Псевдоним Искандер.

² 1879 погиб в англ. войне с зулусами.

³ Имя К. как палача рабочих стало нарицательным.

Лелевель (Leiewel) Иоахим (22.3. 1786, Варшава, - 29.5.1861, Париж), польский историк и общественный деятель. Автор многих трудов по политической истории Польши с древнейших времён по 19 в., истории польского крестьянства, заложил основы ряда вспомогательных дисциплин в польской исторической науке.

Лемонье (Lemonnier) Камиль (24.3.1844, Иксель, - 13.6.1913, Брюссель), бельгийский писатель и художественный критик.

Лессинг (Lessing) Готхольд Эфраим (22.1.1729, Каменц, Саксония, - 15.2. 1781, Брауншвейг), немецкий драматург, теоретик искусства и литературный критик-просветитель. Основоположник немецкой классической литературы.

Либкнехт (Liebknecht), Вильгельм, герм. политический деятель, социалист; сблизился с К. Марксом и, вернувшись в Германию, 1862 стал борцом за его идеи; 1869 один из основателей социал-демократической партии; 1867-70 и с 1874 депутат рейхстага.

Людовик XVI (1754-1793) -король Франции (1774-1791, с 1791 носил титул «Король французов», которого был лишен в 1792). Казнен на гильотине во время Великой французской революции.

Мадзини (Mazzini), Джузеппе, знаменитый итальянский политический деятель, генуэзец, 1805-72; 1830 за участие в обществе карбонариев изгнан, 1833 основал в Марсели тайное общество «Молодая Италия», стремившееся к объединению итальянских государств в одну республику, 1833 организовал неудавшееся вооруженное вторжение в Пьемонт из Швейцарии, за что заочно приговорен к смертной казни. 1848 вернулся в Италию и основал в Милане революционную газету «*L'Italia del popolo*» вступил в отряд Гарибальди; 1849 вместе с Саффи и Армеллини был в триумвирате, управлявшем римской республикой. После ее падения М. уехал в Лондон, откуда организовал несколько вооруженных экспедиций в Ломбардию. Объединение Италии не удовлетворило М., стремившегося к свободной республике, а не к монархии. 1870 М. участвовал в сицилийском восстании, 1872 вернулся в Италию, но скоро умер. Ему воздвигнуто несколько памятников.

Макиавелли (Маккиавелли, Macchiavelli), Никколо ди-Бернардо, знаменитый итальянский политический писатель, 1469-1527, 1494 государственный секретарь флорентийской республики, по возвращении фам. Медичи 1512 выслан. Всемирную известность доставило ему сочинение «О Государе»¹. М. видел спасение Италии только в неограниченной власти государя.

Мария-Антуанетта (Marie-Antoinette) -королева Франции (1755-1793), супруга Людовика XVI, казнена на гильотине во время Великой французской революции.

Мендельсон (Mendelssohn), Моисей, философ, деятель в области просвещения евреев, 1729-86.

Мендельсон, Феликс (Mendelssohn, Felix) (1809-1847), немецкий композитор, в течение своей недолгой жизни создал выдающиеся произведения почти во всех основных музыкальных жанрах.

Мерославский (Mieros).

Меттерних, Меттерних-Виннебург (Metternich-Winneburg) Клеменс Венцель Лотар (15.5.1773, Кобленц, - 11.6.1859, Вена), князь, австрийский государственный деятель и дипломат. М. - один из главных организаторов Священного союза. Т. н. система Меттерниха была направлена на борьбу с революционным, либеральным и национально-освободительным движением во всех странах; М. был инициатором политики полицейских репрессий в Австрии и государствах Германии.

¹ «Il Principe».

Мольтке Старший (Moltke) Хельмут Карл Бернхард (26.10.1800, Пархим, Мекленбург, - 24.4.1891, Берлин), прусский и германский военный деятель, граф (1870), генерал-фельдмаршал (1871), военный теоретик.

Наполеон I - (Napoleon) (Наполеон Бонапарт) (1769-1821), французский император в 1804-14 и в марте - июне 1815. Уроженец Корсики. Начал службу в войсках в 1785 в чине младшего лейтенанта артиллерии; выдвинулся в период Великой французской революции (достигнув чина бригадного генерала) и при Директории (командующий армией). В ноябре 1799 совершил государственный переворот (18 брюмера), в результате которого стал первым консулом, фактически сосредоточившим в своих руках с течением времени всю полноту власти; в 1804 провозглашен императором. Установил диктаторский режим. Провел ряд реформ¹. Благодаря победоносным войнам значительно расширил территорию империи, поставил в зависимость от Франции большинство государств Зап. и Центр. Европы. Поражение наполеоновских войск в войне 1812 против России положило начало крушению империи Наполеона I. Вступление в 1814 войск антифранцузской коалиции в Париж вынудило Наполеона I отречься от престола. Был сослан на о. Эльба. Вновь занял французский престол в марте 1815². После поражения при Ватерлоо вторично отрекся от престола (22 июня 1815). Последние годы жизни провел на о. Св. Елены пленником англичан.

Наполеон III (Napoleon III), Шарль Луи Наполеон Бонапарт (20.4.1808, Париж, - 9.1.1873, Чизлхёрст, близ Лондона), французский император в 1852-70. Сын Гортензии Богарне, падчерицы Наполеона I, и его брата Луи Бонапарта.

Правительство Н. III вели многочисленные захватнические войны (участие в Крымской войне 1853-56, в войне против Австрии в 1859, в интервенциях в Индокитай в 1858-62, в Сирию в 1860-61, Мексику в 1862-67 и др.). Неудачи внешней политики Второй империи (особенно провал мексиканской экспедиции) ослабили позиции Н. III внутри и вне страны. Половинчатые меры по либерализации режима не могли предотвратить краха империи; ускорила его франко-прусская война 1870-71. 2 сентября 1870 в битве при Седане Н. III сдался в плен прусским войскам. Революция 4 сентября 1870 в Париже свергла Н. III с престола. После заключения Франкфуртского мира 1871 он был освобожден из плена; до конца жизни находился в Великобритании.

Нечаев Сергей Геннадиевич (20.9(2.10).1847, с. Иваново, ныне г. Иваново, - 21.11(3.12).1882, Петербург), деятель русского революционного движения. Автор «Катехизиса революционера» (1869), считавший, что «цель оправдывает средства». Методы действий Н. (нечаевщина) были решительно осуждены и отвергнуты русскими революционерами.

Огарев, Николай Платонович, поэт и политический деятель, друг Герцена, эмигрант, 1813-77.

Одгер (Odger) Джордж (1813, Роборо, Девоншир, - 4.3.1877, Лондон), деятель английского рабочего движения.

Палацкий (Palacky) Франтишек (14.6.1798, Годславице, Моравия, - 26.5.1876, Прага), чешский историк, философ, деятель культуры и чешского национального движения 19 в. С 60-х гг. - один из идейных вождей консервативного крыла чешской буржуазии³.

¹ Принятие гражданского кодекса, 1804, основание французского банка, 1800, и др.

² «Сто дней».

³ Партии старочехов.

Пальмерстон (Palmerston) Генри Джон Темпл (20.10.1784, Лондон, - 18.10.1865, Брокет-Холл, Хертфордшир), виконт, английский деятель. Политика П. в отношении России определялась опасением роста её могущества и усиления влияния в Османской империи, а также распространения владений России в сторону Индии. В период Крымской войны 1853-56 П. выступал за захват Севастополя и отторжение ряда областей Российской империи. П. содействовал внешнеполитической экспансии английской буржуазии и расширению английской колониальной империи. Правительство П. подавило Индийское народное восстание 1857-59, участвовало в подавлении Тайпинского восстания в Китае.

Питт (Pitt) Уильям Младший (28.5.1759, Хейс, Кент, - 23.1.1806, Патни), государственный деятель Великобритании. Правительство П. широко финансировало шпионскую и диверсионную деятельность против Франции. В области внутренней политики оно подавляло демократическое движение, усилившееся под влиянием французской революции, и проводило массовые аресты его участников: в 1797 подавило восстание матросов военного флота; в 1799 и 1800 провело законы, запрещавшие создание и деятельность рабочих организаций; в 1798 подавило национально-освободительное восстание в Ирландии и провело затем «Акт об унии» (1801), в соответствии с которым автономный ирландский парламент был ликвидирован.

Радецкий (Radetzky) фон Радец Йозеф (2.11.1766, Тршебнице, ныне ЧССР, - 5.1.1858, Милан), граф, австрийский фельдмаршал (1836). Во время австро-итальянской войны 1848-49 войска под командованием Р. разбили итальянскую армию при Кустоце (1848) и Новаре (1849) и участвовали в подавлении Революции 1848-49 в Италии.

Рейшель (Reichel) Адольф (1817-96) немецкий музыкант и композитор, живший в Париже.

Ригер (Rieger) Франтишек Ладислав (10.12.1818, Семили, - 3.3.1903, Прага), чешский политический и общественный деятель, доктор права (1847), с 1897 барон. Сторонник союза чешской буржуазии с дворянством под лозунгом автономии Чехии в составе империи Габсбургов.

Робеспьер, (Robespierre), Максимилиан французский политический деятель, 1758-94, 1789 член учредит. собрания и 1792- конвента, глава якобинцев, 1793 добился падения жирондистов; стоя во главе комитета общественного спасения, пользовался диктаторской властью, хотел «возрождения общества и воцарения добродетели», для чего требовал кровавого истребления старого порочного рода; возвел своих быв. товарищей, гебертистов (21 марта) и дантонистов (5 апреля 1794) на эшафот; 9 термидора (27 июля), по предложению Тальена, Р. был обвинен конвентом; 28 июля 1794 вместе со своими 21 сторонники, в числе которых был и его брат Огюстен, Р казнен.

Ротшильд (Rothschild), род знаменитых банкиров, основанный евреем Мейером Ансельмом Р.

Санд Жорж (Sand George, наст. имя и фамилия - Аврора Дюдеван, Dudevant; урожденная Дюпен, Dupin) - французская писательница. Родилась 1 июля 1804 в Париже. Являлась представительницей романтической школы, сторонницей социалистических идей. Принимала участие в Февральской Революции 1848. Умерла 8 июня 1876.

Саффи (Saffi) Аурелио (13.10.1819, Форли, - 10.4.1890, Сан-Варано, Форли), итальянский революционный демократ.

Серрайе (Serraillier) Огюст Даниэль (27.7.1840, Драгиньян, департамент Вар, - г. смерти неизвестен), французский социалист. Участвовал в Лондонской конференции (1871) и Гаагском конгрессе (1872) 1-го Интернационала; поддерживал линию К.

Маркса и Ф. Энгельса, голосовал за исключение М. А. Бакунина и Дж. Гильома из Интернационала. В 1873-74 был членом Британского федерального совета 1-го Интернационала.

Спиноза (Spinoza, Espinosa) Бенедикт (Барух) (1632-1677) - нидерландский философ, еврей по национальности. Основные сочинения: «Основы философии Декарта» (1663), «Богословско-политический трактат» (1670), «Этика, доказанная в геометрическом порядке» (1677) и «Трактат об усовершенствовании разума» (1677).

Тацит, Publius Cornelius Tacitus, знаменитый римский историк, около 55-120 по Р. Хр. Сочинения Т. проникнуты морализирующей тенденцией и пессимизмом.

Титус Флавий Веспасиан. (Titus Flavius Vespasianus), 41-81, римский император, старший сын императора Веспасиана, 70 разрушением Иерусалима докончил войну с иудеями, в память победы воздвиг триумфальную арку в Риме, 79 наследовал отцу.

Токвиль (Tocqueville) Алексис (29.7.1805, Вернёй, ныне Вернёй-сюр-Сен, департамент Ивелин, - 16.4.1859, Канн), французский социолог, историк и политический деятель. Один из лидеров консервативной Партии порядка. В 1851 за подпись под петицией о предании суду Луи Бонапарта заключён в Венсенский замок. После освобождения отошёл от политической деятельности.

Толен (Tolain) Анри Луи (18.6.1828, Париж, - 3.5.1897, там же), деятель французского рабочего движения, прудонист. В феврале 1871 был избран в Национальное собрание. Примкнул к врагам Парижской Коммуны 1871. В апреле 1871 исключен из 1-го Интернационала. С 1876 Т. - сенатор; голосовал против амнистии коммунарам.

Тун-Гогенштейн (von Thun Hohenstein), граф Лео, австрийский политический деятель, 1811-88, 1849-60 министр народного просвещения, инициатор реформы народного образования, основал академию наук, участвовал в заключении конкордата.

ТЬЕР, Луи Адольф (Thiers, Louis Adolphe) (1797–1877), премьер-министр и президент Франции. Избранный 26 департаментами в новое Национальное собрание, Тьеर был назначен «главой исполнительной власти». В августе 1871 стал президентом. Заморозил вопрос о реставрации монархии, заключив Бордоский пакт. Тьеर фактически содействовал Коммуне, сначала попытавшись малыми силами вывезти с Монмартра пушки, а затем оставив город на произвол повстанцев. После этого жестоко подавил Коммуну. Ушел в отставку в 1873. Умер 3 сентября 1877.

Уркарт (Urquhart) Дэвид (1805, Брэлангуэлл, графство Кромарти, Шотландия, - 16.5.1877, Неаполь), английский политический деятель, дипломат.

Утин, Евгений Исаакович, адвокат и журналист, 1843-94.

Фавр (Favre) Жюль (21.3.1809, Лион, - 28.1.1880, Версаль), французский политический деятель, один из организаторов подавления Парижской Коммуны 1871.

Фаллу (de Falloux), Альфред-Фредерик-Пьер, 1811-86, французский политический деятель и писатель,

Фердинанд I (Ferdinand I) (1793-1875), император Австрии. В 1830 Фердинанд был провозглашен королем Венгрии, а в 1835 после смерти отца наследовал венгерский и австрийский троны. Его принудили отречься 2 декабря 1848. Жил в Праге до своей смерти 29 июня 1875.

Фрибур (Fribourg) Эрнест Эдуард (дата рождения и смерти неизвестны), деятель французского рабочего движения 60-х гг. Вместе с А. Л. Толеном выступал против руководимого К. Марксом Генсовета 1-го Интернационала.

Фридрих-Вильгельм I, сын Фридриха I, 1688-1740, с 1713 король, расширил владения войнами со Швецией, участвовал в войне за польское наследство; увеличил и организовал прусскую армию, содействовал развитию земледелия, устроил правильное и экономное финансовое управление, смягчил крепостное состояние. Человек грубый и суровый, но умный, враг французских обычаев.

Цезарь Гай Юлий (Gaius Julius Caesar) (102 или 100, Рим, - 15.3.44 до н. э., там же), древнеримский государственный и политический деятель, полководец, писатель. Монархические устремления Ц. вызвали сильную оппозицию представителей республикански настроенной знати и даже части его бывших сторонников. Против него был организован заговор и во время заседания сената, он был убит.

Шлоссер (Schlosser), Фридрих-Христофор, немецкий историк, 1776-1861, профессор гейдельбергского университета.

Эккариус (Eccarius) Иоганн Георг (23.8.1818, Фридрихрода, - март 1899, Лондон), деятель немецкого и международного рабочего движения.

Юра – франкоязычный кантон Швейцарии.

Якоби Иоганн (Jacoby), прусский политический деятель, 1805-77, еврейского происхождения, 1849 член франкфуртского парламента, глава народной партии, 1863-70 радикальный член прусской палаты депутатов, противник политики Бисмарка, до 1870 издатель газеты «*Zukunft*».

ЗАМОЛЧАННЫЙ МАРКС¹

В личности и в учении апостола коммунизма есть глава, про которую нельзя сказать, что ее скрывают. Относящиеся к ней материалы опубликованы, но широкий читатель их не знает. Если «Капитал», «Коммунистический манифест», «Анти-Дюринг» и прочие «богослужебные» книги выпускаются огромными тиражами и прямо-таки навязываются публике, то для ознакомления со статьями из «Новой Рейнской Газеты» надо обращаться к малораспространенным и редко встречающимся изданиям, вроде штутгартского «Aus dem literarischen Nachlass von K. Marx, F. Engels und F. Lassal». Так же трудно доступны письма, касающиеся темы, о которой собираемся говорить здесь. Нужен особый исследовательский интерес, чтобы из нескольких томов «Briefwechsel», изданных трудами Ф. Меринга, Бебеля, Каутского, Бернштейна, извлечь необходимые тексты. Такой труд, конечно, не для массового читателя. Последователи же Маркса и марксоведы отнюдь не ставят задачей облегчение знакомства с ними. Если им и приходится порой касаться пикантного материала, они почти всегда сглаживают его одиозность, дают ему толкование, благоприятное для Маркса. Даже Эдуард Бернштейн, «ревизионист», первый посягнувший на кульп непогрешимости учителя, старается оправдывать самые дикие его высказывания.

Только политические противники Маркса, вроде Джемса Гийома, давно отметили их «диокость», но их одинокие голоса заглушены дружным хором марксистов. Из русских «полумарксистов» едва ли не единственным, обратившим внимание на ересь воождей, был В.М. Чернов – лидер партии эсеров. В парижской газете «Жизнь» он напечатал в 1915 году серию статей, под псевдонимом Гарденина, которая появилась через год в Петрограде на страницах «Русского Богатства», озаглавленная «Марксизм и славянство», а летом 1917 года под тем же заглавием вышла в Петрограде отдельной брошюрой. В буре тех дней она вряд ли привлекла к себе внимание; с приходом же к власти

¹ Текст приводится по изданию Н.И. УЛЬЯНОВ, «Скрипты», Эрмитаж, Michigan, 1981, стр. 119-148.

большевиков, поднятая в ней тема попала в разряд запретных и пребывает таковой до сего дня.

Между тем, никогда за все 150 лет, протекших со дня рождения создателя «научного социализма» не было более удачного момента, чем сейчас, чтобы припомнить такие его высказывания, о которых ортодоксальные марксисты стараются не говорить, как о секретной болезни. Именно сейчас, когда мировая революция делает ставку на национальные противоречия, когда ни «пролетариат», ни «революционное крестьянство», ни даже «трудящиеся» не фигурируют в революционном словаре, уступив место «народам», «сегрегациям», «расовым дискриминациям», полезно открыть запечатанную книгу и посмотреть, что писал о «расах» тот, кто призывал пролетариев всех стран соединяться и, кто считается создателем современного учения о политическом расширении национальной проблемы. Говорю «считается», потому что на самом деле это учение создано не им, а его эпигонами в эпоху II-го Интернационала. Когда покойный Р.А. Абрамович лет 20 тому назад поместил в «Социалистическом Вестнике» три больших статьи с изложением социал-демократической точки зрения на национальный вопрос, там совсем не оказалось ссылок на основоположников марксизма. Перечислялись труды Карла Реннера, Бруно Бауэра, Каутского, Медема, всех представителей так называемой австромарксистской школы, но ни Маркса и Энгельса, ни лиц из ближайшего их окружения не упоминалось. И это не случайно. Между теоретиками II-го Интернационала и Марксом – глубокая пропасть в воззрениях на национальный вопрос.

Чтобы не перечислять всех противоречий, коснемся знаменитого права наций на самоопределение, сделавшегося важнейшим лозунгом II Интернационала. Его нет у Маркса. Самое слово «самоопределение» берется часто в иронические кавычки. Если он и требовал иногда свободы и независимого государственного существования для какого-нибудь народа¹, то не в силу права и справедливости, а по сугубо утилитарным соображениям. Независимости Ирландии хотел не для самой Ирландии, а для ускорения государственного переворота в Англии. Потребовал на международном конгрессе в Женеве² самоопределения национальностей Российской Империи, но слышать не хотел о таком же самоопределении австрийских и турецких славян. Скорейшая гибель и уничтожение – вот что желал он этим наиболее угнетенным народам Европы. Внимание же его к российским народам он откровенно объяснял намерением разрушить Империю. Он никогда не понимал «самоценностей» права на самоопределение.

В революционном 1848 году поднялись венгры и чехи. Оба восстания имели одну и ту же цель – вырвать свою страну и народ из-под австрийской власти. Но все симпатии Маркса-Энгельса принадлежали только одному из них – венгерскому; другое, чешское, упоминается не иначе, как с величайшей злобой, оно объявлено «реакционным» и чехам грозят за него местью.

Современному читателю трудно примирить такие высказывания с укоренившимся представлением о Марксе – глашатае интернационализма и руководителе 1-го Интернационала. Исторические факты не дают ни малейшего права делать различия в природе венгерского и чешского восстаний. Но Маркс не исходил из фактов. Он руководствовался отвлеченной исторической доктриной. В молодости оба они с Энгельсом были гегельянцами, и многое из гегелевского учения довлело над ними всю жизнь, особенно популярное в те времена деление народов на исторические и неисторические.

¹ Ирландцев, поляков, итальянцев.

² 1866 г.

У Гегеля оно основывалось на идее саморазвития мирового духа, Маркс и Энгельс подвели под него свой собственный базис в виде учения об экономическом прогрессе. Историческими народами были для них те, которые преуспевали в смысле материального процветания и на его основе создали крепкую государственность и культуру. Они – носители прогресса, хозяева истории. Им позволено устранять со своего пути народы отсталые, забирать их земли, богатства и самих уничтожать. «Народы, никогда не имевшие собственной истории, подавшие с момента достижения ими первой грубой ступени цивилизации под чужое господство, такие народы не имеют никакой жизнеспособности и никогда не достигнут никакой самостоятельности». Американцам не ставят в вину захват Техаса и Калифорнии, вырванных «из рук ленивых мексиканцев». Мексиканцы не знали, что с этими землями делать, а вот янки, за короткий срок, развили там кипучую деятельность, насадили промышленность, построили города, принесли цивилизацию на берега Тихого океана. «Быть может, – пишет Маркс, – «независимость» некоторого числа испанских калифорнийцев и техасцев потерпела от этого; быть может, «справедливость» и другие моральные принципы были нарушены там и сям при этом случае, но что значит эти нарушения против таких всемирно-исторических фактов?» Надо ли говорить, что оправданием захвата Техаса и Калифорнии оправдывался и захват Египта, Конго, южной и северной Африки и все колониальные захваты времен Дизраэли, Жюля Ферри, Бисмарка, Бюлова, Леопольда II... Что сказал бы Маркс своим теперешним последователям, выбросившим лозунг «антеколониализма»?

В одной из корреспонденций в «Нью-Йорк Дэйли Трибюн» он описывал хозяйственное англичане в Индии. Ему прекрасно были известны их хищнические приемы, беспощадный грабеж, следствием чего были систематические голодовки и неслыханное по размерам вымирание индусов. Но все прощается англичанам за их роль разрушителей патриархального хозяйственного уклада и быта туземцев, за внедрение в индусскую экономику капиталистических начал. Он уподобляет это социальной революции. «Совершая эту социальную революцию в Индостане, Англия, конечно, руководилась исключительно низменными интересами и действовала грубо, желая добиться своего. Но дело не в этом. Весь вопрос в следующем: может ли человечество выполнить свое назначение без коренной социальной революции в Азии? Если оно этого не может, то Англия, каковы бы ни были ее преступления, при совершении этой революции, была лишь невольным орудием истории».

Как примирить все это с социалистическим учением?

Автор «Капитала» вышел из положения гениально. Он объявил неисторические народы реакционными – врагами прогресса и революции. «Нет такой страны в Европе, которая не обладала бы в том или другом уголке обломками одной или нескольких народностей, представляющих остатки прежнего населения, затесненного и угнетенного тою народностью, которая стала потом носительницей исторического развития. Эти остатки племен, безжалостно растоптанных ходом истории, как выражался где-то Гегель, становятся и остаются вплоть до их полного угасания или денационализации фанатическими приверженцами и слугами контрреволюции, так как уже все их существование представляет вообще протест против великой исторической революции». Напротив, история экономически и государственно сильных национальностей священна, как история избранных народов.

В Австрии существуют, по мнению Маркса, только три таких носителя прогресса, принимавших деятельное участие в истории и сохранивших свою жизнеспособность,

это – немцы, венгры и поляки. И потому они революционны. «Миссия всех других крупных и мелких племен заключается, прежде всего, в том, чтобы погибнуть в революционной мировой буре. И потому-то они теперь контрреволюционны» ... «Все эти маленькие тупо-упрямые¹ национальности будут сброшены, устраниены революцией с исторической дороги».

Нет нужды распространяться о том, как звучат подобные речи для современного уха, воспитанного на идее национальной терпимости и на осуждении расовой ненависти. Но нельзя не удивляться, что это изуверство, вот уже сто лет, не встречает слова осуждения со стороны последователей коммунистического пророка и не наложило на ореол его святости ни малейшего пятна. И это в то время, когда его именем разрушаются колониальные империи и создаются государства среди людоедских племен.

Сколько раз, и в статьях, и в переписке Маркса-Энгельса мы встречаемся с утверждением, будто реакционность славян объясняется не одним их участием как солдат в подавлении немецких и венгерских восстаний; она им присуща «от природы». Славяне и тысячу лет тому назад были контрреволюционны, подобно тому как немцы и мадьяры были революционерами еще при Карлах Великих, при Фридрихах Барбароссах. Энгельс так и говорит: «В Австрии, за исключением Польши и Италии, немцы и мадьяры в 1848 году, как и вообще в продолжение последнего тысячелетия, взяли историческую инициативу в свои руки. Они – представители революции. Южные славяне, уже тысячу лет тому назад взятые на буксир немцами и мадьярами, только для того поднялись в 1848 году на борьбу за восстановление своей национальной независимости, чтобы тем самым одновременно подавить немецко-венгерскую революцию. Они – представители контрреволюции». Их с одинаковым возмущением упрекали в двух взаимно исключающих друг друга грехах: в том, что они стоят не за революцию, а за Габсбургов, и в том, что устраивают восстания против Австрийской империи. Читателям так и не объясняют, каким образом можно соединить верность Габсбургам со стремлением выйти из-под их власти. Не объясняют и другое: почему венгры, захотевшие отделиться от Австрии, сохранили репутацию революционеров, а славяне за такое же точно намерение предаются анафеме. С ними обещают свести счеты после революции. «Кровавой местью отплатят славянским варварам, – грозит Энгельс, имея в виду победу революционной стихии, – всеобщая война, которая тогда вспыхнет, рассеет этот славянский Зондербунд и сотрет с лица земли даже имя этих упрямых маленьких наций».

Когда Чернов-Гарденин в 1915 году с возмущением говорил об идее деления народов на революционные и контрреволюционные, Ленин горячо вступился за своего учителя. «Мы, марксисты, всегда стояли и стоим за революционную войну против контрреволюционных народов. Например, если социализм победит в Америке или в Европе в 1920 году, а Япония с Китаем, допустим, двинут тогда против нас, сначала хотя бы дипломатически, своих Бисмарков, мы будем за наступательную революционную войну с ними».

Правда, по Ленину, Китай и Япония контрреволюционны лишь в том случае, если двинут своих Бисмарков; по Марксу же, они будут контрреволюционны и в том случае, если не двинут их.

Англичане беспощадно подавляли все ирландские восстания, пруссаки подавили дрезденское восстание, австрийцы задушили освободительные восстания чехов, итальянцев, венгров, тем не менее, ни англичане, ни обожаемые немцы не отнесены к нациям

¹ Stierkoepfigen.

реакционным. Маркс-Энгельс могли поругивать Виндишгреца, Радецкого, но состоявших под их командой немцев ни в одном контрреволюционном грехе не заподозрили. Чехи же, хотя и подняли восстание и героически сражались на баррикадах, – реакционны. Реакционны как раз потому, что восстали, ибо восстали против немцев – избранного революционного народа. В те самые дни, когда на улицах Праги лилась кровь, оба друга писали в «Новой Рейнской Газете», что, хотя им по-человечески и жаль чехов, но победят они или потерпят поражение, их национальная гибель, во всяком случае, неизбежна. По их словам, в той великой борьбе между реакционным Востоком и революционным Западом Европы, что должна разразиться всего, может быть, через несколько недель, восстание чехов против немцев ставит их на сторону русских – на сторону деспотизма против революции. «Но революция победит, – угрожали они, – и чехи окажутся первыми жертвами угнетения с ее стороны». Чехам, таким образом, нет спасения: если их не добьет и не дострелят князь Виндишгрец, то добьет и дострелят Карл Маркс на другой день после победы революции. Они обязаны исчезнуть как национальность, потому что имели несчастье попасть в разряд народов «неисторических»¹.

* * *

Марксу не принято приписывать националистических страстей. Даже Чернов, квалифицировавший образ его мыслей как шовинизм, дал этому шовинизму эпитет «революционный», что в достаточной степени бесмысленно, так как шовинизм категория национальная и в другой план непереносима. Но как объяснить несомненную и ярко выраженную неприязнь к целому ряду народов? Допустим, что авторы «Коммунистического Манифеста», в самом деле, ничем кроме социализма не горели, это не спасает их от упрека. Горение на манер вышеописанного не делает чести ни им, ни социализму. Неужели надо предположить не «революционный», а самый настоящий шовинизм? В таком случае, чьим шовинистом мог быть Маркс? Еврейским, поскольку он еврей? Но он и о евреях писал столь неласково, что существуют печатные работы, обвиняющие его в антисемитизме. Значит, немецким? Как ни странно, звучит сейчас такой вопрос, отбросить его не так просто: то, что почти не встречается в наши дни, было сравнительно частым явлением во дни Маркса. Стоит вспомнить Дизраэли – вдохновителя английского джингоизма. В той же Германии до самого прихода Гитлера было немало евреев, называвших себя немцами иудейского вероисповедания. А Маркс, несмотря на большое количество предков-раввинов, не принадлежал к иудейству. Уже отец его был протестант; сам же он, хоть и сделался в юношеском возрасте атеистом, воспитан с детства в протестантизме, а мать и старшая сестра Софи являли типы настоящих протестантских фанатичек. Все это – не в пользу его еврейства. Если прибавить женитьбу на Женни фон Вестфален и постоянное вращение в немецких кругах и семьях, то не трудно понять его германизацию. К тому же, как это рисует в своей книге Б. Николаевский, нигде, может быть, не существовало более удачных условий для ассимиляции евреев, чем в Германии. Особенно ухаживали за интеллигенцией. На Маркса, как на в высшей степени одаренного человека, не могла не оказать влияния и культура страны, особенно

¹ Bertram D. Wolfe в своем труде «Le marksisme une doctrine centenaire» пишет: «О «славянской сволочи» (Lumpengesindel) Маркс писал уже в своей статье, подводившей итоги революционного 1848 года. Немного позже, в феврале 1849 года, ту же тему развил Энгельс, заявляя, что судьба западных славянских народов – «дело уже конченное». «Их завоевание совершилось в интересах цивилизации... Разве же это было «преступление» со стороны немцев и венгров, что они объединили в великой империи эти бессильные, расслабленные, мелкие народишкы (Nationchen) и позволили им участвовать в историческом развитии, которое иначе... осталось бы им чуждым?!»

великая немецкая философия. Едва ли не Гегель, чьим поклонником он был в молодости, привел его к германизму. Ведь конечным пунктом всемирного развития и наивысшим воплощением мирового духа, по Гегелю, было прусское государство Фридриха-Вильгельма III. Раз сам мировой дух был пруссаком, то почему бы не идти по его стопам Карлу Марксу? От еврейства он мог усвоить темперамент, психический склад, но по умонастроению был совершенным немцем. После войны 1870 года, когда в «Интернационале» его пангерманизм стал вызывать толки, он с гордостью отвечал – да, я немец и хороший немец.¹

Что марксизм вылупился из немецкого гегельянства, это знают все, но что «революционная нетерпимость» Маркса родилась из немецкой национальной нетерпимости и высокомерия, этого знать не хочет ни один марксист. Гегель был, по-видимому, главным виновником того, что немецкий народ, для Маркса, имел все права на первенство. Достаточно беглого просмотра его сочинений и переписки, чтобы заметить особый тон всякий раз, когда речь заходит о немцах. Это ничего, что он и Энгельс частенько поругивают Бисмарка, Фридриха-Вильгельма, Вильгельма I, прусских юнкеров. Однажды они похвастались тем, что неоднократно выступали против всяких проявлений национальной ограниченности немцев, но тут же оговорились: «В отличие от некоторых других лиц, мы не ругали все немецкое зря и с чужих слов». Критика была семейная. Но во всех высказываниях, касавшихся общего взгляда на германский мир, у них неизменно звучали фанфары. Они ведь родились и выросли в эпоху шумного превознесения германского гения и сознания превосходства всего германского. Порой они давали образцы настоящего юнкерского патриотизма, как это было во время франко-пруссской войны 1870 года. Победы пруссаков они называли в своей интимной переписке «нашими блестящими победами». Тут они не далеко ушли от Лассала, мечтавшего «до- жить до времени, когда турецкое наследство достанется Германии и когда немецкие полки солдат или работников будут стоять на Босфоре».

Но патриотизм Маркса сказался в специальной области. Его национальная гордость состояла в том, чтобы не где-нибудь, а именно в Германии восторжествовало то дело, которому он посвятил жизнь. Честь открытия новой эры в истории должна принадлежать умнейшей и образованнейшей стране, породившей его – Маркса. В первое же десятилетие своей политической деятельности он до такой степени выявил эту тенденцию, что один из наблюдательных испанских парламентариев, Донозо Кортез, в 1850 году заметил: «У социализма существуют три великие арены: во Франции находятся ученики и только ученики, в Италии – исполнители чужих преступных замыслов и только исполнители; в Германии же – жрецы и учители». Ex Germaniae lux! Статьи Маркса-Энгельса в «Новой Рейнской Газете» свидетельствуют, что для этих людей все совершившееся в 1848 году в Европе вершится вокруг одного стержня, одного имени, и это имя – Германия. Ожидая решающих для Европы событий, они и в мыслях не держат, будто разыграются они где-то во Франции, Англии, в любой другой развитой промышленной стране. Где бы они ни начались, главной ареной будет Германия и триумфальный парад победных революционных армий состоится не в Париже и Лондоне, а в Берлине. Позднее, когда образовался Интернационал и Маркс добился в нем руководящей роли, всякие сомнения в великом провиденциальном назначении Германии отпали.

Ради этих национальных страсти он уже в 1848 году пошел на компромисс со своей теоретической совестью. Объявив немцев, в противоположность славянам, нар-

¹ von Haus aus ein Deutscher

дом революционным, он погрешил против собственной теории прогресса, согласно которой никакая страна не может мечтать о революции, не имея к тому предпосылок в виде развитой промышленности и особого «радикального класса, связанного радикальными целями» – пролетариата. Его еще не было тогда в Германии, Энгельс в письме Вейдемайеру от 12 апреля 1853 года с грустью писал, что «в такой отсталой стране, как Германия, в которой имеется передовая партия, втянутая в передовую революцию, вместе с такой передовой страной, как Франция», – эта партия оказывается в трагическом положении. В случае серьезного конфликта, она не имеет шансов очутиться у власти, как это полагалось бы; стремление к власти для нее было бы преждевременным по причине общей отсталости страны и немногочисленности пролетариата. Маркс настойчиво вменял в обязанность Германии – создание собственного пролетариата. В 1865 году он жаловался Энгельсу на невозможность «далеко уехать» по пути революции на немногочисленном немецком рабочем классе. Значит, по сравнению с англичанами и французами, немцы имели столько же прав на звание передового революционного народа, сколько и презираемые Марксом «неисторические» славянские народы. Но славян он заклинает сгинуть с лица земли, а немцев всячески выводит в люди. Придумывает для них любопытный прием: «В Германии все дело будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-либо вторым изданием крестьянской войны». На простом языке это значит: если пролетариат в Германии слаб и ничтожен, так это ничего – сделаем пролетарскую революцию крестьянскими руками; если наша передовая партия висит в воздухе, не имея социального базиса, – не важно! – лишь бы добраться до власти. Подхватывая тему захвата власти, Энгельс предлагает уже заранее подготовить в нашей партийной литературе историческое оправдание нашей партии на тот случай, если это действительно произойдет».

Не звучит ли в этих рассуждениях что-то до ужаса нам знакомое? Не ленинская ли это постановка вопроса о пролетарской революции в России, где не обязательны ни развитая индустрия, ни многочисленный пролетариат, но обязательна и необходима «передовая партия» для совершения переворота любыми средствами? В 1848 году в Германии и в 1917 году в России революция готовилась не по марксистской теории, а вопреки ей.

Германия до самой смерти Маркса оставалась наименее индустриальной из всех великих стран Запада, но, невзирая на это, Маркс считал ее очагом прогресса и гегемоном пролетарского международного движения. Вся деятельность его направлена была на перенесение центра этого движения в Германию.

Сохранилось замечательное письмо его Энгельсу от 20 июля 1870 года – перед самым началом франко-прусской войны. Пересылая своему другу выпуск «Reveil» со статьей старика Делеклюза, будущего героя Парижской Коммуны, Маркс рвет и мечет по поводу одной фразы в этой статье: «Франция единственная страна идей». «Это чистейший шовинизм! – восклицает он. – Французов надо вздуть¹. Если пруссаки победят, то централизация государственной мощи будет использована для централизации германского рабочего класса. Кроме того, преобладание немцев перенесет центр тяжести европейского рабочего движения из Франции в Германию. Достаточно сравнить движение в этих двух странах с 1866 года до настоящего времени, чтобы видеть, что германский рабочий класс выше французского, как с точки зрения теоретической, так и организационно. Преобладание на мировой арене немецкого пролетариата над французским будет в то же время преобладанием нашей теории над теорией Прудона».

¹ die Franzosen brauchen Pruegel.

В этой «кнешовинистической» тираде, что ни слово, то смертный приговор революционно-интернационалистической репутации Маркса. До более тесной зависимости германский социал-демократии от успехов германского оружия не доходил и Лассаль, пытавшийся одно время заключить союз социализма с пруссачеством. Надобно знать негодование Маркса, с которым он отнесся к попытке Лассаля договориться с Бисмарком, чтобы в полной мере оценить приведенный здесь отрывок его письма. Напустить Мольтке и Бисмарка на французов, возомнивших себя носителями революционной идеи, выколотить из них такое высокомерие и под пушками заставить признать превосходство марксизма над прудонизмом – это ли не образ мыслей, достойный руководителя «Международного Товарищества Рабочих»! Таков он был и во время войны. Соблюдая социал-демократическое лицо в воззваниях Генерального совета Интернационала, он, в частной переписке, – совершенный пруссак. «Французов надо вздуть!». Он и Энгельс решительно одергивают простака Либкнхта, когда тот честно, по социал-демократическому уставу, вздумал обличать свое правительство и чинить неприятности Бисмарку. В одном письме Энгельс протестует против того, чтобы «какая-либо немецкая политическая партия проповедовала на манер Вильгельма¹ полную обструкцию и выдвигала всякого рода побочные соображения взамен главного». Главное – конечно – победа над Францией. Так явствует из этого и из других писем. Энгельс в восторге от мощного патриотического подъема всех слоев немецкого населения, единодушно поддерживающего свое правительство, и освящает этот порыв как здоровое национальное чувство, потому что Германия, по его мнению, боролась за свое национальное существование. Французы же – отпетые шовинисты, как буржуа, так и пролетарии, как бонартисты, так и социалисты; «до тех пор, пока этому шовинизму не будет нанесен удар, и крепкий удар, мир между Германией и Францией невозможен». «Я думаю, – заявляет он, – что наши² могут примкнуть к национальному движению». Маркс вторит ему: «Война сделалась национальной». Он вполне разделяет восторг Энгельса по поводу первых побед пруссаков, и фраза в письме его друга – «Это мы выиграли первую серьезную битву» не встречает с его стороны никакой отповеди. Напротив, случай с Кугельманом позволил проявиться его пруссачеству с не меньшей откровенностью. Дело в том, что в воззвании Генерального совета Интернационала, редактированном Марксом, было сказано, что, хотя эта война со стороны немцев носит оборонительный характер, но лишь до тех пор, пока германский рабочий класс не почувствует, что она из защиты превращается в нападение. Теперь, после блестящих успехов пруссаков, Кугельман решил, что такой переход от защиты к нападению совершился. Маркс строго отчитал Кугельмана, заявив, что вторжение немцев во Францию – чисто оборонительный акт, не имеющий ничего общего с агрессией. Кугельману, при всей его дружественности к Марксу, пришлось признаться, что он ничего больше не понимает в гегельянско-марксистской диалектике.

Но вот, Наполеон III взят в плен, низложен, и в Париже объявлена республика. Немецкая социал-демократия в речах и воззваниях восторженно ее приветствует. Не могли не принять в этом участия и оба друга. Стоило, однако, французской секции Интернационала обратиться к немецкому народу с призывом прекратить братоубийственную войну и вывести войска из пределов Франции, как в переписке двух Аяксов начинает звучать прежняяnota. «Прокламация парижского Интернационала, – по словам Энгельса, – определенно свидетельствует о том, что эти люди вполне во власти фразы.

¹ Либкнхта.

² Т. е. немецкие социал-демократы.

Эти субъекты, поддерживавшие Баден¹ 20 лет, и шесть месяцев тому назад не сумевшие помешать ему получить шесть миллионов голосов против полутора миллионов, и которых они бессмысленно и без всякого повода возбуждали против Германии, – эти люди вообразили теперь, когда победоносные немцы подарили им республику², будто Германия должна немедленно оставить священную землю Франции, иначе – война до конца! Это старинное увлечение: превосходство Франции, неприкосновенность ее почвы, освященной 1793 годом, которое с некоторых пор служит средством прикрывать все французские свинства святостью слова республика». Неделю спустя после этого письма, у Энгельса звучитnota сожаления, что французов не удалось вздуть так, как это бы хотелось ему. «Продолжающаяся война начинает принимать неприятный оборот. Французы еще недостаточно побиты³, но с другой стороны Германия слишком уж торжествует».

Будь все приведенное здесь сказано обычным немецким патриотом, оно не представляло бы ни малейшего интереса, но в устах проповедников единения человечества⁴, апостолов братства народов, борцов против национальной ограниченности – это образец редкого лицемерия. Прорвавшийся у них матерый германизм не остался незамеченным. Не одни французы, но социалисты многих стран возмущены были Марксом как руководителем той части Интернационала, что избрала в качестве своей штаб-квартиры крошечный городок Брауншвейг. Сразу же после войны началось против него восстание романских секций Интернационала. В марксоведческой литературе оно расценивается как борьба двух идеальных течений, как борьба бакунизма с марксизмом, но немарксистские авторы освещают это совсем иначе. Сам Бакунин, на Стракса и означавшую германское всемогущество, сначала интеллектуальное и моральное, а потом материальное. То же самое утверждал Джемс Гийом. Кропоткин рассматривал борьбу бакунистов с марксистами как «конфликт между латинским и германским духом». Позднейшие исследователи, не принимавшие участия в борьбе и не связанные ни с одним из антагонистов, усматривали корень распри не в столкновении социалистических доктрин, а в национальных страстиах и противоречиях. На социалистические доктрины и учения у Маркса существовал такой же взгляд, как и на «неисторические» народы. Все они должны исчезнуть, уступив место его, Маркса, гениальному открытию. Между тем, стоявшая на нем печать «made in Germany» слишком ясно бросалась в глаза современникам.

Недовольны были и тем, что Интернационал, фундамент которого заложен был не социалистами, а рабочими, первоначально носивший характер цехового пролетарского содружества, превращен был Марксом в заговорщицкую организацию. Пробравшись к руководству и получив возможность оказывать влияние на дела Международного Товарищества Рабочих, Маркс проявил абсолютную политическую нетерпимость. Он не только начал учить уму-разуму французов, англичан, швейцарцев, но и пускать в ход грубые способы давления, вовлекать их в ненужные и несимпатичные им политические акции, а всех сопротивляющихся поносить и обличать их «оппортунистические», «мелкобуржуазные», «мещанские» заблуждения. Гибель 1-го, так же, как распад II-го Интернационала совершились на почве национальных противоречий.

¹ Наполеона III.

² Примечание Бакунина: «и какую!».

³ die Franzosen haben noch nicht Pruegel genug.

⁴ Примечание Бакунина: «или хотя бы только пролетариата».

* * *

Но вернемся к самой яркой, к самой расистской теме высказываний Маркса-Энгельса – о славянах. Ни о ком не отзывались они с большей ненавистью и презрением. Славяне не только варвары, не только «неисторические» народы, но – величайшие носители реакции в Европе. По словам Энгельса, они – «особенные враги демократии», главные орудия подавления всех революций. Это ничего, что выступали они простыми подневольными солдатами в армиях Елаича, Паскевича, Радецкого, Виндишгреца; ответственность за подавление венгерского, венского и итальянского восстаний возлагается не на этих генералов и не на имперское габсбургское правительство, а на бессловесных хорватов, словенцев, русских. У Радецкого добрая половина армии состояла из немцев, но помянуты ли они хоть одним худым словом? Контрреволюционный дух исходил, оказывается, не от них и не от генералов, а от солдат славянского происхождения. Мало того, в тех случаях, когда душителями чьей-либо революции откровенно выступали немцы, наши друзья призывали не верить этому. «До сих пор, – пишет Энгельс, – всегда говорилось, что немцы были ландскнехтами деспотизма в Европе. Мы отнюдь не намерены отрицать позорную роль немцев в позорных войнах 1792–1815 годов против Французской революции, в угнетении Италии после 1815 г. и Польши после 1772 г. Но кто стоял за спиной немцев, кто пользовался ими в качестве своих наемников или авангарда? Англия и Россия. Ведь русские и поныне еще похваляются тем, что они своими бесчисленными войсками решили падение Наполеона, и это, конечно, в значительной степени правильно. Во всяком случае, не подлежит сомнению, что среди тех армий, которые своими превосходящими силами оттеснили Наполеона от Одера до Парижа, три четверти составляли русские или австрийские славяне. А угнетение немцами итальянцев и поляков! При разделе Польши конкурировали между собою одно славянское и одно полуславянское государство». Австрия у Маркса и Энгельса часто обозначается как полуславянская держава, а кое-где говорится, что она и управляет славянами. Есть в одной статье совершенно исключительное место, трактующее хорватов вершителями судеб и гегемонами Австрийской Империи. Описывая движение правительственные войск в 1849 году, окруживших со всех сторон Венгрию, Энгельс трактует это так, будто не габсбургское правительство, не австрийские генералы, а хорваты, которым «дана в помощь сильная австрийская армия со всеми ресурсами», руководят войной.

Писать комментарий к этой строке вряд ли нужно.

Вообще статьи в «Новой Рейнской газете», да и большинство обзоров текущей политики двух друзей представляют такую бездну безответственных обобщений и выводов, личных, партийных и национальных пристрастий и самого простого невежества, что хочется внимательно посмотреть в лицо тем, которые до сих пор видят в этом образцы «научного социализма».

* * *

Напрасно, однако, думать, будто славян считают врагами демократии только за их службу в австрийской армии и за участие в карательных экспедициях. Эта вина – так себе, небольшая; главная причина – в их стремлении к национальной независимости. Бакунинское «Воззвание к славянам» вызвало пароксизм бешенства у обоих авторов «Коммунистического Манифеста». Не довольствуясь ссылками на объективную невозможность независимых славянских государств, не располагающих для этого ни географическими условиями, ни экономическими ресурсами, они усматривают главное зло в ущербе, который будет нанесен немцам. «Поистине положение немцев и мадьяр было

бы весьма приятным, – писал Энгельс, – если бы австрийским славянам помогли добиться своих так называемых «прав»! Между Силезией и Австрией вклинилось бы независимое богемо-моравское государство; Австрия и Штирия были бы отрезаны «южнославянской республикой» от своего естественного выхода к Адриатическому и Средиземному морям; восточная часть Германии была бы искромсана, как обглоданный крысами хлеб! И все это в благодарность за то, что немцы дали себе труд цивилизовать упрямых чехов и словенцев, ввести у них торговлю и промышленность, более или менее сносное земледелие и культуру!» С негодованием цитируются те места из «Воззвания к славянам», где говорится о «проклятой немецкой политике, которая думала только о вашей гибели, которая веками держала вас в рабстве», о «мадьярах, ярых врагах нашей расы, едва насчитывающих четыре миллиона человек, похваляющихся, что возложили свое ярмо на восемь миллионов славян». Энгельс пытает возмущением: как! Упрекать немцев и мадьяр за их великую цивилизаторскую миссию? Ведь без них бы австрийские славяне остались глубокими варварами. Да и самое слово «угнетение» вовсе не подходит для выражения характера взаимоотношений немцев со славянами. Слово – это Энгельс берет в кавычки: «Славяне угнетались немцами не больше, чем сама масса немецкого населения». Что же до насильтвенной германизации, так ее попросту не было. «Немецкая промышленность, немецкая торговля и немецкая культура сами собой ввели в стране немецкий язык». Насильственную германизацию он признает только в отношении полабских славян, но считает, что их завоевание было в интересах цивилизации. Энгельс бесконечно благодарен средневековым Генрихам Львам и Альбрехтам Медведям, приобщившим железным мечом славян к германской культуре. С высот просвещенного девятнадцатого века, централизовавшего все, что еще не было централизовано, он поет дифирамбы подвигам старинных завоевателей. Централизация – это прогресс. «И вот теперь являются панслависты и требуют, чтобы мы уничтожили централизацию, которая навязывается этим славянам всеми их материальными интересами! Словом, оказывается, что эти «преступления» немцев и мадьяр против упомянутых славян принадлежат к самым лучшим и заслуживающим признания деяниям, которыми только могут похвалиться в своей истории наш и венгерский народы».

Во второй половине XIX века вышло трехтомное историко-географическое исследование чешского ученого Первольфа, посвященное кровавой эпопее захвата и ассимиляции немцами славянских земель. С приходом к власти Гитлера эта книга стала предметом особенной ненависти немцев. Их возражения на этот труд поражают сходством с только что приведенными строками Энгельса. В ответ на призыв Бакунина «бороться не на жизнь, а на смерть, пока, наконец, славянство не станет великим, свободным и независимым», Маркс и Энгельс писали: «если революционный панславизм принимает эти слова всерьез и будет отрекаться от революции всюду, где дело коснется фантастической славянской национальности, то и мы будем знать, что нам делать. Тогда «беспощадная борьба не на жизнь, а на смерть» со славянством, предающим революцию на уничтожение и беспощадный терроризм». Напрасно оба друга спешат добавить, будто провозглашенная ими борьба будет не в интересах Германии, а в интересах революции; ничем другим кроме старинной расовой ненависти язык этот не мог быть продиктован. На нем говорила вся Германия с каролингских времен и говорит по сей день. Ненависть к славянству – отличительная черта немецкой государственности и немецкого духа. «Я ненавижу славян. Я знаю, что это нехорошо, нельзя ненавидеть кого бы то ни было, но я ничего не могу поделать с собой», – признавался Вильгельм II. Не обладая честностью

Вильгельма, Маркс и Энгельс вуалировали свой, поистине, нацистский шовинизм соображенными «революционной стратегии». Но они дали слишком много доказательств того, что не в революции и не в стратегии тут дело. Для людей, объявивших классовую борьбу движущей силой истории, по меньшей мере непоследовательно подменять ее борьбой между нациями. Сущим лицемерием была фраза в «Учредительном манифесте» Интернационала, призывающая добиваться того, чтобы «простые законы нравственности и справедливости, которыми должны руководствоваться в своих взаимоотношениях частные лица, стали господствующими нормами и в международных отношениях» Писал это тот редактор «Новой Рейнской газеты», который в 1849 году печатал в ней свои прогнозы о скором наступлении мировой революционной войны, единственной стереть с лица земли «не только реакционные классы и династии, но и целые реакционные народы. И это тоже будет прогрессом».

* * *

Напрасной была бы попытка представить эти настроения как временные или как заблуждение молодости. Они сопровождали Маркса до могилы. В 1877-78 годах, во время Балканской войны, когда турки начали беспощадную резню болгар и когда даже «колониалист» Гладстон выпустил книгу с протестом против таких зверств, Маркс, живший в то время в Лондоне, объявил Гладстона русским агентом, а турецкие зверства – русской выдумкой. Друг его и оруженосец Вильгельм Либкнехт, в Германии, цинично заявил, что брожение на Балканах ничего общего с освободительной борьбой не имеет; он, Либкнехт, не знает славян, стремящихся к свободе. Этот господин выпустил книгу – «Zur orientalischen Frager oder: soll Europa kasakisch werden? Mahnwort an das deutsche Volk»¹, – где развивал обычный марксистский взгляд на славян как на удобрение истории и на оплот русского деспотизма. Он сожалел, что Австрия, в результате политики Бисмарка, исключена из Германии. Вследствие этого «прорван вал, который шел через славянский мир от Балтийского моря до Адриатики» и теперь «Австрия предана почти беспомощной славянскому наводнению». Вся германская социал-демократия, марксистская и немарксистская, отличалась такими же настроениями. Признавал же Лассаль славян «за расы, которые имеют одно право: быть ассимилированными великими культурными нациями».

От современников не укрылась такая славянофobia.

«Есть ограниченные умы и узкие народные ненависти, которых убедить я не бе-
русь, – писал Герцен в 1859 году, – они ненавидят, не рассуждая. Возьмите, чтобы не говорить о своих², статьи немецких демократов, кичащихся своим космополитизмом, и вглядитесь в их злую ненависть ко всему русскому, ко всему славянскому... Если б эта ненависть была сопряжена с каким-нибудь желанием, чтобы Россия, Польша были свободны, порвали бы свои цепи, я бы понял это. Совсем не то. Так, как средневековые люди, ненавидя евреев, не хотели вовсе их совершенствования, так всякий успех наш в гражданственности только удваивает ненависть этих ограниченных, заклепанных умов».

Но все-таки, была одна славянская страна, не только не ввергнутая марксистами в Тартар, вместе с «неисторическими» народами, но вознесенная в революционное лоно Авраамово. Это Польша. Постоянно подчеркивалось: Польша – это не то, что прочие славяне, это гордый лебедь революции среди гадких утят славянства. Маркс и Энгельс

¹ К восточному вопросу или должна ли Европа быть отданной казакам? Напоминание немецкому народу.

² Герцен пишет поляку.

в 1848 году были самыми горячими ее поклонниками. Либерально-революционная ее репутация сложилась еще до них: особенно утвердилась она после 1831 года. Причина, по которой Европа так возлюбила Польшу, лучше всего видна из манифеста польского «Демократического общества» 1836 года:

«Польша в прошлом всегда защищала Запад от варварских вторжений татар, турок и москалей. Польша погибла потому, что, когда на Западе освободительная человеческая мысль объявила войну старому порядку, на защиту которого ополчился русский деспотизм, Польша, исполняя свою историческую миссию, вступила в борьбу с этой силой, но была побеждена. Спасение Европы было отложено. Отсюда вытекал тот вывод, что дело спасения Польши есть дело спасения не одной только Польши, но всего человечества».

Из этой декларации видно, что сами поляки «историческую миссию» свою усматривали в сторожевой роли на Востоке. Турецко-татарская опасность миновала, значит, спасать Европу приходилось от москалей. За эту роль извечного врага России Европа и ценила Польшу. Больше всех ценили авторы «Коммунистического Манифеста». Энгельс, в неоднократно цитированной статье в «Новой Рейнской газете», писал в 1849 году, что «ненависть к русским была поныне и останется у немцев их первою революционною страстью». Поляки были им милы, прежде всего, как враги России, а вовсе не за то, что они слыли прирожденными революционерами. Обывателская и политическая Европа, разбиравшаяся в польском вопросе столько же, сколько в русском, – понятия не имела о шляхетском характере польских восстаний, целью которых было национальное освобождение, и только. Руководители этих восстаний готовы были приветствовать революцию в любой стране, за исключением своей собственной. Подвиги их на парижских баррикадах и в армии Гарибальди были выслуживанием перед революцией с целью воспользоваться ее милостью для восстановления Польши. Только немногие, вроде Прудона, порицавшего Герцена за альянс с поляками, понимали это. Но понимали ли Маркс и Энгельс? Знали ли, что Польшу можно любить и ценить за что угодно, только не за революционность? Безусловно, знали.

В письмах к Энгельсу от 2 декабря 1856 года Маркс рассказывает эпизод из истории 1794 года, когда «Комитет общественного спасения» подверг сомнению революционность поляков и отказал им в содействии. Он вызвал к себе уполномоченного польских повстанцев и задал этому «гражданину» несколько вопросов: «Как объяснить, что ваш Костюшко, народный диктатор, терпит рядом с собой короля, который к тому же, как это Костюшко должно быть известно, посажен на трон Российской? Как объяснить, что ваш диктатор не осмеливается произвести массовую мобилизацию крестьян из страха перед аристократами, которые не желают поступаться «рабочими руками»? Как объяснить, что его прокламации теряют свою революционную окраску по мере его удаления от Krakова? Как объяснить, что он немедленно покарал виселицами народное восстание в Варшаве?.. Отвечайте!». Польскому «гражданину» пришлось молчать.

Дальше увидим, что оба друга прекрасно разбирались во внутренних социально-политических делах Польши, знали, что в роли революционеров выступали крепостники- помещики, не стремившиеся к социальному освобождению. Но, презирая польских патриотов, они постоянно поддерживали идею восстановления Польши, преимущественно Царства Польского, то есть русской ее части, умалчивая о Познани, а потом и откровенно признавая ее не подлежащей освобождению. Государственное восстановление Польши прокламировалось не для блага польского народа, а как средство разрушения Российской империи.

Никто никогда не говорил о России с такой проникновенной ненавистью, как Маркс; разве что его русские ученики, считавшие эту ненависть одной из самых святых и правых. «Оплот мировой реакции», «угроза свободному человечеству», «единственная причина существования милитаризма в Европе», «последний резерв и становой хребет объединенного деспотизма в Европе» – вот излюбленные его выражения. Список причин, по которым он возненавидел нашу страну, столь велик, что занял бы несколько страниц, но весь он сводится к обвинению России в тиранической политике по отношению к Германии. Россия, будто бы, стояла всегда на страже германской раздробленности; еще на Венском конгрессе узаконила разделение Германии на 36 мелких государств, и в дальнейшем всякое самостоятельное изменение государственного строя ей было запрещено Николаем I. Россия виновата в восстановлении крепостного права в Германии после гибели Наполеона. Россия заставила Пруссию подчиниться Австрии. Пруссия превращена была в русского вассала и прикована к России. Встречаются строки совершенно бесподобные: «Россия приказывала Пруссии и Австрии оставаться абсолютными монархиями – Пруссия и Австрия должны были повиноваться». Курьезность и противоречивость обвинений, видимо, не замечались Марксом. То он упрекает Россию, что она выдала Германию с головой Наполеону, то винит в победе над Наполеоном, вследствие которой Германия лишилась свобод, принесенных ей этим завоевателем. То он возмущается, что Россия подчинила Пруссию Австрии, то, наоборот, негодует, что Австрия отброшена Пруссией от всей Германии при поддержке России. Смешно подходить к этому маниакальному бреду с реальной исторической оценкой и критикой. Приведенный букет высказываний интересен как психологический документ. Россия должна провалиться в Тартар, либо быть раздроблена на множество осколов путем самоопределения ее национальностей. Против нее надо поднять европейскую войну, либо, если это не выйдет, – отгородить ее от Европы независимым польским государством. Эта политграмота сделалась важнейшим пунктом марксистского катехизиса, аттестатом на зрелость. Когда в 80-х и 90-х годах начали возникать в различных странах марксистские партии по образцу германской социал-демократической, они получали помазание в Берлине не раньше, чем давали доказательства своей русофобии. Прошли через это и русские марксисты. Уже народовольцы считали нужным, в целях снискания популярности и симпатий на Западе, «знакомить Европу со всем пагубным значением русского абсолютизма для самой европейской цивилизации». Лицам, проживавшим за границей, предписывалось выступать в этом духе на митингах, общественных собраниях, читать лекции о России и т.п. А потом, в программах наших крупнейших партий, эсдеков и эсэров, появился пункт о необходимости свержения самодержавия в интересах международной революции. Ни Габсбурги, ни Гогенцоллерны не удостоились столь лестной оценки; их подданные-социалисты собирались свергать своих государей для блага Австрии и Германии. Только подданные Романовых приносили царей на алтарь, прежде всего, мировой революции. Без укоренившегося влияния Маркса и немецких марксистов трудно объяснить включение этого пункта в программные документы.

После сказанного нет надобности объяснять вполне утилитарный характер любви Маркса к Польше. Разрабатывал ли Энгельс план похода революционных армий на Россию, он прежде всего взвешивал роль Польши как союзника; говорил ли Маркс о каком-нибудь из польских восстаний, он неизменно рассматривал его с точки зрения ущерба для России. Поэтому-то Марксу и безразлично было, кто двигает это национальное воз-

рождение - социал-демократы или аристократы-помещики. Он всех брал под плащ революции. Самая скорбь его и Энгельса по поводу неудачи польского восстания 1863 года выглядит скорбью расчетливых людей. «Пройдет много времени, прежде чем Польша снова сможет подняться, даже при посторонней помощи, а между тем, Польша нам совершенно необходима».

«Необходима». В этом весь цинизм в отношении их к Польше. А что оно было беспредельно циничным, можно видеть из одного письма Маркса: «Зачисление его в ряд исторических и революционных произошло, следовательно, не в силу его природных качеств, а по соображениям чисто служебным. «Ни для кого иного национальное существование Польши не необходимо более, чем именно для нас, немцев».

В 1864 году в предварительном комитете по созыву конгресса будущего Интернационала Марксу удалось, наряду с вопросами общего характера¹, включить в план работ конгресса совершенно частный вопрос о «необходимости уничтожить влияние русского деспотизма в Европе посредством приложения права народов располагать самими собою и посредством восстановления Польши на началах демократических и социальных». На конгрессе произошла по этому поводу дискуссия. Протокол гласит: «Делегация французская высказывает мнение, что по этому вопросу не должно быть никакого голосования и что конгресс ограничится заявлением о том, что он противник всякого деспотизма во всякой стране и что он не входит в разбор столь сложных вопросов, как национальные. Нужно желать и требовать свободы в России, как и в Польше и отвергнуть старую политику, которая противополагает народы одни другим. Мнение большинства конгресса склонялось явственно к предложению французов. Тогда попросил слово г. Беккер. Он выразил сожаление, что конгресс не решает ничего по этому вопросу. Русская Империя служит постоянно угрозой против цивилизованных обществ Европы; Польша служила бы для нее преградой... Он прибавляет, что польский вопрос есть вопрос европейский, но который интересует Германию специально, так что его можно назвать в известном отношении немецким вопросом».

Казалось бы, какие более откровенные свидетельства макиавелистического отношения к полякам могут быть? Но они есть. Энгельс одарил нас еще одним документом такой красочности, что мимо него пройти никак невозможно. Известно, какие гимны пелись Польше в 1848 году, как бредили польским восстанием в «Новой Рейнской газете». Ждали «чуда на Висле». Но по прошествии одного-двух лет, когда чудо не появилось, гимны кончились, поляков перестали носить на руках. В 1851 году² Энгельс пишет длинное письмо Марксу по польскому вопросу и тут обнажает с полным бесстыдством моральную подкладку своей «революционной мысли».

Он сообщает, что чем больше он размышляет об истории, тем яснее ему становится, что поляки – разложившаяся нация³. «Ими приходится пользоваться лишь как средством, и лишь до тех пор, пока сама Россия не переживет аграрной революции. С этого момента Польша теряет всякое право на существование». Выходит, что как только в самой России найдена будет разрушительная сила – гордого лебедя революции можно будет загнать в общеславянский курятник. Поражает в этом письме чисто национальное презрение, возникшее не под влиянием минуты, а выношенное, отстоявшееся. «Никогда поляки не делали в истории ничего иного, кроме как играли в храбрую и задорную глупость». «Бессмертна у поляков наклонность к распрыям без всякого повода». И, наконец,

¹ О труде, о капитале, о рабочем дне, о женском труде.

² 31 мая.

³ nation fondue.

«нельзя найти ни одного момента, когда бы Польша, хотя бы против России, с успехом явилась представительницей прогресса или вообще сделала бы что-либо, имеющее историческое значение. В противоположность ей Россия, действительно, олицетворяет прогресс по отношению к Востоку». Энгельс находит в России гораздо больше образовательных и индустриальных элементов, чем в «рыцарственно-бездельнической Польше». «Никогда Польша не умела ассимилировать в национальном смысле чужеродные элементы. Немцы в польских городах есть и остаются немцами. А как умеет Россия русифицировать немцев и евреев, тому свидетельство – каждый русский немец уже во втором поколении». Он отмечает лоскутный характер бывшего польского государства. «Четверть Польши говорит по-литовски, четверть по-русински, небольшая часть на полурусском диалекте, что же касается собственно польской части, то она на добрую треть германализирована». Энгельс благодарит судьбу, что в «Новой Рейнской газете» они с Марксом не взяли на себя в отношении поляков никаких обязательств, «кроме неизбежного восстановления Польши с соответствующими границами». Но тут же добавляет: «лишь под условием аграрной революции в ней. А я уверен, что такая революция скорее вполне осуществится в России, чем в Польше».

Нет сомнения, что меньше чем за три года Маркс и Энгельс утратили надежду на антирусское восстание поляков и потеряли к ним всякий интерес. Это не значит, что отказались «посылать их в огонь», то есть подбивать на дальнейшие бунты против России, но радикального средства в этих бунтах уже не видели. Энгельс убежден, что «при ближайшей общей заварухе все польское бунтарство ограничится познанцами и галицийской шляхтой плюс немногими выходцами из Царства Польского, и что все претензии этих рыцарей, если они не будут поддержаны французами, итальянцами, скandinавами и т.п. и не будут усилены чехословенским мятежом, – потерпят крушение от ничтожества собственных усилий. Нация, которая в лучшем случае может выставить два-три десятка тысяч человек, не имеет права голоса наравне с другими. А многое больше этого Польша, конечно, не выставит».

Маркс, хотя и не в столь ярких выражениях, соглашался с Энгельсом. Он поспешил отказаться от своей прежней готовности восстановления Польши в границах 1772 года, ибо рассудил, что немецкую Польшу, с городами, населенными немцами, не следует отдавать народу, который доселе еще не дал доказательства своей способности выбраться из полуфеодального быта, основанного на несвободе сельского населения. Он и от Лассала получил заверение в полном согласии с такой точкой зрения: «прусскую Польшу следует рассматривать как германизированную и относиться к ней соответственно».

В случае войны с Россией, Маркс готов компенсировать полякам потерю Познани щедрым присоединением земель на Востоке, обещает им Митаву, Ригу и надеется на их согласие «выслушать разумное слово по отношению к западной границе», после чего они поймут важность для них Риги и Митавы в сравнении с Данцигом и Эльбингом. Самые восстания польские мыслимы только против России. «У меня был один польский эмиссар, – пишет он Энгельсу в 1861 году: – вторичного визита он мне не сделал, так как ему, конечно, не по вкусу пришлась та неприкрашенная правда, которую я преподнес относительно плохих шансов всякого революционного заговора в настоящий момент на прусской территории».

Прекрасное резюме этому комплексу настроений дал Энгельс в цитированном выше письме, сделав набросок марксистской тактики в польском вопросе. «На Западе отбирать у поляков все, что можно, оккупировать немецкими силами их крепости под

предлогом защиты, в особенности Познань, оставить им занятие хозяйством, посыпать их в огонь, слопать¹ их земли, кормя их видами на Ригу и Одессу, а в случае, если можно будет вовлечь в движение русских, – соединиться с этими последними и заставить поляков примириться с этим». Под «русскими» разумеется, в данном случае, не царская, а революционная Россия.

* * *

Итак, поляки лишь «сгоряча» и по тактическим соображениям причислены были к «историческим» народам. Под конец жизни, интерес Маркса к полякам пропал, уступив место восторгу перед народовольцами-террористами. Именно перед народовольцами, а не перед чернопередельцами, из которых вышли потом последователи Маркса в России. Их он не жаловал за то, что «эти господа стоят против всякой революционно-политической деятельности», тогда как он приветствовал и всячески ласкал террористов. Вот что рассказывает Эдуард Бернштейн о приеме, оказанном Марксом народовольцу Гартману. Молодой в то время, Бернштейн был уже почитателем Маркса и тоже был им принят довольно ласково. «Однако же, – говорит он, – при наших беседах всегда сохранялось между нами известное «расстояние». Совсем иначе стояло дело между Марксом и Львом Гартманом, явившимся в Лондон летом 1880 года. «Я был просто поражен, видя, как этот великий мыслитель, а также Энгельс, обращаются совсем побратски, на ты, с молодым человеком, который производил на меня впечатление умственной посредственности и бесцветности». «По-видимому, – заключает Бернштейн, – их дружеское расположение к нему вызывалось исключительно его участием в террористическом предприятии».

Известно, что Маркс презрительно отзывался о возможности революции в России. В ней «может быть только тот или иной бунт, причем достанется немецким платьям, а революции никакой и никогда не будет». Так говорил он в 1863 году. Он искренне удивлялся своей популярности в этой стране; нигде его так не чутут и не издают, как в России, которую он усердно оплевывал, революционных деятелей которой глубоко презирал и чуть не поголовно считал царскими агентами. И вот этот человек в конце 1881 года провозглашает: «Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе». Совершенно очевидно – не рост промышленности, не рост пролетариата, не «идейная зрелость», которых еще не было, даже не крестьянские волнения подвигли его на такое заявление, а убийство Александра II, шумная деятельность кучки террористов. Он приходил в восторг от того, что им удалось превратить нового царя в гатчинского военнопленного революции.

Разумеется, не благо русского народа, даже не судьбы русской революции занимали его, а уничтожение самодержавия, представлявшегося ему тормозом европейской революции. Не сумели его уничтожить поляки – прочь поляков, да здравствуют Желябовы и Перовские!

Но после всего сказанного о поляках ни минуты не верится в искреннюю «революционную» симпатию его к Желябовым и Перовским. Он их ценил как роботов революции, но ненавидел как русских.

Рискуя загромоздить изложение иллюстрациями, не могу не привести рассказ Герцена. В Лондоне, в Сент-Мартинс Холле, 27 февраля 1855 года состоялся митинг в воспоминание о 24 февраля 1848 года, на который приглашен был в качестве оратора и Герцен. Избран он был также членом международного комитета. После этого получено

¹ Ausfressen.

было письмо от какого-то немца, протестовавшего против его избрания. Немец писал, что Герцен известный панславист и требовал завоевания Вены, которую называл славянской столицей. «Это письмо, – говорит Герцен, – было только авангардной рекогносцировкой. В следующее заседание комитета Маркс объявил, что он считает мой выбор несовместным с целью комитета, и предлагал выбор уничтожить. Джонс заметил, что это не так легко, как он думает; что комитет, избравши лицо, которое вовсе не заявляло желания быть членом, и, сообщивши ему официальное избрание, не может изменить решение по желанию одного члена; что пусть Маркс формулирует свои обвинения, и он их предложит теперь же на обсуждение комитета. На это Маркс сказал, что он меня лично не знает, что он не имеет никакого частного обвинения, но находит достаточным, что я русский и притом русский, который во всем, что писал, поддерживает Россию; что, наконец, если комитет не исключит меня, то он, Маркс, со всеми своими будет принужден выйти». Большинство высказалось за Герцена, Маркс остался в ничтожном меньшинстве – встал и покинул комитет. Это была одна из многих выходок против русских, предпринятых единственно на том основании, что они – русские. Бакунина, Герцена и многих других революционеров-эмигрантов Маркс считал платными агентами царского правительства. Народническое движение в России рассматривал как «панславистскую партию, состоящую на службе у царизма».

Пусть найдутся люди, способные доказать, что выраженная здесь русофobia объясняется революционной психологией, а не расовой ненавистью.

В наши дни, когда «расовая дискриминация» – почти уголовное преступление, любой коммунист, сказавший на эту тему хоть сотую долю того, что сказали авторы «Коммунистического Манифеста», не мог бы оставаться в партии ни минуты, они же – худым словом не помянуты и пребывают по сей день в роли вождей и учителей.

Одиозность всего здесь отмеченного – не в нацистском облике коммунистических апостолов, а во «всемирном молчании», созданном вокруг этого облика. Никого почему-то не коробило и не коробит их рассуждение в «Новой Рейнской Газете» о «братстве европейских народов», которое «достигается не посредством фраз и благочестивых пожеланий, а путем решительных революций и кровавой борьбы; дело идет тут не о братстве всех европейских народов под сенью одного республиканского знамени, но о союзе революционных народов против контрреволюционеров, о союзе, который осуществляется не на бумаге, а на поле битвы».

Не напоминает ли эта бредовая мысль о Священной Социалистической Империи Германской Нации, в которую не войдет ни один народ-унтерменш, знакомый нам образ Третьего Рейха?

За несколько последних десятилетий корабль марксизма подвергся жестокому обстрелу и зияет пробоинами; самые заветные его скрижали ставятся, одна за другой, на одну полку с сочинениями утопистов. Позорная же шовинистическая страница, о которой идет речь в этой статье, – все еще остается неведомой подавляющему числу последователей и противников Маркса. Начинают, однако, появляться разоблачительные работы, вроде книги Бертрама Вульфа. Не далек день, когда последние лоскутья тоги сорваны будут с проповедников зла и великая ложь марксизма обнажена будет в полной мере.

Коротко об авторе. Николай Иванович Ульянов (1904-1985) – русский историк и публицист. Ученик С.Ф. Платонова, до ареста в 1936 году опубликовал несколько исследовательских работ. В июне 1936 г. Н.И. был арестован НКВД по обвинению в

контрреволюционной пропаганде, приговорен к 5 годам концлагеря и отправлен на Соловки. В годы войны оказался вне СССР и после долгих мытарств был пристроен Г.В. Вернадским на его кафедру в Йельском университете. В эмиграции написал несколько книг, наиболее известной из которых является «Происхождение украинского сепаратизма» и ряд исторических очерков, одним из которых является «Замолчанный Маркс».

ПРИМЕЧАНИЯ

Осуществимый в том смысле, что его реализация будет гораздо менее трудной, чем марковой идеи, которая наряду с бедностью своей цели, представляет еще и серьезное неудобство быть абсолютно неосуществимой. Уже не в первый раз умелые, справедливые люди, выдвигающие практические и возможные вещи, признаются утопистами, а те, кого сегодня называют утопистами, завтра будут признаны практическими людьми. Абсурд марковой системы состоит как раз в той надежде, что, чрезмерно служая социалистическую программу, чтобы сделать ее приемлемой для радикальных буржуа, они смогут превратить их в бессознательных и невольных слуг социальной революции. В этом большая ошибка; все исторические примеры нам доказывают, что союз, заключенный между двумя различными партиями, поворачивается всегда в пользу наиболее реакционной; этот союз непременно ослабляет наиболее прогрессивную партию, уменьшая, искажая ее программу, разрушая ее силу духа, ее веру в себя; в то время как, когда реакционная партия лжет, она находится всегда и более, чем когда-либо, в своей тарелке. Пример Мадзини, который, несмотря на свою республиканскую жесткость, провел всю свою жизнь в сделках с монархией, и который при всем своем несомненном таланте, в итоге был ею одурачен - этот пример не должен быть потерян для нас. Что касается меня, то я без колебаний заявляю, что все марковы кокетства с реформистским, либо революционным радикализмом буржуазии не могут дать иных результатов, чем уныние и дезорганизацию зарождающейся силы пролетариата и, следовательно, новое укрепление существующей силы буржуазии.

МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ БАКУНИН

Полемика против евреев

Редакция: Asqwerty

Художественный редактор: Амидала

Ответственный за выпуск: (в бегах)

Компьютерное обеспечение: (в подполье)

Подписано в печать (точная дата неизвестна)

Формат бумаги бох90/16

Тираж: неимоверный.

Цена непомерная

Издательство: засекречено, адрес прежний, телефоны те же.

Отпечатано в типографии «Юный подпольщик»

ЕВРЕЙ - БУРЖУА, ТО ЕСТЬ
ЭКСПЛУАТАТОР ПО
ОПРЕДЕЛЕНИЮ. КАК МЫ
ТОЛЬКО ЧТО ВИДЕЛИ,
ВСЯ ИСТОРИЯ СДЕЛАЛА
ЕГО ТАКИМ - ЭКСПЛУАТА-
ТОРОМ, В КАКИХ БЫ УС-
ЛОВИЯХ И ФОРМАХ ЭТО
НИ ВЫРАЖАЛОСЬ.